

Динара Германовна
Селиверстова

**Дорога,
по которой
бродят сказки**

2020

**Динара Германовна
Селиверстова**

**ДОРОГА,
ПО КОТОРОЙ
БРОДЯТ СКАЗКИ**

Паровая типолитографія А. А. Лапудева

Москва

Георгіевскій переулокъ, домъ 19

2020

Динара Германовна Селиверстова. Дорога, по которой бродят сказки. — Москва, Паровая типолитография А. А. Лапудева, 2020 — 261 с.

Сборник рассказов постоянного автора журналов «Ступени Оракула» и «Все загадки мира».

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т. п. Все материалы получены из открытых источников.

© Д. Г. Селиверстова, текст, 2020

© А. Акишин, иллюстрации, 2020

СТРАХ И УЖАС ОЛИМПА

Отец на Олимпе. Мы в Ликии. Эту гору местные жители тоже считают Олимпом и верят, что боги живут здесь. Проходя у подножия горы, они часто запрокидывают головы вверх, словно пытаются разглядеть нас, хотя знают, что мы редко показываемся смертным. Иногда, глядя наверх, они испытывают безотчётную тревогу и в их глазах появляется страх; значит, их взгляд упал на кого-то из нас. Вот и сейчас крестьянские дети, отбежавшие в игре далеко от своей хижины, щурятся, вглядываясь в вершину, и маленькая девочка придвигается поближе к старшему брату.

Местные отчасти правы: мы действительно живём здесь. Мы могли бы жить вместе с отцом, но этого не хочет никто — ни другие олимпийцы, ни мы сами. Зевс ещё терпит отца, своего сына, но от нас просто отводит взгляд. Афродита не помнит нас: это Эрот красив, а до нас ей нет дела. Нас признаёт только отец. Когда готовится бой, он заходит за нами. Приходит молча, и так же молча мы следуем за ним. Бой подобен морю, в него бросаются, как в иную стихию, и нужно утратить связь с прежним миром, чтобы эта стихия стала твоей, как чтобы плыть в море, нужно оторваться от дна. Люди теряют почву под ногами, оказавшись в нашей власти. Одних это губит, другим придаёт силы. Иногда в бою мы ловим на себе сумрачный взгляд Афины. Она не так гневается на нас, как на отца, но ей не нравится то, что порой мы оказываемся более близки человеческой природе, нежели она.

Мальчик и девочка внизу по-прежнему встревожены, но смотрят они уже не на нас, а на пик горы. Я догадываюсь, что происходит. Тучи с севера приходят в эти края внезапно, вдруг вздымаясь из-за гор и словно заглатывая синеву неба. Я вижу, как тень облаков, спускается, будто лавина, по заросшему соснами склону горы. Мальчик и девочка, взявшись за руки, бегут к своей хижине. В набежавшей темноте мерцает огонёк очага. Стены мне не помеха, я вижу, как дети забива-

ются под драный плащ, что служит им одеялом. На миг молния выхватывает из темноты колеблемые ветром кроны сосен. Я нащупываю в памяти мальчика обрывки древнего предания и пробуждаю их к жизни.

— Может, это Химера, — шепчет он, когда стихает раскат грома.

— Какая Химера? — спрашивает девочка.

— Говорят, она жила раньше здесь. У неё была голова льва, туловище козы и хвост дракона. Она подкарауливала людей в горах. Ловила их и пожирала.

Девочка натягивает плащ до самых глаз, ёжится и сам мальчик. Брат стоит рядом со мной; он усмехается, заметив, что я делаю. Склон горы вновь озаряет молния. Девочка тихонько вскрикивает.

— А если она сюда придёт?

— Не придёт. — Мальчик старается говорить небрежно, но голос его дрожит. — Её уже убили.

— Правда?

— Правда. Беллерофонт убил. Подлетел к ней на крылатом коне и убил.

Ещё одна молния. Удар грома до основания сотрясает гору.

— А почему ты тогда сказал, что это Химера? — недоверчиво спрашивает девочка.

— Вроде, где-то в горах осталась её голова, и из неё иногда вырывается пламя. Но она никого не может сожрать.

— Правда?

— Правда.

Тучи разверзаются, дождь обрушивается на землю сплошным потоком. Сверху кажется, будто деревья падают на колени. Брат хохочет, озаряемый вспышкой молнии, и смех его сливается с грохотом грома. Брат в своей, всееляющей ужас стихии.

В хижине мальчик и девочка дремлют у очага под рёв дождя.

У нас с братом нет домашнего очага, но, если бы не мы, люди не ведали бы ему истинной цены.

ТЕНЬ ГИЕНЫ

I

Купец Низар ибн Саид вышел бы из города гораздо раньше, кабы не захромал один из его мулов. Пришлось вернуть на базар и выбрать там нового. Круглолицый торговец попытался всучить ему старую животину, но быстро понял, что не на того напал, рассыпался в похвалах опытному и зоркому глазу покупателя и вывел к нему крепкого и сильного мула. После небольшого торгового дела сделка была совершена.

Захромавшего мула Низар оставил хозяину гостиницы, в которой ночевал: тот обещал позаботиться о бедном животном и подлечить его.

Солнце стояло высоко, когда Низар выехал из городских ворот. Путь лежал среди вереницы барханов, тянувшихся до самого горизонта. До Багдада оставалось ещё три дня пути, и Низар, соскучившийся по родному дому, торопился, насколько позволяли силы мулов, нагружённых товаром. Но к вечеру он уже бранил себя за излишнюю спешку: сумерки сгущались, всё длиннее становились тени маленького каравана, бредущего по пескам. Остался бы в городе и пустился бы в путь поутру. Тогда бы к следующей ночи добрался до небольшого селения к западу отсюда. А теперь того и гляди коротать ночь придётся в пустыне. Подгонять мулов, однако, Низар не решался: чего доброго, потеряет ещё кого-нибудь из них. Тогда хоть самому тюки на закорки взваливать: животные и так волокли сколько могли. И когда померк последний луч солнца, у молодого купца вырвался печальный вздох. Не хотелось ему ложиться спать в песках, да ничего не поделаешь.

II

Впереди виднелась небольшая роща, и за неимением другого крова можно было устроиться под сенью деревьев. В маленьком оазисе наверняка есть вода. Низар подбадривал себя мыслью, что там, может быть, даже окажется озеро.

Как хорошо будет освежиться в его прохладе после утомительной долгой дороги!

— Эй, путник, стой, подожди меня! — послышался позади незнакомый голос.

Обернувшись, Низар увидел догонявшего его человека. На смену солнцу на небе явилась луна, и, хоть свет её был мягок и слаб, его хватило, чтобы разглядеть незнакомца.

Это был худощавый человек средних лет, с очень тёмным лицом. В жидкой бороде блестела седина. Халат его покрывала богатая вышивка, а в руке он держал резной посох. Не бедняк, это видно, но почему же он пешком пустился в путь через пустыню?

— Подожди меня, будь так добр! — повторил он, то-ропливо догоняя Низара. — Ты ведь Низар, купец из Багдада? Я слышал твоё имя в городе. Ну а меня зовут Асафом. Прости, что остановил тебя, но эта дорога опасна для путников, идущих в одиночку. Мне и самому не по себе оттого, что я без провожатых. Пойдём вместе, так будет спокойнее и веселее.

— Как же ты пустился в дорогу один, зная, что места здесь опасные? — удивился Низар.

— Я должен был идти со своим другом, да нас догнал вестник, сообщивший, что жена его захворала. Вот он и повернул назад, а меня неотложные дела погнали дальше в дорогу.

— Что ж, идём вместе, — сказал Низар. — Только путь-то у нас получится недолгий: вон до той рощи. Наверняка в ней есть родник, раз выросли деревья. Там и можно будет переночевать.

III

— А вот этого делать не стоит, — возразил Асаф. — Здесь опасно спать под открытым небом.

— Почему же? — спросил Низар. — Говорили, что воины нашего султана очистили эти края от разбойников.

— От воров и убийц — да, — согласился Асаф. — Уже три года здесь никого не грабят, да продлятся дни султана, изгнавшего разбойников из этих краёв. Но гиены по-прежнему рыскают среди песков, а они тут особенно свире-

пы. Ростом они с небольшого телёнка и любят нападать сзади, острыми клыками перегрызая человеку шею. Бывало, на этой дороге пропадали и путники, и их выючные животные.

— Может, это просто одна из тех историй, которые любят рассказывать вечерами за чаем? — усомнился Низар.

Он вспомнил, как в детстве они любили с братьями сбиться в кучку возле жаровни и пугать друг друга жуткими байками. Ночь за стенками шатра тогда становилась ещё более жуткой, а тепло, исходящее от углей, более успокаивающим и уютным. И чай, полный душистого аромата трав, казался ещё вкуснее и согревал до самого сердца.

— Погляди-ка туда! — сказал Асаф, протягивая руку.

Низар оглянулся и в пятне лунного света увидел какой-то непонятный предмет, лежащий в десятке шагов от него. Он подошёл чуть ближе и разглядел конский череп и кости, наполовину занесённые песком.

— А вон ещё! — вскричал Асаф.

И верно: чуть поодаль валялся ещё один череп, и комок сухой пустынной травы зацепился за буйволов рог, торчащий из песка. Если несчастное животное не околело от усталости или болезни, то хищник, одолевший его, обладал немалой свирепостью и силой.

— Ничего не поделаешь, — со вздохом сказал Низар. — Деревья дадут нам хоть какое-то укрытие. Может, будем спать по очереди?

— Давай-ка лучше свернём в те развалины старой крепости, что виднеются за барханом, — предложил Асаф.

Низар оглянулся.

— Должно быть, зрение у тебя острее, чем у меня, — сказал он. — Бархан я вижу, а развалины нет.

Асаф засмеялся:

— Кто знает, может, это мои глаза меня подводят, видя то, что им хочется, но чего нет на самом деле. Давай пройдем немного вперёд по дороге. Если развалины не появятся, то так и быть, рискнём: отправимся в ту рощу и заночуем под деревьями.

IV

Так они и сделали, и вскоре Асаф торжествующе вскрикнул, а Низар убедился в том, что зрение у его товарища и впрямь отменное: за барханом темнела громада руин, когда-то, видно, служившая надёжным оплотом отрядам воинов.

Они свернули к развалинам, завели туда мулов, а вход загородили камнями изнутри. После этого поднялись на полуразрушенную стену. Низар шёл медленно, внимательно присматриваясь в темноте, куда ставит ногу.

— Вот, гляди-ка, — произнёс Асаф, указывая вдаль.

Низар поднял голову. По песку двигалась нескладная тень, напоминавшая огромную собаку, припадающую на задние ноги.

— Эти жуткие твари и трупами полакомиться не прочь, особенно если какого-нибудь бедолагу заруют недостаточно глубоко, — произнёс Асаф.

Низар пожал плечами.

— И всё же даже они создания Аллаха, — проговорил он задумчиво.

При упоминании Аллаха порыв тёплого ветра пронёсся сквозь холод пустынной ночи. Всё вокруг будто качнулось, и Низар оцепенел, увидев вдруг заострённое копыто, которым завершалась рука Асафа, указывающая на гиену. Спустя

мгновение он собрался с духом, чуть скосил глаза и увидел отблески лунного света на изогнутых клыках, сверкающих на тёмной морде.

— На этих камнях оступишься — вот и пойдёшь гиенам на корм, — услышал он словно издалека свой собственный голос.

V

Низар переступил с ноги на ногу, словно выискивая более прочную опору, и незаметным движением вытащил кинжал, мигом прикрыв его локтем. Времени обдумывать действия не оставалось, как не оставалось и сил на то, чтобы бороться с удушающим ужасом. Надо было просто ударить. Один раз.

На вышивке, украшавшей халат, забурлила тёмная жижа. Асаф протяжно взвыл, и гиена внизу, подскочив от испуга, метнулась в сторону. Гуль — а это был он, оборотень, — повалился на камни и забился, пытаясь зацепить Низара за ногу скрюченными когтями. У оскаленных клыков пузырилась пена.

Низар отступил на шаг, потом на другой. Локоть коснулся стены: дальше отступать было некуда. Кинжал, с которого тягучими каплями стекала тёмная грязь, он по-прежнему держал в руке. Выпученные глаза чудовища остановились на помутневшем лезвии.

— Добей... — просипел гуль, царапая камни. — Добей меня.

— Как скажешь, — отозвался Низар.

Он спрыгнул вниз — туда, где стояли мулы. Животные тревожно поводили глазами и сопели, почуяв опасность. Низар вытащил из седельной сумы бутылку масла и вскарабкался обратно на стену. Гуль всё ещё корчился на камнях, лязгая клыками. При виде Низара он замер.

— Добей... — выдохнул он мгновение спустя.

— С удовольствием, но только не кинжалом, — сказал Низар. — Второй удар того же оружия исцеляет, верно?

Он швырнул в гуля бутылку, а потом зажёг кусок трута и бросил туда же.

Огонь на стене уже догорал, когда Низар вывел мулов из развалин и направился к роще. Вот теперь, когда всё кончилось, он разрешил себе бояться, и сердце его колотилось так сильно, как будто оно вдруг выросло и перестало помещаться в груди. От угасающего костра тянуло смрадом, и хотелось скорее добраться до родника, питающего корни тенистых деревьев...

VI

Шагая по песку, Низар снова вспоминал вечера у жаровни в шатре. Это старший брат рассказывал о гулях, о том, что их истинный облик откроется, если при них упомянуть Аллаха. Ещё брат говорил, что злобную тварь нельзя ударить одним и тем же оружием дважды. Низар с малышом Юсуфом сидели, замерев и приоткрыв рты от восторженного страха. Дед, лёжа на подушках в стороне, слушал детские байки и улыбался, но маленький Низар замечал, что порой он согласен кивал головой. Будто подтверждал: всё сказанное — правда. Может, потому история и отпечаталась в памяти так хорошо. И теперь, спустя много лет, спасла ему жизнь.

Деда давно уже нет на свете, и теперь не спросить, откуда он знал, что эта история правдива.

В нескольких шагах от рощи Низар приметил приземистую тень, появившуюся в отдалении. Гиена стояла, насторожившись, готовая при малейшем признаке опасности пуститься наутёк. Круглые глаза-бусины тревожно поблёскивали, отражая висевшую в небе луну.

— Больше он на тебя ничего не свалит, — сказал Низар.

Гиена потянула носом, повернула морду в сторону развалин и попятилась, жалобно твякнув. То, что дотлевало там, пугало даже её.

Низар вытащил из сумы кусок вяленого мяса, бросил гиене и зашагал дальше. Оглянувшись через несколько шагов, никакой еды он на песке не увидел: только кургузая тень стремительно исчезала в противоположной от развалин стороне, радостно унося подарок.

ЗАГОВОРЁННОЕ ЖЕЛЕЗО

— *Потом приходил молодец удалой
Из края за мутною Зыбью-рекой...*

Богатырь грохнул по столу опустевшей кружкой и устоялся на певца налитыми кровью глазами. В кабаке давно стихли любые разговоры, хотя каждый из посетителей уже много раз слышал песню старого Брага о княжьей сестре Несмеяне, уведённой колдуном Хладом в глухую Лютомань, и обо всех тех, кто пытался вызволить её оттуда. Из месяца в месяц песня становилась всё длиннее, ибо Благ поминал в ней всякого, кто пускался на поиски княжны. Много храбрых воинов являлось сюда из дальних краёв, но ни один не нашёл Несмеяны, а кое-кто и обратного пути из Лютомани не сыскал.

— *Останется в чаще сокрыта она,
Покуда по воле черна колдуна
Стоят между нею и миром людей
Царь-Кориун, Царь-Волк и Царь-Змей!*

— привычными словами завершил Благ свою песню.

И тут багровоглазый богатырь перегнулся через стол и, схватив старика за ворот, притянул его к себе.

Все только ахнули. У Бессона, подыгрывавшего Брагу на флейте, рот от изумления открылся.

— Завтра, — просипел богатырь, — завтра твоя песня будет заканчиваться по-другому, помани, старик, моё слово!

Молва о новом богатыре, собирающемся на поиски Несмеяны, облетела округу, словно разнесённая ветром. Много было таких — плечистых, сумрачных, суровых, исполненных решимости без княжны не возвращаться. Может, и этот был такой же, как и прочие, да только оружие при нём

было непростое, не против обычного врага, а против нечисти заговорённое. А это означало, что с Лютоманью он схватится на равных.

В ту ночь о богатыре и его заговорённом оружии думали все. Тихо вздыхала у себя в тереме Ждана, жена князя: мало того, что богатырь того и гляди приведёт обратно эту смурную девку — это ладно, всё равно её сразу замуж за спасителя и спровадят, — да ведь за ней ещё и половину их владений отдавать придётся. Зато улыбался себе под нос князь Любим: изведёт богатырь в Лютомани всю нечисть, и не пойдут тогда торговцы на юг кружным путём через соседние земли. По его, любимовым владениям, двинутся купеческие обозы, и такая прибыль тогда повалит, что и обещанной за сестру половины княжества не жаль. Перешёптывался простой люд, возбуждённый и напуганный одновременно, и даже звёзды, роившиеся в ночном безоблачном небе, теснились, тихонько звеня, в вышине, чтобы заглянуть в окошко одной из комнат на постоялом дворе: там раскинулся на постели спящий богатырь-великан, а заговорённые меч и лук со стрелами лежали с ним рядом, и звёздный блеск вязко расплывался по мутной глубине железа.

Только сам богатырь мерно всхрапывал, не думая ни о чём, да в самом сердце Лютомани спали, не ведая о будущем госте, тёмный колдун Хлад и княжна Несмеяна.

Несмеяну прочили в жёны князю Беяну с Западных земель. Любим возлагал большие надежды на этот брак: сильный союзник лишним не будет. На званом пиру Любим и Беян пересмеивались-перешучивались по-свойски; Беян то и дело норовил подтолкнуть Несмеяну плечом, по-дурацки свешивал голову, заглядывая ей в глаза, и басил, обращаясь к Любиму:

— А чего сестрица такая хмурая? Чего такая серьёзная?

Брат усмехался, приговаривал, что это, мол, девичье притворство. Ждана поглядывала с раздражением, но помалкивала. Несмеяна давила в руках хлебную корку и смотрела в дощатый стол. Хмурой, серьёзной всю жизнь прожила, ни ради кого меняться не станет. Не любя — ищи другую.

— Ну, улыбнись!..

Несмеяна слегка отодвинулась, и уже захмелевший Белян, вместо того, чтобы поддеть её плечом, пьяно качнулся на лавке.

— Так он нам не сватов, а дружинников зашлёт, — тихо процедила Ждана.

— Эй, Белян, тут слухи доходили, что ты разбойничью шайку, на границе промышлявшую, под самый корень извёл? — громко спросил Любим.

— Так и есть, под корень, — с важным видом подтвердил Белян. — Кого порубали, кого на деревьях вздёрнули! Да я сам... вот этой рукой...

Он потряс в воздухе дюжим кулаком. Несмеяна выскользнула из-за стола.

Звон кузнечиков словно плавился в воздухе. Даже над поверхностью реки не было ветерка. Девки, увязавшиеся за Несмеяной, быстро позабыли о княжне, и теперь с визгом плескались у берега. Несмеяна сидела на камне среди высокой травы, и, прикрыв глаза, вдыхала густой, пьянящий, тягуче-медовый аромат своих любимых цветов — аромат чертополоха. Среди пушистых фиолетовых комочков копошились пчёлы. Открывая глаза, Несмеяна видела вдали тёмную полосу, проступающую за выгоревшим лугом. То чутко дремал под летним солнцем запретный лес — Лютомань.

Несмеяна снова закрыла глаза, пытаясь раствориться в душном мареве жарких трав и пчелиного гула. И не сразу поняла, почему вдруг повеяло прохладой. А открыв глаза, увидела перед собой человека в сером балахоне, подпоясанном верёвкой. Прямые сивые волосы, охваченные обручем, свисали вдоль худого лица, отчего оно казалось ещё более узким. Светло-серые глаза, поблёскивавшие, как утренние блики на льду, смотрели на неё в упор.

Несмеяна и раньше видела Хлада, но только издали. Иногда он выбирался из Лютомани, уезжал куда-то на сером коне, а потом возвращался обратно. Нигде не задерживался, ни к кому не обращался. Его никто не трогал — не смел. Лишь один лучник из Любимовой дружины выпустил из-за

частокола стрелу ему вслед. Ветра не было, но стрелу снесло далеко в сторону. Три дня спустя лучник, напившись, захлебнулся в канаве.

Сейчас, когда Хлад оказался так близко, Несмеяна удивилась тому, насколько он молод: старше её лет на пять, не больше.

— Что это ты? — спросил он.

Несмеяна подняла глаза и тихо, но очень отчётливо проговорила:

— Не хочу замуж за Беяна.

Ни о чём не спросил её Хлад. Если девушка сидит в чертополохе, словно пытается исчезнуть в дикой траве, и глаза её пусты, как осеннее небо, а имя «Беян» она произносит так, словно змея шипит, — о чём тут спрашивать?

— Уходи в Лютомань, — сказал он.

Не манил за собой, ничего не сулил — просто предложил выход, лучший выход для такой, как она. Надёжный выход, проверенный на себе самом.

Несмеяна с минуту смотрела на него, а потом протянула ему руку.

Девки не сразу сообразили, в чём дело, когда серый конь промчался по берегу, унося к Лютомани двоих седоков. А потом заголосили.

Неведомо, кто был в большей ярости, Беян или Любим. Беян отправил в Лютомань свою дружину, никого при этом не слушая — а зря. Местные бы от такой глупости отговорили. На воина-одиночку Хлад мог нечисть напустить, а то и насрать одного из своих стражей — Царя-Коршуна, Царя-Волка или Царя-Змея. Тоже беда, но от них хоть иногда кто-нибудь живым вырывался. А на дружину колдун только морок навёл — те сами же друг друга в лесной глуши и перебили.

Несмеяна осталась в Лютомани, в Хладовом каменном тереме. Они редко виделись друг с другом, порой целыми днями не встречались, бродя по запутанным ходам и лестницам. Но про чертополох, любимый Несмеянин цветок, Хлад не забыл. Он вырастил целую лужайку пушистых цветов у окна Несмеяны. Не под самым окном, а чуть в стороне — чтобы аромат доносился, а пчёлы бы не тревожили.

Хлад всегда чувствовал, когда кто-то вступал в Люто-мань. Даже не беспокойство охватывало, а так — будто окликнули. Тогда он закрывал глаза, впускал в себя весь лесной мир, обступавший его, вслушивался: кто, сколько, зачем. Случайно забредшего путника выталкивали обратно на опушку извилистые тропинки. Охотника, наоборот, затягивало в чащу, и звери заигрывали его, как кошка заигрывает мышь. А уж если кто являлся на поиски Несмеяны или хотел помериться силами с нечистью — то тут как у Хлада на сердце ляжет. Одни вылезали из леса, не только не найдя княжны, но и посеяв собственные подмётки. Другими кормились на ужин Коршун, Волк и Змей. Так было всегда, но в этот раз Хлада будто скрутила судорога. Заговорённое железо обжигало лес, въедалось в землю, и железа было много — и меч, и стрелы, и кольчуга, и шлем, и даже подковы на копытах боевого коня. Закрыв глаза, Хлад пытался различить облик того, кто вторгся в его владения, но наложенные кем-то могучим и светлым чары заслоняли от него лицо пришельца. Хлад встряхнул головой, отгоняя наваждение, и поспешил в свою палату, где в маленькой нише, укрытые от солнечных лучей, лежали коршуново перо, клочок волчьей шерсти и лоскуток змеиной кожи. Протянув над ними руку, Хлад беззвучно шевелил губами, про себя читая заклинание, но трое друзей, трое стражей, один — с густом сплетении ветвей, другой — в логове меж древесных корней, третий — в расщелине между камнями, — слышали его зов.

Светлый чародей постарался на славу. Богатырь чувствовал, как сила наложенных заклятий преодолевает сопротивление леса; заговорённые подковы придавливали землю, не давая тропе изогнуться и сбить его с пути, меч скашивал ветви, пытающиеся заслонить дорогу.

Продвигался богатырь медленно. Всё время прислушивался, приглядывался, готовый к нападению и справа, и слева, и с воздуха, и с земли. Да и потом, даже с заговорённым железом продираться сквозь чащу было непросто.

Поляна, внезапно открывшаяся за деревьями, точно расступившимися в стороны, отнюдь не обрадовала. От Лютомани добра не жди: раз легко дают дорогу, значит, ведёт она в западню.

Едва конь ступил на поляну, богатырь натянул поводья и огляделся, прислушиваясь. И точно — вот он, лёгкий шорох, откуда-то сверху... Богатырь вскинул голову.

По ветвям дуба спускался человек. Не карабкался, не лез по ветвям, а шагал по ним, как по лестнице, словно и не надо было ему никакой иной опоры. Шагал, не таясь, со спокойной улыбкой поглядывая на богатыря. Рослый, в чёрном плаще, схваченном костяной пряжкой, лицо смуглое, нос загнут крючком, смоляные волосы гладко зачёсаны назад. Только пригляделся повнимательней богатырь — а никакие это и не волосы: чёрные перья на плечи смуглолицего незнакомца падают. Царь-Коршун спускался из-под лесного полога к своей добыче.

Хрустнула ветка. Богатырь оторвал взгляд от Коршуна и посмотрел вперёд. На противоположном краю поляны стоял, прислонившись спиной к дереву и скрестив руки на груди, ещё один. Ростом не меньше богатыря, да и в плечах не уже, волосы то ли серые, то ли сильно подёрнуты сединой. Вроде, человек как человек, да только глаза у него яркие, жёлтые... Волчьи.

Снова шорох — теперь уже сзади. Обернулся богатырь — и растерянно заморгал. То ли парень, то ли девка — тонкая фигура, словно окутанная призрачным сиянием, скользила по траве. Золотые волосы стянуты в косу, лицо точёное, глаза тёмные, немигающие, не то холодят, не то обжигают. Лишь коснувшись рукой звеньев заговорённой кольчуги, сумел богатырь оторвать взгляд от этих глаз — и увидел, что отражается свет от гладкой чешуи, а золотая коса оказалась змеиным гребнем. Впалый рот Царя-Змея изгибался в насмешливой улыбке.

Богатырь скинул с плеча лук и выпустил стрелу в Коршуна.

Простая стрела бы его не взяла, да и от заговорённой он почти увернулся. Почти — да не совсем. Наконечник впился

в его плечо в момент прыжка, и Коршун рухнул с высоты на землю.

Волк ринулся вперёд, и один его прыжок был равен трём человеческим. Нёсся он молча, без рыка, только под вздёрнувшейся верхней губой сверкали огромные клыки. В последний миг успел богатырь выхватить меч. Волк ушёл было в сторону, но заклятое железо само вело за собой державшую его руку. Богатырь едва не вывалился из седла, но достал-таки Волка, и тот откатился к деревьям, разбрызгивая по траве густо-красные капли крови.

Змей яростно зашипел и метнулся вперёд, но тут уж конь богатыря, не дожидаясь, пока седок развернёт его, сам лягнул копытом. Заговорённая подкова попала Змею в грудь, отбросив его далеко в сторону.

Богатырь ошалело огляделся. Возле дуба слабо подёргивался расшибшийся оземь Коршун. Волк лежал неподвижно, только скрюченные пальцы сминали пучки травы. Змей, судорожно изгибаясь, бился на камне.

Надо бы хоть самому себе признаться: если бы не колдовское железо, не одолел бы звериных царей богатырь, да ещё так запросто. Но ведь чьё железо теперь? Его. Ну, стало быть, и победа его. И, довольно усмехнувшись, богатырь двинулся дальше. Добивать нечисть не стал — авось, сила железа сама справится. Да и не за зверей ему пол-княжества обещано.

Не веря своим глазам, смотрел Хлад на то, как съеживаются, скручиваются коршуново перо, клочок волчьей шерсти и лоскут змеиной кожи, словно сминает их невидимая, сухая, когтистая рука.

— Нет, — пробормотал он. — Как же так?

Сколько лет он их знал, они всегда с любым врагом поодиночке справлялись, никакое оружие их не брало! Да, только то было простое оружие. Но вот вторглась новая колдовская сила, вгрызлась в их мир, их собственный, от чужаков оберегаемый — и уносит теперь его стражей, его друзей, всех троих сразу.

И что теперь делать, кого теперь звать, к кому...

— Мара, — выдохнул Хлад. — Мара, мать моя, матушка... Скольких я тебе приносил — оставь же мне этих. Их, троих, не забирай, слышишь, матушка...

Маре не принято было молиться, и она никого не призывала слушать. Если и поминали её имя, то всегда сопровождали его плачем и проклятиями. Но никто никогда не называл её матерью.

Должно быть, крепко подивилась Мара в своём подземном царстве. А может, и в самом деле приходилась она матерью Хладу? Ведь кто-то же родил его, такого холодноглазого.

И когтистая лапа разжалась и медленно поползла назад. И потихоньку расправлялись, обретая прежнюю форму, перо, клок шерсти и змеиная кожа.

Хлад постоял с минуту, убеждаясь, что это не мерещится ему, а потом подбежал к задвинутому в угол сундуку, откинул тяжёлую крышку и вытащил меч. Меч, им же самим заговорённый.

«Померимся, чьи чары сильнее», — мстительно думал Хлад, волоча меч на крыльцо и даже не замечая, что и двумя руками едва отрывает клинок от земли.

Несмеяна проснулась поздно. Спешить ей было некуда, разве к болоту пройти, чтобы подглядеть на стрекозых крылышках переливчатый узор для рукоделия.

Но едва Несмеяна взглянула в окно, наполовину задёрнутое паутиной, как позабыла о стрекозах. Что-то неуловимое, неясное роилось в воздухе, вселяя в сердце смутное ощущение угрозы. Лютомань словно трясло в лихорадке.

Несмеяна подбежала к окну, выглянула наружу и увидела Хлада: тот спускался по ступеням крыльца, неумело уцепившись обеими руками за меч. Ни Коршуна, ни Волка, ни Змея нигде было не видеть, и от этого становилось ещё страшнее.

Несмеяна сразу поняла, что нужно богатырю, появившемуся верхом на коне из-за деревьев. Сколько таких являлось за ней прежде, она и не помнила, хотя сама не видала никого: ни один до их с Хладом терема не добирался.

Богатырь неспешно слез с седла, смерил взглядом тощую фигуру Хлада, которую явно перевешивал меч, и неторопливо, с ленцой потянул из ножен собственный клинок. Одновременно он обводил взглядом терем, будто высматривая кого-то в окнах. Да ясно, кого...

Пальцы Несмеяны сжали паутинную занавеску. Стражей нет, и пока лучше даже не думать, что с ними случилось. Хладу против эдакого детины не выстоять. Только и защиты у неё осталось, что... Несмеяна посмотрела на паутину.

Хлад научил её нескольким заклинаниям — так, для забавы. Правда, обычно они творили это зимою, в снегу, словно окутываясь ледяными узорами. Получится ли?..

Богатырь уловил какое-то движение в окне маленькой башенки и посмотрел туда. Батюшки...

Бесцветное существо с лицом, точно оплетённым паутиной, манило его рукой. А на шее существа переливалось ожерелье. Богатое ожерелье, княжеское, под стать тому, в котором красовалась, помнится, Любимова жена Ждана. Так это, что ли, получается, князева сестрица?

— Тьфу! — взревел богатырь, яростно топая ногой.

Хлад поднял голову, увидел в окне паутинную рожу, и, с перепугу шагнув мимо ступеньки, шлёпнулся на землю.

Богатырь развернулся и, волоча коня за повод, двинулся обратно.

— Да пропади они пропадом, эти полкняжества! — донеслось из-за деревьев. — Я с железом заговорённым чего получше добуду!

Несмеяна, смахивая с лица остатки паутины, вышла на крыльцо. Хлад всё ещё сидел на земле, потирая ушибленное при падении место; он растерянно смотрел то на Несмеяну, то на лес, где постепенно затихал удаляющийся хруст ломаемых веток. Из-за деревьев появлялись стражи: Коршун подволакивал подбитое крыло, слегка согнувшись набок, брёл Волк, и позади всех медленно тащился Змей.

Стиснула Несмеяна зубы, брови сошлись на переносице. Быстрым шагом спустилась она с крыльца и двинулась к по-

гребу, закрытому не на замок, не на засов — на верёвку, из особых трав сплетённую.

— Ой! — только и вскрикнул Хлад, поняв, что она за-
теяла.

Коршун, Волк и Змей застыли на месте.

— Прячьтесь! — крикнула Несмеяна, поворачиваясь к
ним. — Ну!

Те и о ранах своих позабыли. Коршун подскочил и рез-
во подтянулся к своему гнезду, скрывшись в листве. Волк
нырнул в логово и задёрнул за собой завесу из древесных
корней. Змей кинулся к стене терема и скользнул в щель
между камнями.

Несмеяна несколькими взмахами распутала верёвку, но
из скоб вынимать не стала. Дверца погребка тотчас закачалась.
Несмеяна бросилась обратно к терему. Вдвоём с Хладом они
взбежали на крыльцо и нырнули в дом. Хлад захлопнул дверь
и задвинул засов. Дверца погребка шаталась всё сильнее, и
наконец верёвка выскользнула из скобы и упала на землю.
Дверца распахнулась.

Несмеяна и Хлад смотрели на лес из окна. В Лютомани
ещё не было покоя: по чаще кружил Ненадобень. Кто он та-
кой или что он такое? А кто знает. С ним встречаться никому
не нужно — на то он и Ненадобень. Теперь будет носиться по
лесу, пока не выдохнется и не втянется обратно в погреб —
набираться новых сил. И Несмеяна с Хладом, налив себе по
кружке медовухи, сидели и гадали: догонит Ненадобень бога-
тыря или нет. У того, конечно, железо заговорённое, да что от
него толку? То, с чем встречаться не надо, было задолго до
того, как люди и заговорами, и железом пользоваться научи-
лись.

Над самым краем Лютомани с заполошным гамом
взметнулась стая ворон.

— Догнал, — подытожил Хлад.

Несмеяна, глядя вдаль, чуть заметно улыбалась.

Браг и Бессон неторопливо шли по дороге. Лютомань оставалась далеко в стороне: путники часто делали большой крюк, чтобы её обогнуть.

— Дядя Браг, а дядя Браг, — заговорил Бессон. — А как по-вашему, спасут когда-нибудь Несмеяну из леса?

— А чего её спасти? — откликнулся Браг. — Ей и там не плохо вовсе.

— А вы откуда знаете, дядя Браг?

— Ничего я не знаю, — сказал Браг. — Про то птицы поют.

Бессон недоверчиво покосился на него.

— Это как — птицы поют? А чего ж вы тогда по-другому поёте?

— У птиц свои песни, у нас — свои. Люди про другое слушать хотят.

Бессон собрался было спросить, о чём же таким поют птицы, про что не хотят слушать люди, но так и остановился с раскрытым ртом.

Со стороны Лютомани мчался всадник, в котором Браг с Бессоном не сразу признали вчерашнего богатыря. Ни меча, ни лука со стрелами при нём больше не было, и на вскидывающихся копытах коня уже не сверкали заговорённые подковы. Из чародейского железа только и остались обрывки кольчуги, зацепившиеся за изодранную в клочья одежду, и шлем, надвинутый богатырю на глаза. Богатырь поправить шлем не мог, потому что, сидя в седле задом наперёд, обеими руками судорожно хватался за хвост своего скакуна.

Браг, проводив всадника задумчивым взглядом, вновь двинулся по дороге, увлекая за собой хлопающего глазами Бессона. Мысли Брага уже были заняты песнью о Несмеяне. Богатырь оказался прав: она изменилась. В ней стало одним куплетом больше.

ЛАНСЕЛОТ

К городу подъехали ближе к полудню. Артур рассчитывал, что все подводы, ещё с ночи скопившиеся у ворот, к этому времени уже пропустят, и не будет никакой толчеи. Надежда не оправдалась: ещё несколько телег перегораживало мост, и возницы переругивались с охрипшими стражниками. Ланселот позёвывал на облучке, поглядывая по сторонам. По эту сторону ворот мало что удалось бы увидеть. Разве только сомнительное украшение в виде нескольких висельников, болтавшихся на достаточно приличном расстоянии, чтобы смрад разлагающихся тел не мешал страже. Мэр, похоже, был педантом и чистоплюем — не удручал видом удушенных городскую площадь и одновременно намекал гостям, что здесь не стоит нарушать порядок.

Телега, стоявшая впереди, качнулась и с тягучим скрипом покатила в ворота. Пара яблок скатилась на землю. Стражник подхватил одно из них, стёр рукавом налипшую пыль и, смачно похрустывая, глядел на приближающийся фургон. Поравнявшись с охраной, Ланселот натянул поводья.

Стражник окинул оценивающим взглядом фургон, со стенки которого щерил огнедышащую пасть линялый дракон.

— Артисты? — спросил он, не переставая жевать яблоко.

Зашуршал полог, и из фургона выглянул Артур. Это избавило Ланселота от необходимости вести переговоры самому.

— Артисты? — переспросил Артур. — Всякий, кто способен жонглировать парой мячей в течение десятка секунд, сейчас зовёт себя артистом. А мои предки, досточтимый сударь, слыли мастерами театральных подмостков ещё во времена Карла Великого! Сам архиепископ Турпин благословил моего прапрапрадеда Клодиуса на участие в торжествах, посвящённых завоеванию Памплоны!

— Фургон тоже со времён завоевания Памплоны остался? — хмыкнул стражник.

— Вы видите, сколь низко оплачивается высокое искусство в мире, где кишат пройдохи и лицедеи, — вздохнул Артур.

— Что представлять-то собираетесь?

Артур шагнул вперёд и, выпрямившись, насколько это можно было сделать, высунувшись из фургона, прижал руку к груди.

— Историю из жизни великого короля Артура. Это я.

Плавным жестом он указал на Ланселота.

— Славный рыцарь сэра Ланселот. Нет на свете воина, равного ему в доблести, нет рыцаря, над которым он не мог бы одержать верх на турнире.

Из-под локтя Артура высунулась ухмыляющаяся физиономия Гвена, успевшего кое-как нахлобучить златокудрых парик поверх непослушных русских вихров. Из-за плеча монарха выглянул Мордред.

— Гвиневера, прекраснейшая из королев. Мордред, коварнейший из злодеев.

— Цыган? — сощурился стражник, с недоверием глядя на смуглое лицо коварного злыдня.

— Потомок сарацинской колдуньи, пленённой в Памплоне, — с негодованием отверг его предположение Артур. — Она заклинала змей одним своим взглядом, и по воле её скорпионы могли танцевать, сцепившись хвостами, и кружили друг с дружкой, словно два влюблённых голубка.

— Тьфу ты! — Стражник сплюнул себе под ноги и отбросил в пыль яблочный огрызок. — Здесь такой нечисти, слава Пресвятой Деве, не водится. Ладно, чёрт с вами. Три монеты за въезд.

За стенками фургона гудела толпа. Когда слух притерпелся, этот гомон стал напоминать рокот моря, из которого порой резкими всплесками выделялись возгласы мальчишек, в нетерпении дожидавшихся представления. Время от времени детская ладошка снаружи нерешительно прикасалась к натянутому холсту, но заглянуть внутрь никто не дерзал. Не из страха — просто из нежелания расколдовывать предстоящее волшебное действо. Персиваль, давно уже не обращав-

ший внимания на шум, дремал в углу. Гвен, поставив перед собой осколок зеркала, усердно мазал щёки белилами.

— Не перестарайся, — хмуро посоветовал Мордред. — Прежний Гвен у нас быстро помер. Лекарь, которого к нему позвали, сказал, что всё дело в белилах.

— Да он их сожрал, небось, — отмахнулся Гвен, но банку с краской закрыл.

Ланселот громыхал доспехами, пытаясь выпростать руку из металлических пластин кирасы. Артур критически оглядел его с ног до головы.

— По-моему, ты толстеешь, — заметил он.

Должен был настать день, когда кто-то сказал бы это вслух.

Ланселот продел, наконец, руку между ремешками и с виноватым видом пожал плечами.

— Я ем столько же, сколько и вы все.

— Скажи уж прямо: он стареет, — буркнул Мерлин.

Это было чересчур хотя бы потому, что опасно приближалось к правде. Артур бросил на Мерлина недовольный взгляд. Следовало бы сказать, что и старение случается со всеми, но глава труппы не мог себе позволить такое по отношению к седовласому подданному своего маленького королевства.

— Это героическая зрелость, — ответил Артур и, помолчав минуту, прибавил: — А ещё на него можно надеть парик.

«Только парика мне и не хватало!» — возмутился про себя Ланселот, отирая пот, ручьями лившийся со лба. Он поставил на землю Гвена, спасённого от костра, и принялся развязывать лямки доспехов. По ту сторону кулис восхищённо вопили зрители. Их крики перекрывал громовой голос Артура, клявшего себя за доверчивость. Гвен кинулся к занавесу и, согнувшись в три погибели, принялся высматривать кого-то в щель между двумя полотнищами.

— Видал? — шёпотом воскликнул он. — Вон та, в синем чепце!

— Когда ты успел девок-то разглядеть? — вздохнул Ланселот, воюя с тесёмками.

— Как её было не разглядеть, когда она мне подмигивала! Ой!

Его чуть не сшиб с ног убиенный Артуром Мордред, который задом наперёд шагнул за кулисы, локтем прижимая к боку пронзившее его копье.

— Помогите, а? — попросил Ланселот, убедившись, что узел затянулся слишком туго.

Мордред поставил копье в угол и принялся выпутывать приятеля из тесёмок.

— После спектакля Артур разрешил попить в трактире. Только в две смены, чтобы кто-то дежурил в фургоне. Руки подыми! Как ты эту лямку запутал?

Ланселот покорно поднял руки.

— Я постерегу, — сказал он.

В свою смену Ланселот отправился один. Мерлин ещё минувшим летом утратил интерес к подобным пирушкам. Сразу после спектакля он забился в свой уголок и заснул. Гвен улизнул, едва в трактир ушли Артур, Персиваль и Мордред. Ланселот полагал, что отправился он отнюдь не за ними следом.

Когда Ланселот добрался до трактира, народу там уже оставалось маловато, а тех, кто ещё был способен пить, ещё меньше. И уж подавно никого не осталось, кто ещё готов был угощать артиста за свой счёт. Ланселот выпил пару кружек пива, изредка помахивая рукой тем, кто одобрительно бросал на ходу: «Славный был спектакль!». Когда он вышел на улицу, в ушах слегка шумело. Не от того, что пиво оказалось на диво крепким, а потому, что закусить его было нечем. Артур собирался раздать артистам плату за представление только завтра, на свежую голову.

Тусклый фонарь на разохшемся от времени столбе да кособокая луна в небе — вот и всё, что освещало площадь. Ланселот присел на перевёрнутый бочонок у одного из опустевших прилавков и вздохнул, уперевшись ладонями в колени. Можно было считать это небольшой прогулкой перед возвращением в душный фургон с пьяно храпящими рыцарями.

— А ну стой, висельник ты сопливый!

Гневный крик послышался одновременно с топотом мелких ножек, и Ланселот обернулся. Вдоль пустых прилавков нёсся худосочный мальчишка, прижимающий к груди какой-то свёрток. В полутьме и не разглядеть было, чем он разжился — то ли ломтём хлеба, то ли ошмётком сала. Он заметался в панике, пытаясь где-нибудь укрыться, и с отчаяния толкнул навстречу бегущему за ним стражнику полуразвалившуюся корзину. Та тотчас полетела в сторону, отброшенная ударом кованого сапога.

Ланселот поднялся. Мальчишка пронёсся в нескольких шагах от него. Ланселот шагнул из-за прилавка, запнулся за бочонок и тяжёлым кулём повалился прямо под ноги стражнику. Под яростный раскат брани мальчишка исчез за углом.

— Простите, сударь, — заплетающимся языком вымолвил Ланселот, цепляясь за сапог стражника и не давая ему подняться. — Я что-то... Упал я что-то слегка.

Тяжёлая пятерня сгребла его за ворот и приподняла в воздух.

— Шут гороховый, — прошипел стражник, и мощный удар кулака поверг Ланселота обратно в уличную пыль.

Наутро гнев Артура не было предела. Он потрясал кулаками в воздухе, ругался хуже вчерашнего стражника и грозил отдать роль Ланселота подростку Гвену. Наконец, выпустив пар, он сунул Ланселоту в руки банку белил и велел замазать синяк под глазом, чтобы от него не шарахнулась лошадь. Убедившись, что Артур немного унялся, Мерлин буркнул, что пока они доберутся до следующего города, фингал наверняка успеет сойти. Мир был восстановлен.

Выезжая из города, Ланселот покосился на висельников, болтавшихся вдоль стены, и подумал, что, по крайней мере, в ближайшее время среди них точно не появится тощего мальчонки. Солнце, поднимавшееся над пыльной дорогой, заставляло подбитый глаз слезиться, и это мешало править лошадью. И всё-таки он улыбался и чувствовал себя почти настоящим Ланселотом, щуря заплывший глаз и почти наугад потряхивая поводьями.

ВРАТА ОТКРЫВАЮТСЯ

I

Ещё задолго до наступления темноты начинают греметь хлопушки, то тут, то там с шипящим посвистом проносятся шутихи, и с каждым часом шум нарастает, а из дверей и окон всё явственней тянет ванилью и корицей. И среди хлопанья дверей и ставней, среди дразнящих ароматов пекущейся и сладкой всякой всячины крутимся мы, всё ближе подбираясь в своей, казалось бы, беспорядочной беготне к Привратной площади — туда, где и начнётся самое главное. Мы носимся по улицам, будто разноголосая и горластая, пёстрая позёмка, путающаяся под ногами у прохожих. Переулок, перекрёсток — и вот за очередным поворотом народу вдруг оказывается больше, чем где бы то ни было ещё... Значит, Врата уже близко.

II

— Господин, она вправду больна. Пожалуйста... Я прошу вас...

Мейстер Теофилус, скрестив руки на груди, мерил взглядом стоявшего перед ним Петера, и могло показаться, будто это он выше своего помощника на добрых полголовы, а вовсе не наоборот.

— Если ты надумал просить у меня денег, — холодно процедил он, — то вынужден напомнить, что твоя матушка уже изрядно задолжала. Я и так проявил мягкость, не требуя денег, которые вашей семье взять просто негде, и позволил тебе отработать долг. Что ещё тебе нужно?

Петер судорожно облизнул пересохшие губы.

— Я прошу, господин Теофилус, дайте нам, пожалуйста, хоть немного на лекарства, я отработаю вдвое... втрое больше...

— И дольше, — резко прервал его мейстер Теофилус. — Тебе отрабатывать ещё до конца года. Так сколько ещё прикажешь мне ждать?

— Я буду выполнять ещё больше работы...

— Справься сначала с той, которая уже есть. — Мейстер Теофилус кивком указал на тянущиеся вдоль стен полки, заставленные колбами и пробирками. — Сразу можно сказать, чем именно я пользовался на этой неделе, потому что со всего остального не вытерта пыль. — Петер потупился. — И будь любезен, накорми вот этого.

Он ткнул пальцем в гоблина, запертого в посеребрённой клетке, окружённой выведенной на полу пентаграммой. На беду свою, ткнул почти в упор. Рука мастера Теофилуса пролетела над линией пентаграммы, попала в широкий зазор между прутьями и застыла в указующем жесте прямо перед физиономией гоблина, который до этого казался абсолютно безучастным к происходящему. Петер лишь успел заметить, как гоблин вскидывает голову, а в следующий миг раздался пронзительный вопль, и мастер Теофилус отскочил от клетки, тряся в воздухе рукой и разбрызгивая по комнате капли крови. Расширенными глазами он уставился на два следа от укуса у самого основания указательного пальца. Такие следы могла бы оставить крыса — если, конечно, вообразить себе крысу в полтора метра ростом.

— Ах ты, мерзкая тварь... — Пошатываясь от ярости, испуга и боли, мастер Теофилус кинулся к полкам и схватил склянку, наполненную серебряной водой. Нервным движением он выдернул пробку, стараясь не задеть прокушенный палец, и направился обратно к клетке. Гоблин застыл, напряжённо следя за его приближением, и в то мгновение, когда мастер Теофилус взмахнул склянкой, отпрыгнул назад, прикрывая лицо. Размеры клетки не позволили ему отскочить достаточно далеко, и несколько брызг долетели до цели. Петер не мог бы сказать наверняка, гоблин ли это вскрикнул, или же зашипела обожжённая кожа. В двух или трёх местах на смуглой когтистой руке запузырилась белая пена.

Мейстер Теофилус закупорил склянку и водворил её обратно на полку, а потом, держа укушенную руку на весу, устремился к двери.

— Наведи здесь порядок, — рявкнул он по пути на Петера. — Этого... — ещё один взмах в сторону клетки, но уже с безопасного расстояния, — сегодня можешь не кормить.

Дверь за мастером Теофилом захлопнулась.

Несколько мгновений Петер смотрел ему вслед, а потом перевёл взгляд на клетку. Гоблин, сгорбившись, сидел на полу и угрюмо рассматривал свою руку. Потом он с тоской уставился на камин.

— Не бойся... — Петер приблизился к клетке, на ходу вытаскивая из мешочка, висевшего у пояса, горбушку хлеба. — Я тебя голодом морить не собираюсь.

Он уже много раз кормил зубастого пленника безо всяких удручающих последствий. Но сейчас Петеру было не по себе: кто знает, какое у гоблина может быть настроение? Он осторожно положил горбушку за линию пентаграммы и подтолкнул её так, чтобы пленник мог дотянуться до неё, не задевая прутьев клетки. Но тот, мельком взглянув на предложенное угощение, замотал головой и снова уставился на камин.

Петер оглянулся на котелок, висевший над огнём.

— Нет, это несъедобно, — сказал он. — Там какая-то гадость, похожая на толчёные кирпичи.

Гоблин раздражённо мотнул головой и хрипло вымолвил:

— Зола.

— Тебе нужна зола? — переспросил Петер.

Тот энергично закивал.

Петер сбегал к камину и принёс целый совок остывшей золы.

— Спасибо, — буркнул гоблин. Он взял горстку золы и, морщась, принялся втирать её в ожоги на руке. Петер с изумлением следил, как волдыри опадают прямо на глазах.

— Я и не знал, что это помогает, — произнёс он.

— Не дури. Тебе не помогло бы.

— Так ты умеешь говорить? — Петер поднял глаза на гоблина.

Тот в свою очередь посмотрел на Петера как на человека, сморозившего несусветную глупость.

— Ясное дело, могу. Просто трудно. Вы говорите больше здесь, — он указал на рот, — а мы — здесь. — И он коснулся пальцем горла. — Ты только этому... — кивок в сторону двери, — не проболтайся.

— Можешь не беспокоиться. — Взгляд, брошенный Петером на дверь, по дружелюбию мало чем уступал гоблинскому. — А имя у тебя есть?

— Рийх. А ты — Петер, как я понял?

— Да. Ты бы всё-таки поел.

Петер поднял горбушку с пола и уже без опасения протянул её гоблину. Рийх ухмыльнулся и отправил её в рот. На мгновение Петер увидел то, что несколько минут назад вон-

зилося в палец его хозяина. При других обстоятельствах он бы ему посочувствовал.

III

Привратная площадь на глазах наполняется народом. Охотники, и пешие, и верховые, сгрудились в центре. Я ещё издали вижу Геба — он среди всадников, возле Герцога. Как всегда, одетый в зелёное, он старается казаться спокойным, но на губах нет-нет да появляется растерянная, нервная улыбка. Геб впервые участвует в Охоте. Совсем недавно мы вместе наперегонки гоняли по улице, и, несмотря на разницу в возрасте, ещё вопрос был, кто кого обставит, — и вот он среди всадников, готовится выехать за Врата, а нам, тем, у кого ещё маловата Защита, остаётся лишь смотреть ему вслед.

— Эй, малыш!

Я оборачиваюсь. Толстяк Маге смотрит на меня, склонив голову набок.

— Что, твой отец тоже надумал участвовать?

Я молчу, не зная, как на это реагировать. Отец не участвует в Охоте несколько лет — с тех самых пор, как вернулся оттуда без ноги. Он никогда ни с кем не говорит о том, как это случилось. Но каждый раз в тот день, когда открываются Врата, он сидит дома и не выходит из своей комнаты. И ещё несколько дней после этого ходит молчаливый.

Но толстяк Маге смотрит поверх моего плеча; я оборачиваюсь и вижу отца. Он стоит на своей деревяшке, прислонившись к фонарю, и его взгляд прикован к всадникам, а те глядят лишь на Врата, которые вот-вот начнут открываться.

IV

На следующее утро только ничего не соображающий человек не понял бы, что дела у Петера плохи. Мейстер Теофилус соображал всё. Другой разговор, что далеко не всё его касалось. В упор не замечая ни бледного лица своего помощника, ни покрасневших глаз, он дал ему распоряжения на день и, взяв трость, невозмутимо удалился из дома. Спустя несколько минут ушла и служанка. Не успела она сойти с

крыльца, как Петер ворвался в лабораторию мастера Теофилуса.

— Привет, — на бегу бросил он Рийху и устремился к письменному столу, стоящему у окна.

Гоблин озадаченно следил, как Петер ворошит все бумаги, лежащие на столе, а потом дёргает один ящик за другим. Всё было безрезультатно — ящики оказались заперты. Петер отступил на шаг и окинул стол взглядом, исполненным отчаяния.

— Эй... — осторожно окликнул его гоблин. — Он не хранит здесь деньги.

— Мне не нужны его поганые деньги, — процедил Петер. — Мне нужны долговые расписки моей матери.

Он кинулся к камину и схватил кочергу.

— Не сходи с ума. — Рийх поднялся на ноги. — Он поймёт, что это сделал ты.

— Пускай поймёт.

— Он не просто поймёт, он тебя в тюрьму засунет. И что ты тогда делать будешь?

Петер застыл на месте, потом руки его разжались, и кочерга со звоном стукнулась об угол камина. Петер опустился на пол и обхватил голову руками.

— В первый раз мать попросила у него деньги, когда с отцом случилось несчастье. Потом — когда заболела Милли, моя сестрёнка. Теофилус знал, что расплатиться нам будет непросто, и предложил, чтобы я отработал у него эти деньги. Мы ещё обрадовались тогда, что это выход. А теперь Милли стало хуже. Мать не может от неё отойти, отец покалечен, лекарств нет, а я из-за этих проклятых расписок не могу принести в дом ни гроша! У меня даже времени нет, чтобы поработать где-нибудь ещё. Вот и сегодня мне торчать здесь до поздней ночи, потому что Теофилус собирается провести опыт, для которого на небе должна светить какая-то особая звезда!

— Знаешь что... — задумчиво проговорил Рийх. — Ты зайди сюда перед тем, как пойдёшь домой. Но так, чтобы «благодетель» тебя не видел.

V

Врата отворяются сами собой, и никто не знает, что приводит их в движение. Просто в какой-то миг створки начинают раздвигаться. Нет ни торжественных речей, ни церемоний, и всё же это одно из главных событий в году. И уж точно — самое таинственное.

Когда между створками возникает узкая щель, все разговоры смолкают. Щель становится всё шире, вот за Вратами мелькает огонёк... другой... Мы неотрывно глядим на эти огоньки, а они будто смотрят на нас, и по мере того, как открываются Врата, число их множится.

Наконец Врата раскрываются полностью. Тишина длится ещё несколько мгновений, а потом вдруг взрывается многоголосым гамом: всадники срываются с места и устремляются к далёким огням. С всадниками уносится и Геб, и вот уже во Врата бегут пешие Охотники.

Я оглядываюсь, высматривая отца, но вижу только его спину. Ссутулившись, он пробирается через толпу, движущуюся ему навстречу.

Я смотрю отцу вслед, а потом оборачиваюсь к Вратам. Всадники уже далеко. Небо освещается фейерверками. Среди вспышек видны спины последних пеших Охотников, пробегающих Врата... Потом — я сам не вспомню того мига, когда безумная фантазия превратилась в принятое решение, — потом я срываюсь с места и проскакиваю во Врата вместе с ними.

VI

Петер и Рийх старались как могли, чтобы злорадство не отразилось на их физиономиях. Небо с вечера заволокло тучами, и ни о каких звёздах не приходилось и мечтать. Эликсир, три месяца изготавливавшийся мастером Теофилусом специально для этого опыта, обретал действенность всего на несколько часов, и, не будучи активирован звёздным светом, обречён был к утру превратиться в подобие болотной жижи, а вовсе не в чудодейственное снадобье от мигреней и помыслов о супружеской измене.

— Разбери телескоп и спрячь в шкаф, чтобы глаза мои его больше не видели, — распорядился Теофилус. — И проваливай, чтобы до завтра я и тебя не видел.

С этими словами он удалился в свою комнату...

— Иди сюда, — прошипел Рийх, едва за Теофилусом закрылась дверь. — Быстро!

Петер подбежал к клетке.

— Просунь сюда левую руку, — велел Рийх. — И сиди молча.

Он накрыл ладонь Петера своей когтистой пятернёй и закрыл глаза. Спустя мгновение Петеру показалось, что ладонь наполняется зыбкой тяжестью, словно он опустил её в ручей.

— Есть! — Гоблин отдёргнул руку. — Получилось. Дома поддержи руку у сестры на лбу, только не дольше, чем тебя держал я. Понял?

Петер открыл рот, чтобы что-то сказать, но замялся. Не доверие могло быть расценено как неблагодарность. Но гоблин будто прочитал его мысли.

— Валяй, — сказал он. — Хуже, чем есть, ты не сделаешь.

VII

Цепочка Охотников растягивается. Некоторые всадники сбавляют скорость, и пешие начинают обгонять их. Это не из-за нерешительности — они берегут силы. Это те, кто, наметил себе крупную дичь. Но таких немного: обычно никто не знает, что встретится на пути и что станет добычей. В этом — тайна Охоты.

Меня уже заметили; я слышу удивлённые возгласы, но меня никто не останавливает: здесь нет законов, нет запретов, и я волен бежать вместе со всеми. Другое дело, что прежде никто с недостаточной Защитой не присоединялся к Охоте. Но у меня перед глазами стоит сгорбленная, колченогая фигура отца, и я верю, что это заменит мне силы.

Огни приближаются и рассыпаются на десятки, сотни огоньков помельче. Из темноты выступают очертания крепостных стен, шпилей, башен. Я различаю дома, улицы, мо-

сты... Где же, где тот единственный огонёк, который годы назад повстречался отцу? Я был уверен, что почую его, но огромность и новизна этого мира ослепляют и кружат голову. Быть может, там, внизу, я найду то, что нужно... Я наугад сбегая вниз и бегу по улицам, неуловимо похожим на наши, среди смешно одетых прохожих, переговаривающихся непривычно громкими голосами. Меня никто не видит — на это моей Защиты хватает. Но вдруг я улавливаю нечто знакомое.

Магия. Сквозь окно она дотягивается до меня, зовёт и манит к себе. Кто-то здесь знаком с нашим миром. Я легко запрыгиваю на подоконник и соскакиваю в комнату. Магия повсюду, в толстых книгах на письменном столе, в стеклянных посудилах, громоздящихся на полках... Я делаю шаг вперёд — и огромная клетка обрушивается на меня с потолка. Я с криком кидаюсь обратно, к окну, с размаху натыкаюсь на прутья и, завопив ещё громче, отлетаю назад. Клетка посеребрена.

— Добро пожаловать!

Из-за штор выходит седой господинчик с лучезарной улыбкой. Он смотрит прямо на меня, и тут я понимаю, что собранная здесь магия разметала мою слабую Защиту, едва я коснулся подоконника.

— Давно мечтал обзавестись кем-нибудь из Маленького Народца, — сообщает господинчик. — И ночь Дикой Охоты для этого самое лучшее время. Ну, а это так, для верности — на случай, если ты ухитришься открыть замок.

И, вытащив из складок своего одеяния палочку, смазанную каким-то веществом, он начинает выводить вокруг клетки пентаграмму.

VIII

Стереть пентаграмму не удавалось. Потёр её сухой и мокрой тряпкой, песком, золой — ничто не помогало. Маленькая Милли, увязавшаяся за братом, чтобы самой поблагодарить гоблина за помощь, поливала рисунок молоком, но тоже безрезультатно.

О святой воде никто не заикался, понимая, что вместе с пентаграммой можно отправить в небытие и самого Рийха. Из

тех же соображений не применяли и содержимое Теофилусовых колб.

— Это могут сделать только наши, — хмуро подытожил Рийх.

— Ну и где их взять, этих ваших? — спросил Петер.

— Здесь. Завтра они могут быть прямо здесь. Завтра — день Дикой Охоты, — пояснил Рийх, отвечая на озадаченный взгляд Петера.

— Выходит, ты здесь уже год?

— Да, и с меня хватит. Нужно только одно...

...На следующий день мастер Теофилус лично проверил замок на клетке и осмотрел каждый дюйм пентаграммы. Доверить такое важное дело помощнику он не решился, тем более, тот с утра всё делал вдвое медленнее, чем обычно, и задержался в доме до наступления темноты.

— Что с тобой творится, олух эдакий? Целый час закручивать штатив... — Мастер Теофилус поднял голову и увидел в руках у Петера колбу с сероватой жидкостью. — Осторожно! — рявкнул он.

— А?! — Петер вздрогнул от неожиданности и выронил колбу.

— А-а! — яростно взревел Теофилус.

От немедленной кары Петера спас только тошнотворный запах, поваливший от разлившегося зелья. Теофилус опрометью кинулся к окну и распахнул ставни.

— Приберись здесь сейчас же, идиот! — визгливо крикнул он Петеру, выбегая из комнаты.

— Ну как? — Петер, ухмыляясь, обернулся к Рийху.

Тот поднял вверх большой палец. Впрочем, другой рукой он зажимал нос.

Петер схватил со стола кусок мела и подбежал к подоконнику.

— Давай, подсказывай!

Палочка вверх... вправо... Ставни скрипят на ветру. Чёрточка вниз... На улице нет прохожих. Снова вверх... Стрелка...

Руна призыва зажглась на подоконнике.

IX

— Эх, дети, дети... — Герцог сокрушённо покачал головой. — Ну где были ваши головы?

Он щелчком выбил искру из перстня и спалил пару половиц. Через разорванную пентаграмму Рийх переступил без проблем.

Мейстер Теофилус тихонько заскулил в посеребрённой клетке, глядя, как его недавний пленник, позаимствовав перстень у клыкастого типа в короне, превращает в пепел его стол. А потом алхимику оставалось только закрыть глаза, чтобы не видеть, что вытворяет с его лабораторией толпа разошедшихся гоблинов. Служанка сунулась в дверь, чтобы узнать о причинах грохота, и теперь лежала на пороге в глубоко обмороке.

— Ну что... — Рийх медленно приблизился к Петеру. — Мы оба можем идти, верно?

Тот мгновение помолчал.

— Не совсем, — произнёс он наконец. — Ты можешь.

— А ты? — закричал Рийх. — Расписок же больше нет! Зачем...

— Расписок нет, — подтвердил Петер. — Но я ему и вправду должен.

Гоблин внимательно посмотрел на него, а потом обернулся к своим сородичам. Герцог с задумчивым видом растирал между пальцев труху, которая ещё недавно именовалась штативом. Двое парней чуть постарше Рийха с хохотом пытались настучать друг другу книгами по голове.

— Кончайте! — крикнул Рийх.

— Чего? — Все недоумённо оглянулись на него.

— Кончайте. Это всё моему другу убирать.

Герцог невозмутимо пожал плечами: у Рийха здесь личные счёты, ему и решать — раз считает, что хватит... Побросав игрушки, гоблины двинулись к окну.

Петер стёр с подоконника руну призыва. Ни к чему, чтобы её видел Теофилус или ещё кто-нибудь. Хотя сам он её запомнил.

Он поднял голову. Силуэты гоблинов ещё виднелись в темноте. Навстречу тем, кто вышел из дома Теофилуса, из

мрака выдвинулось ещё несколько фигур; та, что была впереди всех, как будто хромала и опиралась на костыль. Именно к ней кинулась маленькая, уступающая по размерам остальным фигурка Рийха. Петер увидел, как спешат они друг к другу, — а в следующий миг незримая завеса скрыла Охотников от его глаз.

КНИЖНЫЙ ГЕРОЙ

*Автор отнюдь не уверен,
что Даниэль Дефо общался с Хендсом,
но допустим, что это всё-таки произошло.*

— Про тебя, рассказывают, в книге написано, — как бы невзначай бросил Нед Паркер.

Израэль Хендс озадаченно уставился на трактирщика, потирая давно не бритый подбородок. А Нед уже поставил перед ним кружку, полную весело пенящегося эля. Просто так взял и поставил, и ни тебе вопросов, чем ему платить собираются, ни предупреждений, что больше в долг не нальёт. Неспроста это, ох неспроста!

Нед придвинул кружку к Хендсу, и тот после секундного колебания схватил её и опасливо загородил рукой, словно боялся, как бы внезапная щедрость не обернулась розыгрышем. И только когда первые несколько глотков вернули ему душевное равновесие, он вспомнил вопрос Паркера.

— Что ещё за книга такая? — проворчал он, насторожённо поглядывая на трактирщика.

Тот пожал плечами, как бы говоря: «Мы же с тобой люди бывалые, знаем, что всякое случается».

— Я-то сам не видывал, — сказал он. — Это Уолдо Кадоган говорил. А он, ты знаешь, человек учёный.

Упомянутый джентльмен слыл в некотором роде местной достопримечательностью. Клерк одной из портовых контор, он частенько захаживал в трактир к Паркеру, хотя вполне мог бы трапезничать в куда более солидной компании. Учёностью своей не кичился, держался неизменно учтиво и дружелюбно, и безошибочно соблюдал ту меру, при которой собеседники, сознавая превосходство Кадогана, чувствовали себя не уязвлёнными, а польщёнными его вниманием. «Ему бы хоть сейчас в Парламент», — говаривали между собой матросы. Однако Уолдо Кадоган уже сыскал себе восхищён-

ную публику и к иной популярности не рвался, и Палате Общин волей-неволей приходилось справляться без лишнего человека, умеющего завоевать доверие самого неуживчивого люда.

Израэль Хендс некоторое время обдумывал услышанное, глядя на потускневшую от копоти стену зала.

— И что же он говорил? — спросил он наконец. — Что за книга такая?

Посетители за ближайшими столиками поглядывали на них с трактирщиком. Паркер снова пожал плечами.

— О пиратах, — обронил он. — О том, как ты по морям с Эдвардом Тичем ходил.

Конопатый детина в драной куртке радостно осклабил зубы, цветом мало отличавшиеся от стоявшей перед ним глиняной кружки.

— Там, говорят, написано, как Тич тебе колено прострелил, — объявил он.

Хендс угрюмо зыркнул на него.

— А коли и прострелил, тебе-то что с того? Чёрная Борода человеком серьёзным был, не чета иным балаболам.

— Он, я слышал, частенько такое проделывал, — подержал его Нед.

Хендс важно кивнул, поглаживая кружку.

— Верно. Он так и говорил: не буду, мол, время от времени кого-нибудь подстреливать — позабудут, кто я таков.

— А может, ты просто в картишки передёрнул? — не унимался конопатый, не обращая внимания на хмурую мину трактирщика. А Паркеру было от чего хмуриться. Он обзавёлся новой достопримечательностью: помимо человека, дюжинами глотающего книги, среди его завсегдатаев появилась персона, о которой в этих книгах пишут. И ему отнюдь не улыбалось лишаться одной из этих диковин по милости подвыпившего болтуна.

Хендс вскинулся и с негодованием уставился на обидчика.

— Много ты понимаешь, Хаббакук Джонс! Чтоб ты знал, я из тех немногих, кому Тич доверил тайну, где хранятся его богатства. Он, может, и подбил-то меня только ради

того, чтобы я в бой не лез. Мейнард, чёртов лейтенантишка, нам ведь тогда уже крепко в хвост вцепился. Тич, может, меня для того и приберёт, чтобы остался хоть кто-то, знающий эту тайну!

Хаббакук Джонс расхохотался и захлопал ладонью по столу.

— Парни! Вы только гляньте! Он знает, где сокровища Чёрной Бороды!

Хендс, насупившись, окинул взглядом зал.

— Знаю, — буркнул он.

— А что же тогда о тебе пишут в книгах, будто ты выпрашиваешь себе на хлеб? — поддразнил его Джонс.

Хендс, задохнувшись от возмущения, поставил кружку на стол и расправил плечи.

— Врёшь ты, Джонс, — раздался голос из глубины зала. — Не читал Кадоган такого.

— Это он вслух не прочитал, а я через его плечо своими глазами всё видел, — обернувшись, заявил Джонс и хвастливо прибавил: — Мы-то грамоте обучены.

— Тебе, по-моему, хватит, Хаббакук Джонс! — неожиданно гаркнул Паркер, и все в зале примолкли.

Слова трактирщика оказали воистину магическое действие на Джонса. Он тотчас сник и, понурившись, устался в свою кружку.

Через мгновение гул в зале возобновился. Кто-то оставил открытой входную дверь, и в трактир забежали две облезлые дворняги. Проворно цапнули с пола обгрызенные кости и шмыгнули обратно в весеннюю серую хмарь до того, как кто-нибудь из посетителей удосужится на них прикрикнуть. Хендс, всё ещё взъерошенный, повернулся к стойке.

— Нед, а Нед... Там правда такое было?

— А я почём знаю? — отозвался Паркер. — Я-то сам не видел. Может, и не было ничего такого.

— Это, небось, тот джентльмен книгу написал, холёный такой, в парике. Он говорил, что книгу задумал, да я решил — брешет, просто любопытно ему.

— А как звали того джентльмена, не помнишь, Израэль?

Хендс наморщил лоб, глядя в кружку.

— Фо? — предположил он.

— Дефо?

— Вот, похоже. Ну... — Хендс пожал плечами и отпил глоток. — Я, может, и попросил пару монет за то, что два часа кряду рассказывал ему про Тича. Что в этом скверного-то, а, Нед?

— Ничего, Израэль, ничего, — успокоил его Паркер. — Ты пей давай, я тебе потом ещё налью. А про джентльмена того, Дефо, Кадоган сказывал, что тот сам малый не промах, многое повидал на своём веку. Даже у позорного столба постоял, говорят.

Глаза Хендса расширились.

— Да ты что, Нед!

Паркер закивал и придвинулся почти вплотную.

— Так ведь политика — дело грязное. Коли кому дорогу перейдёшь...

— Ах, вот оно что, — разочарованно протянул Хендс. — Политика, стало быть...

— Я слыхал, что так.

— Так что же это получается, Нед? — сказал Хендс. — Я-то решил было, что он человек серьёзный, а он, выходит, просто из тех господ, что друг на дружку бумажки строчат?

— Выходит, так, — поразмыслив, согласился Паркер.

— И после этого он попрекал меня тем, что я на кусок хлеба себе прошу?

— Выходит, так, — повторил Паркер.

— Ты посмотри, что получается, — сказал Хендс, проникновенно глядя ему в глаза. — Сам он — человек, в серьёзном деле не бывавший. Может, и пороха никогда не нюхавший. Так?

— Так.

За столом печальный Хаббакук Джонс покачивался на стуле, смотрел в свою опустевшую кружку и гадал, можно ли попросить ещё. Но Паркер, занятый разговором, не обращал на него внимания.

— Всё, что он о Тиче узнал — это только с моих слов, верно? — продолжал Хендс. — И я за свой рассказ честно заработанные деньги получил.

Паркер кивнул.

— А он про то книгу написал. Он же за неё, небось, тоже своё получил, правильно?

— Правильно, — подтвердил Нед.

— И он ещё меня попрекает? — с укором спросил Хендс. — Скажи мне по совести, Нед Паркер, это справедливо?

— Несправедливо, — решил Нед и протянул руку к кружке Хендса, чтобы добавить эля. Однако тот остановил его.

— Погоди-ка, — произнёс он. — Давай я сперва наведаюсь к этому джентльмену и всё ему выскажу в глаза.

Паркер замер, подозрительно глядя на него.

— Что это ты ему выскажешь? — с беспокойством спросил он.

— А то и выскажу, Нед, что он ничем не лучше меня, — ответил Хендс. Он оттолкнулся от стойки и выпрямился во весь рост. — Так я ему и скажу — что он хлеб получает за свои рассказы точно так же, как и я. И не ему меня попрекать.

С этими словами он развернулся и, прихрамывая, зашагал к двери. Джонс проводил его взглядом и, едва Израэль переступил через порог, оглянулся на трактирщика и с просительным видом поднял пустую кружку.

Израэль Хендс появился в трактире несколько дней спустя. Он не так давно побрился: щетина только пробивалась на подбородке. Вид у него был растерянный, и он всё время озирался по сторонам, будто без особой надежды высматривал кого-то.

— Видишь ты, Нед, какое тут дело, — сказал он трактирщику, который при его появлении сразу потянулся за кружкой. — Не вышло у меня потолковать с тем джентльменом.

— Не нашёл? — сочувственно спросил Нед.

— Нашёл, — вяло сказал Хендс. — Коли спрашивать знаючи, кого хочешь найдёшь. Я даже к дому его приходил. Большой у него дом. Знатный.

— Не застал? — с пониманием спросил Паркер, деликатно пропуская предположение, что Хендса в знатный дом попросту не пропустили. Не сомневаясь, что на самом деле именно это и стряслось, он доверху наполнил кружку и придвинул её к приятелю.

— Не застал, — кивнул Хендс.

Он взял кружку, сделал несколько жадных глотков и устремил на трактирщика растерянный взгляд.

— Помер он, Нед.

Паркер замер.

— Вот тебе и на, — вымолвил он наконец.

Хендс кивнул.

— Подошёл я к его особняку, значит — а там все иллюминаторы задраены. Я сначала ничего такого и не подумал. Ну, мало ли что, решил. И тут вдруг подъезжает карета, и выходят оттуда двое: джентльмен и дама. Оба в тёмном, и лица такие вытянутые, что они того и гляди на подбородки свои наступят. И проходят они, значит, в дом. А я — к кучеру. Не к мистеру ли Дефо гости, спрашиваю. А он мне: нет, не к нему уже. Господа, мол, родне его соболезнования выражать приехали, а мистер Дефо уже два дня как помер.

Нед Паркер слушал, покачивая головой.

— Вишь ты, как оно бывает, Израэль! — глубокомысленно изрёк он.

С кухни послышался грохот, сопровождаемый проклятиями. В зал вылетела рыжая кошка с мокрым загривком. Под смех посетителей проскочила под столами и стульями и сиганула за дверь. Немного отбежав от крыльца, она уселась на камне и принялась вылизываться, постепенно восстанавливая и царственный вид, и благодушное настроение.

— Что там, Сэл? — машинально крикнул Нед.

— Котелок опрокинула, зараза, — ворчливо отозвался с кухни хриплый голос, который с равным успехом мог при-

надлежать как мужчине, так и женщине. — Только с водой, слава тебе, господи.

Нед махнул рукой и снова повернулся к Хендсу.

— Да... вот оно как, — повторил он. — Не вышло у тебя, стало быть, с ним потолковать.

Хендс ответил не сразу. Его взгляд был устремлён в сторону кухни, где ворчание потихоньку стихало, сменяясь привычным стуком поварёшки о стенки котла.

— Я тут вот о чём подумал, Нед, — сказал он наконец. — На кухне работать не так-то хлопотно, а?

— Тут своя сноровка нужна, — с достоинством заметил Паркер.

— Это да, — согласился Хендс. — Но научиться ведь — дело нехитрое, правда? Раз любая баба справляется, значит, мужик с головой на плечах и подавно сможет?

— А ты к чему это, Израэль? — спросил Паркер.

— А к тому, что засиделся я на суше.

Паркер моргнул от неожиданности. Он невольно покосился на изувеченную ногу Хендса, но тот перехватил его взгляд.

— Ты на мою ногу не смотри, Нед. Сам знаю, что она у меня как весло — не гнётся. Так я ведь и не собираюсь по реям лазить. Я ведь и коком могу.

— Ах, вот оно что, — сказал Нед.

— Именно, — Хендс залпом опрокинул кружку и поставил её на стойку. — Кому какое дело до того, хворая ли у кока нога. Верно я говорю?

— Верно.

Хендс провёл рукой по подбородку, ощупывая щетину, и, видимо, решил, что она не настолько заметна, чтобы лишний раз тратить время на бритьё.

— Прямо сейчас пойду и разузнаю, не нужен ли где кок, — объявил он.

Паркер оглянулся на бочонок эля, прикидывая, не подлить ли гостю ещё, но, когда обернулся к Хендсу, тот уже шагал к выходу. Нед сказал себе, что угостит его позже, когда он вернётся.

Израэль Хендс, подволакивая ногу, шёл по набережной. Он не обращал внимания ни на цепкий апрельский ветер, с удвоенной силой взлупоовавший у воды, ни на ломоту в простреленном колене. Одно удручало: ему уже было не разобрать названия кораблей, стоявших на рейде. Но он ведь не стар ещё вовсе, и солёный морской ветер быстро освежит его глаза — дайте только поднять якорь и отойти от берега подалее, туда, где пенные гребни волн тянутся до самого горизонта. Чайки, перекрикиваясь на лету, стремительно проносились в небе, и Хендс, неуклюже переставляя ногу в стёртом башмаке, шёл вдоль берега, вглядываясь в мачты, похожие на деревья ранней весенней порой.

ФОНАРИК

На плече бурой куртки Квелли Келлимоузуна протёрта светлая полоса. Это от приставной лесенки, которую он каждый вечер таскает с собой. Борозда потемнее — от ляжки сумы, где лежит бутылка с маслом. Изо дня в день Квелли Келлимоузен уходит в темнеющий город со своей приставной лесенкой и сумой на плече. В эту пору ставни уже закрыты, и на извилистых улочках мало кого можно встретить, но Квелли Келлимоузену никогда не бывает одиноко.

Первым делом он приходит к Петеру. По его мнению, Петер занимает самый ответственный пост. Что может быть важнее охраны городских ворот? Петер стоит на равном расстоянии от ворот и от караульной будки, прямой, неподвижный, зоркий; ни одна мышь не проскочит мимо него незамеченной.

Петером могли бы заниматься стражники, но Квелли Келлимоузен настоял, что это его дело. Он с грехом пополам отыскал на карте города ворота и долго тыкал в рисунок пальцем, сбивчиво доказывая, что Петер стоит на улице, стало быть, и заниматься им должен он, Квелли Келлимоузен, и никто иной. Ему не возражали, но Квелли хотел быть уверенным: Петера не отдадут никому другому.

Стражникам хватает фонаря под козырьком караулки. Поглядывая на него, Квелли Келлимоузен покачивает головой и сокрушённо прищёлкивает языком: солдаты подолгу не стирают со стёкол копоть, и уличная пыль въедается в его металлический каркас.

Наверное, фонарю на крыльце бургомистра повезло больше. К нему приставлен слуга, заботливо протирающий его тряпичей, а колонны и козырёк заслоняют его от непогоды. Но у фонаря бургомистра свои две беды. Первая — его не заправляют маслом, а попросту ставят свечу за стекло. Значит, не настоящий это фонарь, а подменыш. Барская кукла, выставленная напоказ. А вторая беда в том, что смотреть-то на него почти и некому. Колонны и деревья в саду загораживают его от улицы. Может, из всех жителей городка один

только Квелли Келлимоузен его и заметил, да и тому долго пришлось вглядываться сквозь переплетения веток.

То ли дело Мариус. Он стоит недалеко от дома бургомистра, и уж его-то примечает каждый! Мариус освещает изрядную часть площади, и даже может показать поздним прохожим стрелки часов на ратуше. Он несёт свою службу исправнее чиновников, изо дня в день торопящихся мимо него.

В тенистой улочке, отходящей от площади, стоит Минна. Пожалуй, никто, кроме Квелли Келлимоузена, и не замечает, что она стройнее и тоньше остальных фонарей. И каркас её, и стекло блестят особенно ярко: для Минны у Квелли припасена особая тряпочка — рукав от старого тёткиного платья. Когда-то эта тряпица переливалась на солнце не хуже тканей, выставленных в витрине модной лавки — той самой, которую и освещает Минна. У хозяйки работают лучшие белошвейки и кружевницы города, но чего стоит их работа по сравнению с теньями, которыми оплетает витрину Минна! Она берёт ажурные узоры клёна и звонкие листья тополя и ткёт из них гирлянды. Никто не может пройти мимо лавки, которую она украшает.

А вот с Вилли Квелли Келлимоузену не повезло. Вилли стоит всего в двух шагах от кабака, и не один пьянчуга хватается за него грязными лапищами, чтобы не свалиться. Каждый день Квелли стирает с него сальные пятна.

Сегодня с Вилли приключилась беда: разбили одно из стёкол. Беззвучно шевеля губами и качая головой, Квелли Келлимоузен голыми руками собирает разлетевшиеся стёкла. Склеить стекло нельзя, да и Квелли никогда не пойдёт на это. Чтобы Вилли остался со шрамом! Дудки, не бывает этому.

Квелли Келлимоузен заворачивает собранные стёкла в тряпку и прячет за пазуху. Он рассержен. Соседи судачили днём, что Якоб — корабельный плотник — напился вдрызг и буянил: орал и швырял камни. Наверняка это он попал в Вилли, бесхвостая корабельная крыса. И никто вовремя не сказал Квелли, какая приключилась беда!

Квелли подливает масла и закрывает фонарь ладонью от малейшего ветерка, пока огонёк не разгорается в полную си-

лу. И то, когда Квелли убирает руку, язычок пламени шатается, будто потеряв опору. Бедный Вилли!

Новое стекло Квелли Келлимоузен получает наутро у своего начальства в пожарной части, отвечающей за фонари. Ждать, слава богу, не приходится: несколько стёкол нужного размера было заготовлено впрок. Квелли расписывается в получении: выводит крест там, где ему указывают. Судя по длинной цепочке закорючек, там значится его фамилия.

Стекло Квелли вставляет сам. За работой он косо поглядывает на двери кабака. Завинтив последний болт, отступает на шаг и оглядывает результат. Другое дело! Вилли стоит как новенький, стёкла весело блестят на солнце, только сам он без огонька выглядит потупившимся и смущённым, будто стесняется, что с ним возятся на людях. Квелли уходит домой, вполголоса попрощавшись с Вилли до вечера.

В сумерках Квелли Келлимоузен берёт новую бутылку с маслом. Грета ёрзает у очага, через плечо поглядывая на мужа.

— Ханна сказывала, в городе, где живёт её свояченица, фонарики разбавляют масло, чтобы и своей семье хватило.

Квелли Келлимоузен и ухом не ведёт. Как в другом городе, не его печаль, а здесь он в ответе, и его семье хватает. Не глядя на Грету, он берёт суму и лестницу и пробирается в сених мимо давно ставших ненужными вещей: здесь любимый кувшин Греты, сам-то прочный, но с отколотой ручкой; старые часы, на памяти Квелли не ходившие, а изредка прохаживавшиеся пару раз в месяц; потрескавшаяся колыбель.

Изо дня в день Квелли Келлимоузен уходит в темнеющий город со своей приставной лесенкой и сумой на плече. В эту пору ставни уже закрыты, и на извилистых улочках мало кого можно встретить, но Квелли Келлимоузену никогда не бывает одиноко.

На небе одна за другой загораются звёзды. Поговаривают, что это души умерших детей, но Квелли Келлимоузен считает, что это души умерших взрослых: слишком они далеко. А дети должны быть рядом.

— Пей, Петер, — бормочет он, подливая масло голодному огоньку. — Тебе много надо, ты у нас молодец. Пей, Минна, моя красавица.

ПРОКЛЯТИЕ АНТОНИИ

«Бывают же люди, которые даже шею себе вовремя свернуть не умеют» — именно на такой неподобающей добродушному христианину мысли поймал себя Симон, сержант городской стражи. Но, поскольку небеса не разверзлись и ударом грома его не поразили, в глубине души он всё же остался при своём мнении. Ибо надо признать, что господин де Вильруа, отпрыск одного из весьма состоятельных семейств Сенгийоля, и впрямь выбрал для своей безвременной кончины самый промозглый и ненастный день за всю осень. Ночью ударили заморозки; конь Вильруа, видимо, поскользнулся на заледевшей тропинке, тянувшейся вдоль крутого берега реки. Такая дорога была бы опасной даже для всадника, твёрдо держащегося в седле, для Вильруа же, возвращавшегося с разгульной пирушки и видевшего перед собой две лошадиных головы вместо одной, она и вовсе оказалась фатальной.

Симон дождался, когда тело де Вильруа заберут слуги, и поспешил в башню, где размещалась стража: не столько для того, чтобы доложить о происшествии начальству, сколько для того, чтобы согреться.

Час был ещё ранний, но на городской площади уже появились повозки бродячих циркачей. Словно перелётные птицы, они старались в зимнюю пору держаться южных краёв, но в этот раз холода застали их врасплох, перехватив ещё в Сенгийоле. Расписные фургоны пестрели под низко нависшим небом, будто не вовремя распустившиеся цветы. Весть о несчастном случае, приключившемся у реки, уже облетела город, и странствующие артисты устали на спешащего мимо сержанта с таким же любопытством, с каким он сам при других обстоятельствах глазел бы на них. Среди жителей Сенгийоля, впрочем, новость особого волнения не вызвала. Местная знать кутила с таким размахом, что с благородными дворянами пьяные беды приключались едва ли не чаще, чем с

низшими, более выносливыми слоями населения. Одно заинтересованное лицо, впрочем, Симону попало, и принадлежало оно городскому палачу Жоаннесу. Невысокий, милотвидный, несоразмерно опыту юный, Жоаннес имел привычку равно безмятежным взглядом смотреть как на жертв, так и на собеседников, в результате чего и те, и другие чувствовали себя в его обществе одинаково неуютно. Жоаннеса сторонились все, кроме начальника стражи Гальена, который сам и натаскивал его на эту работу. Но к всеобщему отчуждению Жоаннес относился с таким же невозмутимым спокойствием, как и к своим служебным обязанностям. «Стервятник», — пронеслось в голове у Симона, когда он увидел Жоаннеса, болтающегося возле комнаты Гальена.

— Что там стряслось? — поинтересовался «стервятник».

— Несчастный случай, — кратко сказал Симон, и, не удержавшись, прибавил: — Тебе там пожить нечем.

Жоаннес кивнул, как будто и ждал такого ответа.

— Если ты к нему... — он мотнул головой в сторону комнаты начальника, — то у него посетитель, и как раз по этому делу.

— Значит, я не помешаю, — огрызнулся Симон. Он без стука вошёл в комнату и захлопнул за собой дверь.

Он не успел ни поздороваться, ни разглядеть посетителя, стоящего посреди тускло освещённого помещения с низким сводчатым потолком. Гальен, едва завидев сержанта, всем корпусом подался ему навстречу и навис над столом: ни дать ни взять грозная туча, увенчанная бульдожьей мордой.

— Что там за чертовщина творится? — загремел он. — Что такое стряслось с этим де Вильруа?

— Упал с лошади и свернул шею, — пробормотал опешивший Симон.

Посетитель тотчас развернулся к нему.

— А вы эту самую свёрнутую шею хорошо осмотрели? — спросил он.

Церемонию представления или какие бы то ни было объяснения он явно почёл излишними.

Симон окинул его внимательным взглядом, и жёсткая, резко очерченная физиономия с маленькими цепкими глазами не вызвала в нём ни малейшей симпатии.

— Осматривал, — проговорил он. — И могу сказать, что от большинства виденных мною сломанных шей она отличалась лишь наличием кружевного воротника. А что...

— Меня тут уверяют, что господина де Вильруа сожрал вампир, — процедил Гальен.

Симон из богобоязненных соображений оставил при себе мысль, что, приключись такое на самом деле, то вампир, отведавший бы чистое вино вместо крови, валялся бы пьяный где-нибудь поблизости.

— И вампир этот — не кто иной, как барон Филибер де Шарни, — завершил Гальен.

У странного визитёра нервно дёрнулась жилка на левой щеке.

— Конечно, — пробормотал он. — У него же это в крови.

Симон смотрел на своего начальника с выражением, которое сторонний наблюдатель счёл бы тупым. На самом деле же он просто не знал, как выразить своё недоумение, не выходя за рамки приличий.

— Почтенный Юбер... — Гальен смерил посетителя откровенно неприязненным взглядом. — ...утверждает, будто Филибер де Шарни на самом деле сын рыцаря Арнульфа Монрэя.

Монрэй, Арнульф Монрэй... Обрывочные воспоминания детских лет зароились в памяти Симона. Слухи о растерзанных телах, которые находили неподалёку от замка Монрэя в горах... Клочок материи, зажатый в пальцах одной из жертв — клочок плаща рыцаря Арнульфа... Толпа, обезумевшая не столько от гнева, сколько от страха, растерзала Арнульфа прежде, чем успели вмешаться городские власти.

— Я служил тогда у господина Лорме, — сказал Юбер. — Бог мне свидетель, не было хозяина, больше заслуживающего преданности, чем он. Но его единственная дочь, Антония, спуталась с этим обезумевшим кровососом Монрэем. В ту самую ночь, когда её любовника разорвала толпа, она родила от него сына. Мой господин разузнал, где находится её

убежище. Он сам вложил мне в руку осиновый кол и приказал вбить его в сердце этого отродья...

Кажется, впервые в жизни Гальен лишился дара речи. Симону, впрочем, было не до того, чтобы этому дивиться: его самого замутило.

— Так эта ведьма оказалась хитрее! — продолжал Юбер, и жилка на его щеке снова затрепыхалась. — Когда я пришёл, ребёнка при ней не было. Мы так и не смогли дознаться, кому она его отдала: у неё уже начинался жар. Она совсем обезумела, выкрикивала, что все мы прокляты, что её дитя вернётся, чтобы кормиться нашей кровью и нашими грехами. Через три дня горячка её доконала, и Антония умерла. Спустя месяц, не вынеся позора, скончался и мой господин, а я до сих пор так и не выполнил его волю...

Симон помотал головой, словно пытаясь прояснить мысли.

— Барон де Шарни-то здесь при чём? — спросил он.

Юбер развернулся к нему. Глаза-буравчики фанатично блеснули.

— Всё сходится! — выкрикнул он. — Ему двадцать пять лет, столько же должно быть и сыну Антонии. Он перебрался в Сенгийоль совсем недавно, года не прошло — и что же? Сколько человек из его окружения отправилось на тот свет?

— Много, ох и много... — Гальен с преувеличенно серьёзным видом покачал головой. — Один вывалился из лодки и утонул в пруду, другой во время охоты попал — ладно бы ещё, на клыки кабану — так нет же, под копыта собственной лошади, третий вздумал сам править вместо кучера и врезался в дерево...

— И теперь ещё один свернул шею!

— ...и каждый был пьян, как сапожник по окончании Великого Поста.

— Верно! — Юбер сорвался на визг. — Всё как сказала Антония! Он кормится грехами и кровью. И я не удивлюсь, если окажется, что на шеях его жертв окажутся отметины, как у тех, кого убивал Арнульф...

— Вон отсюда, — устало молвил Гальен.

— Что? — Юбер уставился на него.

— Вон, — повторил Гальен тихо, но пугающе отчётливо.

— Вот, значит, как... — Юбер тоже понизил голос. — Так вы не станете принимать меры?

Гальен поднял на него глаза и как будто безмерно удивился тому, что до сих пор видит его по эту сторону двери. Юбер попятился и шмыгнул из комнаты.

— Сумасшедший. — Симон зябко передёрнулся. — Неужели он и вправду прикончил бы младенца?

— Таким только повод дай, — буркнул Гальен. — Хорошо ещё, он не решился действовать без своего господина и заявился сюда, к нам.

— А ведь я тоже слышал, что барон был приёмышем! — спохватился Симон.

— Да вы что, белены объелись, любезный мой? — рявкнул Гальен. — Он родной сын старого барона, только родился не с той стороны одеяла. Говорят, его отцу крепко приглянулась одна кабацкая девка, потому наш Филибер и пьёт, как...

Дверь скрипнула, и на пороге появился Жоаннес.

— Не помешаю? — осведомился он. — Я только хотел спросить, какое такое поручение собирался выполнить тот странный тип с заострённой палкой.

— Какое поручение? — растерялся Симон.

— С какой палкой? — вскинулся Гальен.

— Он вышел отсюда, бормоча, что сам выполнит поручение своего господина, — пояснил Жоаннес. — И вытащил из-под плаща заострённую палку.

— Догнать! — взревел Гальен так, что Симон буквально стукнулся лопатками об дверь. — Найдите этого юродивого, пока...

Он не нашёл нужных слов и вместо этого грохнул по столу кулачищем, похожим на мельничный жёрнов. Эхо удара достигло слуха Симона, когда он уже выбегал на улицу.

Юбер точно провалился сквозь землю. Симон сбился с ног в отчаянных поисках, но узнал лишь, что после смерти господина Лорме его слугу никто не видел.

Можно было подумать, что зловещий призрак из прошлого явился в башню городской стражи, и, выйдя из её стен, вновь растворился в небытии.

Единственное, что оставалось делать Симону — это поставить пару своих людей на подъездах к особняку де Шарни. Двоих, может, было и маловато, но страже ещё предстояло обеспечивать порядок на цирковом представлении, устроенном тем же вечером. А представление, надо сказать, удалось на славу. На другой день в Сенгийоле только и было разговоров, что об удивительных акробатах и жонглёрах и дрессировщиках с заморскими зверями, и следующим вечером на площадь явились не только простолюдины, но и кое-кто из знатных господ. Симон едва не застонал от досады, увидев в толпе физиономию Филибера де Шарни. Бледный от бессон-

ных разгульных ночей, с вечно опухшими глазами, с редкими, липнущими к голове волосёнками, он выглядел куда старше своих лет. Сейчас Филибер протолкался в первые ряды и увлечённо глазел по сторонам, высматривая циркачек помиловидней. Вчерашняя кончина одного из собутыльников явно не тяготила его память.

Скрипя зубами, Симон пробрался к Филиберу поближе. Он обводил взглядом толпу, стараясь не пропустить жилистую фигуру и жёсткое лицо Юбера, но никого не находил, и всё увиденное и услышанное в башне, казалось ему всё менее реальным.

Представление шло полным ходом. Филибер весьма оживился на выступлении юной акробатки и заплодировал так, что стоявшие рядом люди отпрянули в стороны. Он даже слегка выдвинулся вперёд в ожидании следующего номера, но, к его огорчению, акробатку сменил жонглёр.

Симон почти не следил за представлением. Циркачей он в своё время насмотрелся достаточно, сейчас же ему меньше всего хотелось, чтобы на глазах у него, сержанта стражи, произошло самое нелепое и дикое убийство, какое только можно вообразить. Он по-прежнему оглядывал толпу, и лишь случайно, боковым зрением уловил знакомое подёргивание жилки на лице...

Толпа с криком шарахнулась прочь, когда пружиной сорвавшийся с места Симон в прыжке сбил с ног жонглёра, в руке которого невеста каким образом очутился кол вместо дубинки. Филибер де Шарни, отшатнувшись, потерял равновесие и плюхнулся в грязь, потрясённый, перепуганный, но невредимый. Стражники, сбежавшие с разных концов площади, помогли Симону скрутить бешено вырывающегося Юбера.

Вновь очутившись в комнате Гальена, Юбер сменил свирепый настрой на горькую иронию, сдобренную философией.

— Из обычной колоды — в колоду Таро, — усмехнулся он, окидывая взглядом свой цирковой костюм. — Походил в джокерах, быть теперь Повешенным...

— Не рассчитывай, что тебя повесят за ногу, — прервал его Гальен.

Жоаннес, сидевший в углу, при этих словах поднял голову и приветливо улыбнулся Юберу. Тот мигом позеленел.

— Вы зря не послушали меня, — сипло проговорил он. — Двадцать пять лет я колесил по свету, разыскивая эту тварь. Он здесь, в Сенгийоле, я чувствую это. Ублюдок Антонии...

— Увести! — заорал Гальен, резко встав из-за стола. Стул с грохотом опрокинулся на пол. Стражники живо подхватили Юбера и выволокли его из комнаты. Гальен ещё некоторое время стоял, пыхтя от гнева, затем сгрёб перевёрнутый стул своей огромной лапищей, водрузил его на место и снова сел, время от времени бросая угрюмые взгляды на дверь.

Ублюдок... Сын Антонии и Арнульфа не был ублюдком. Они обвенчались тайно, зная, что семья Лорме никогда не даст согласия на этот брак. Он, Гальен, сам был посажённым отцом, сам подвёл Антонию к её жениху, своему старому боевому другу, пусть и слегка повредившемуся рассудком после особо кровавой военной кампании. В тот день он впервые очутился возле Антонии, на которую прежде едва решался поднять глаза при случайных встречах на улице или в церкви. Именно ему она передала новорождённого младенца в ту ночь, когда он не сумел, не успел защитить Арнульфа от ярости толпы. И когда беспомощное существо, крохотная частичка Антонии, очутилось в его неуклюжих, грубых солдатских лапах, он поклялся, что сумеет сохранить ребёнка.

Всё, обещанное той ночью, претворилось в жизнь — и клятва Гальена, и проклятие Антонии. Кровь не обязательно пить, чтобы ею кормиться. Сын Монрзев наносит каждый свой удар прилюдно, не таясь. И в тот миг, когда душа очередного обречённого расстаётся с телом и толпа невольно замирает, он обводит людей своим спокойным взглядом, как бы спрашивая, кто из них следующий сам отдаст себя ему в жертву.

Гальен посмотрел на безмятежное лицо Жоаннеса и по его бульдожьей физиономии расплылось умилённое выражение.

— Иди к себе, малыш, отдохни, — сказал он. — Похоже, тебе снова предстоит работёнка.

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Если вам доведётся услышать о скандале, разразившемся на заседании попечительского совета в университете Сенгийоля — а доведётся непременно, если судьба занесёт вас в этот город — то навряд ли кто-нибудь помянет при этом имя Мартена де Роклена. А будет это высшей несправедливостью, ибо, если бы не Мартен де Роклен, то не сотрясали бы университетские стены никакие бури, кроме тех, что низвергаются с небес равно и на обители премудрости, и на убогие кровли крестьянских домишек. Ну а если вы спросите, кто такой Мартен де Роклен, то придётся нам слегка встряхнуть ту ветвь его фамильного древа, что и увенчалась сим плодом за пару десятков лет до событий, о которых чуть ниже и поведётся речь.

Семейство де Нуаржан, к которому принадлежала Жанна, матушка господина Мартена, обнищало настолько, что даже мышам на пропитание остался лишь фамильный герб, красовавшийся над входом. Впрочем, в той же мере, в какой Жанна оказалась обделена приданым, была она наделена красотой, и брак для неё не представлялся задачей неразрешимой. Многие весьма обеспеченные, в том числе и отнюдь нестарые и недурные собой господа претендовали на её руку, однако Жанна остановила свой выбор на молодом бароне де Роклене, чьё состояние в ту пору заключалось в половине золотой шпоры на левом ботфорте. И не слепая, безудержная страсть стала тому причиной, но то, что Жанна с первого взгляда распознала в де Роклене человека, с таким положением дел мириться не намеренного. Иными словами говоря, почувствовала в нём родственную душу.

И верно: вскоре после венчания чета де Рокленов стала стремительно богатеть. И никому в голову не приходило задуматься над тем, отчего в то же самое время слишком многие знатные господа оказывались жертвами уличных грабе-

жей со смертельным исходом. Никто даже не замечал, что вконец распоясавшиеся грабители упорно резали в тёмных переулках глотки именно тем господам, которые теми самыми переулками возвращались в ночные часы из дома прекрасной Жанны во время частых отлучек её супруга.

Лишь один человек обратил внимание на эти совпадения, и был это не кто иной, как Жером, младший брат красавицы Жанны. Жером служил помощником у одного сенгийольского крючкотвора, и, беря пример со своего хозяина, быстро наловчился проводить параллели там, где прочие и плоскостей-то не видели. В один прекрасный день он появился на пороге у сестры, изложил ей все свои соображения по поводу избранного ею способа ведения дел и завершил обличительную речь предложением делового характера: делиться. Жанна с ходу ответила согласием, и, дабы скрепить сделку, предложила Жерому бокал вина. Тот, не первый день зная свою сестрицу, догадался прежде посмотреть сквозь бокал на свет и разглядел едва заметный осадок. Жером тотчас выскочил за дверь и со всех ног припустил к судье, которому повышенная смертность среди городской знати доставляла немало головной боли. И вскоре молодой барон де Роклен совершил свой последний выезд на городскую площадь, только не в карете, а в чёрной повозке, да так с той площади и не вернулся. Ну а любящая супруга последовала за ним после того, как разрешилась в тюрьме от бремени чудным младенцем, синеглазым и горластым, коего называли Мартеном, в честь почитавшегося в тот день святого.

Жером, поднаторевший в крючкотворстве любого толка, добился того, что значительная часть имущества его сестры не перешла в собственность казны, а досталась ему, осиротевшему младшенькому братцу. А полученные средства он так ловко сумел пустить в оборот, что через несколько лет смог заполучить титул барона, и даже позорная гибель сестрицы на эшафоте этому не воспрепятствовала.

Ну а малютка Мартен попал из тюрьмы напрямик в городской приют, откуда, впрочем, удрал, как только оказался в возрасте, достаточном для того, чтобы перемахнуть через ограду.

С тех пор Мартен удивительнейшим образом делил своё время между самыми глухими трущобами Сенгийоля и, представьте себе, университетом. Старенький библиотекарь Иероним, невесть каким образом подружившийся с не по годам любознательным уличным мальчишкой, обучил его грамоте и позволял ему читать всё то, что штудировали бы университетские студюзусы, если бы не предпочитали библиотеке кабаки, а книгам — карточные колоды. В трущобах же Мартен постигал науки совсем иного толка, и к тому времени, как стукнуло ему двадцать лет, он слыл в определённых кругах мастером улаживать разные деликатные дела при помощи простой полоски стали. В то же время Мартен лучше многих отпрысков знатных семейств разбирался и в семи свободных искусствах. Мартен и сам не мог бы объяснить, зачем ему это было нужно: математика ему требовалась лишь для того, чтобы считать мзду, полученную за работу, риторика в привычных для него дискуссиях сводилась не к гиперболам и метафорам, а к «мельницам» и «парадам», а в музыкальных экзерсисах незатейливость его излюбленных мелодий равнялась весьма доходчивой простоте текстов, навряд ли сыскавших бы одобрение куртуазных эстетов.

Мартен любил порой забраться в кресло в самом дальнем углу библиотеки и с головой уйти в чтение какого-нибудь фолианта — уйти от лязга железа, пьяных драк и погонь, и не возвращаться, пока глаза не начнут слипаться от усталости.

Если не считать увлечения Мартена книгами, в остальном он жил днём сегодняшним и не слишком интересовался делами давно минувших лет. Он, конечно, знал, чьим потомком является, ибо молва о парочке дворян, потрошивших местную аристократию, до сих пор ходила среди лихого люда Сенгийоля. Но Мартен никогда не слышал о той роли, которую сыграл в разоблачении своей сестрицы Жером де Нуаржан, и вообще свести знакомство со своей родней не стремился, ибо подозревал, что общих интересов у них не окажется.

Однако тут Мартен заблуждался. Жером не забыл о своём племяннике, а поскольку, заделавшись бароном, связи с

миром законников он не терял, то и обо всём противозаконном, что творилось в Сенгийоле, был осведомлён неплохо. Прознал он и о юном виртуозе-наёмнике Мартене де Роклене, а прознав, задался вопросом, какой беды здесь можно опасаться, и, с другой стороны, какую выгоду из этого можно извлечь.

Тут надо отметить, что страсть к наукам проявилась у Мартена не на ровном месте. Род Нуаржанов исстари славился своей учёностью, и Жерому лишь бедность помешала попасть в университет Сенгийоля. Зато теперь, разбогатевав, он снискал популярность в учёных кругах, вступив в попечительский совет университета, а собственную страсть к наукам утолял, собрав и прочитав от корки до корки все труды по оккультизму, до каких только смог дотянуться. Узнав о необычайной образованности Мартена, рачительный Жером живо сообразил, для чего можно приспособить внезапно вынырнувшего из небытия племянника.

Тревога была первым, что почувствовал Мартен де Роклен, когда некий посредник из числа малоприметных, но вездесущих личностей передал ему просьбу барона де Нуаржана о встрече. Мартен не питал иллюзий, будто дядюшка вдруг надумал поделиться с ним баронством или богатством, и гадал, не надумал ли Жером избавиться от него, как от возможного претендента на наследство. Тем не менее, на встречу, назначенную в заброшенном доме недалеко от порта, он всё же явился, предварительно надев под камзол кольчугу и засунув в каждый сапог по ножу.

В комнатухе, где состоялась встреча, от прежних хозяев сохранились лишь потрескавшийся от времени стол да пара стульев. В дневную пору нужды в дополнительном освещении не возникло бы: свет в обилии проникал не только сквозь окна, но и через зияющие тут и там проломы в стенах. Однако воссоединение семейства происходило в глухой ночной час, и на столе горела лампа, при свете коей Жером де Нуаржан, явившийся сюда загодя, не без любопытства мерил взглядом фигуру племянника, возникшую на пороге.

Годы не стёрли из памяти Жерома облик сестры, и он тотчас подметил фамильное сходство. Придирчивый критик,

конечно, указал бы, что, если Жанна была золотоволоса, то Мартен был рыж, если Жанна отличалась деликатностью телосложения, то Мартену скорее подходило слово «тощий», а вскружившая столь многим головы улыбка юной красавицы на физиономии её отпрыска преобразилась в то, что точнее следовало бы именовать ухмылкой. Но всё же сходство было налицо, и Жером тотчас признал это, ибо единственным человеком, которого он никогда не обманывал, был он сам.

— Добрый вечер, господин де Роклен, — приветствовал он гостя, наклоняясь над столом так, чтобы лампа как следует осветила его радушную улыбку. — Вам, полагаю, известно, кто я?

— Барон де Нуаржан, — с готовностью подтвердил Мартен, решивший, что половины имеющейся у него информации для поддержания светской беседы вполне достаточно.

Жером улыбнулся ещё шире.

— И, к тому же, ваш дядюшка, верно? — пропел он тем благожелательно-приторным тоном, каким полтора десятка лет тому назад мог бы говорить тому же Мартену: «Смотрика, кто к тебе пришёл!».

Мартен словно невзначай коснулся локтем рукояти ещё одного ножа, торчавшего у пояса, и, удостоверившись, что тот на месте, кратко ответил ничем не обязывающим:

— А... ну да.

— Присаживайтесь, племянничек! — пригласил Жером, придвигая Мартену стул. — Поговорим...

И сам уселся на второй стул, всё время держа руки на виду, чтобы племянник не заподозрил его ни в каких предосудительных замыслах. Чуть помедлив, Мартен последовал его приглашению.

— Ты, конечно, понимаешь, что речь пойдёт не только о родственных наших взаимоотношениях, — заговорил Жером, переходя на «ты» и не сводя глаз с лица Мартена. — Как, несомненно, понимаешь и то, что о родстве между нами лучше не болтать.

Это Мартен понимал очень хорошо. Барону, члену университетского попечительского совета, племянник-головорез без надобности.

— Хотя, конечно, — продолжал Жером, — я считаю себя обязанным, соблюдая определённую конфиденциальность, проявить интерес к твоей судьбе, хотя, признаю, и с определённым опозданием... — Тут он выдержал небольшую паузу, выжидая, не последует ли со стороны Мартена реплик наподобие «а где ты, дядюшка, был раньше...» и т. д. Реплик не последовало, и Жером продолжал: — ... в коем отчасти виноват был и ты сам, поскольку, покинув приют, никого о перемене адреса не уведомил.

При упоминании о приюте Мартен хмыкнул. Вдохновлённый этим Жером возобновил свою песню:

— О твоём нынешнем роде занятий... — (глаза Мартена едва заметно сузились) — ... мы говорить не будем, а вот что до твоих увлечений... Верно рассказывают, что ты перечитал всё содержимое университетской библиотеки?

Перед мысленным взором Мартена встало огромное помещение библиотеки, которое бесчисленные вереницы книжных шкафов превращали в лабиринт.

— Не всё, — сказал он честно.

— Похвальная скромность, — одобрил Жером. — Но что латынью и греческим ты владеешь лучше многих школяров, это верно?

Мартен пожал плечами. Он сильно сомневался в том, что дядюшка-барон впервые вызвал его в это уединённое местечко лишь для того, чтобы почитать ему вслух Гомера.

— Владеть владею, а насколько лучше, не ведаю — не мерил, — отозвался он, нимало не заботясь о том, что подобный ответ звучит дерзко, а то и просто нагло.

Жером выговаривать племяннику за неучтивость не стал: он и сам считал, что настала пора переходить к делу.

— Твоя страсть к науке весьма похвальна, и я её вполне разделяю, — проговорил он. — Как тебе известно, я вхожу в попечительский совет университета. И не только это. Сфера моих интересов распространяется и на те науки, которые выходят за пределы университетской программы...

Мартен насторожился.

— Науки, которым лишь предстоит получить признание, и которые должным образом ещё не изучены. Ты понимаешь, о чём я?

Мартен, ещё в детстве усыплявший сторожа фруктового сада напитком, изготовленным по рецепту из старинного алхимического трактата, осторожно кивнул.

— В глазах многих людей, претендующих на учёность, занятие этими науками считается делом не только недостойным, но и предосудительным. Нет спору, считать так могут лишь те, кто закоснел в своём невежестве, однако именно избыток подобных личностей в учёной среде по сию пору мешает мне занять должность председателя попечительского совета.

Мартен тихо скрипнул зубами. Он уже смекнул, куда дует ветер.

— И средство против косности умов, препятствующей продвижению людей с более широким кругозором, существует лишь одно...

Мартен открыл было рот, чтобы сообщить дядюшке, что он не намерен ни из родственных, ни из научных соображений потрошить университетских попечителей, но Жером опередил его, наставив на него палец.

— Знания, мой мальчик, — объявил он. — Знания, и я говорю это прежде, чем ты ляпнешь какую-нибудь вульгарную чушь про убийства.

Ошарашенный Мартен захлопнул рот, так и не издав ни звука.

— А теперь — к делу, — решительным тоном заявил Жером. — Тебе знаком виконт де Рамбуйе?

— Я бы не сказал, что с ним знаком, — промямлил Мартен. — Но я о нём, конечно же, слышал.

— Отлично. У виконта хранится некий старинный трактат на интересующую меня тему. Продавать этот трактат виконт наотрез отказался, хотя я и предлагал ему сумму, поверь, вполне достаточную не только для того, чтобы залатать дыры на локтях его камзола.

Мартен кивнул головой.

— Спереть? — лаконично спросил он.

Жером поморщился.

— Оставь сей лексикон мужланам, мальчик мой. К тому же, мне вовсе не нужно, чтобы ты что-либо, как это называется, «пёр». Из всего этого трактата меня интересует всего лишь одна формула, ссылки на которую уже встречались в нескольких имеющихся у меня трудах. Будучи наслышан о твоих талантах, я не сомневаюсь, что, во-первых, ты сумеешь проникнуть в дом виконта незамеченным, а во-вторых, именно ты сможешь найти нужную формулу там, где люди непосвящённые увидят лишь полнейшую абракадабру. — Жером подался вперёд всем телом. — Принеси мне эту формулу, мой мальчик — и тебе никогда не придётся сетовать на то, что богатый дядюшка обошёл тебя своей заботой.

Раздобыть формулу труда не составило. По правде говоря, пробраться в особняк виконта, по скудости средств скудно и охраняемый, сумел бы и человек, менее опытный в делах такого рода, чем Мартен. Но легко отыскать заветную формулу на страницах, испещрённых каббалистическими значками, мартеновым собратьям по трущобам, конечно, не удалось бы. В назначенный день и час, накануне очередного собрания попечительского совета, листок с формулой лёг на уже знакомый нам потрескавшийся стол в домишке неподалёку от порта.

На сей раз обстановка уже не была столь пустынной. В углу комнаты прямо на полу было сложено стопкой несколько фолиантов, там же, прислонённое к стене, стояло зеркало, а на столе теснились колбы, пробирки и мешочки с какими-то порошками. Кроме того, красовалась там и большая винная бутылка с двумя бокалами, и эти бокалы довольный Жером и наполнил, не переставая при этом восхищаться ловкостью племянника.

— Удачу надо отметить, мальчик мой! — Сияя, он протянул один из бокалов Мартену.

Тот внимательно следил за всеми движениями дядюшки и пригубил вино лишь потому, что видел точно: налито оно было в оба бокала из одной и той же бутылки, ни на миг не исчезало из его поля зрения, и Жером опустошил свой бокал первым.

— Надеюсь, ты тщательно переписал всё, не сделал никаких ошибок и ничего не упустил? — Глазки Жерома впились в лицо Мартена.

— Ничего, — отозвался тот.

— Хорошо, очень хорошо, — бубнил Жером, смешивая в колбе порошки и то и дело сверяясь с формулой.

Сидя на стуле, Мартен с интересом следил, как барон выводит на полу каббалистические символы и нашёптывает заклинания.

— Вы что же, хотите проделать этот опыт прямо сейчас? — спросил он.

Жером жестом велел ему не мешать, а пару минут спустя, завершив подготовительный ритуал, перелил содержимое колбы в стакан, и, держа его в руке так, словно готовился произнести тост, развернулся к племяннику.

— Ну конечно, хочу, дитя моё. На завтрашнем заседании мою кандидатуру выдвигают на пост председателя попечительского совета, и после этого, смею надеяться, мне какое-то время будет не до опытов! И я в последний раз спрашиваю тебя: ты абсолютно уверен, что ничего не упустил в этой формуле?

— Ни единого значка, — заверил его Мартен. Откинувшись на спинку стула, он растирал затёкшие руки.

— Замечательно. Ибо ты же понимаешь, чем чреваты ошибки. А ведь ты не хочешь, чтобы с твоим дядюшкой что-нибудь случилось, верно? Ведь тогда ты не получишь противоядия.

Мартен усталился на Жерома, не веря своим ушам. Затем он перевёл взгляд на свои руки: кончики пальцев немели всё сильнее.

— Ах ты, старый хрыч!

Он попытался встать, но снова повалился на сиденье. Жером рассмеялся и погрозил юноше пальцем.

— Прощаю. За «старого хрыча» — прощаю. Как же ты, всё-таки, молод. Следить-то за бокалом следил, а что иные противоядия можно принять загодя, не учёл. — Улыбка сошла с его лица и взгляд стал жёстким. — Так как, формула верна? Говори, терять время не в твоих интересах!

— Верна, — прохрипел Мартен. На лбу у него выступили капли пота, и он сам не мог бы определить, было то действием яда или страха.

— Если так — твоё счастье. Не бойся, с противоядием я тебя не обману... Если опыт удастся, конечно.

Жером поднёс стакан к губам и осушил его одним глотком. И застыл, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Мартен неотрывно следил за ним. Впервые очутился он в ситуации, когда оружие скорее навредило бы, чем помогло. Даже если бы цепенеющие руки дотянулись до ножа, если бы хватило сил нанести удар — что тогда? Такие симптомы могли быть вызваны самыми разными ядами — что же принять в качестве противодействия? Да и хватит ли на это сил? Словом, Мартен полностью очутился во власти дядюшки. Дядюшки, которому племянник-наёмник вполне мог больше не понадобиться.

А с дядюшкой между тем стали происходить какие-то странные перемены. Первыми изменились глаза. Они стали совсем круглыми, а белки исчезли. Затем лицо стало вытягиваться вперёд, усы удлинились и выпрямились... Нос странно задёргался, зубы выступили над губой... Мартен, которого уже начинал бить озноб, смотрел, как Жером превращается в крысу — огромную, и, надо отметить, изрядно облезлую. Путаясь в плаще, крыса кинулась к зеркалу и возбуждённо запищала. Мартен уже не вдумывался, восторженный то был писк или возмущённый: ему становилось всё хуже. Конечно, сти уже совсем не подчинялись ему, перед глазами всё расплывалось и, когда вместо крысиной морды перед ним снова возникло лицо Жерома, он не был уверен в том, что просто не выдаёт желаемое за действительное. Но тут, словно из отдаления, послышался дядин голос:

— Всё верно — три минуты, как я и ожидал. Конечно, это не совсем то, на что я рассчитывал, но твоей вины тут нету, мой мальчик, это уже особенности формулы...

Мартен почувствовал, как пальцы Жерома разжимают ему челюсти, а затем ощутил во рту какую-то терпкую влагу.

— Глотай, живо! — рывкнул Жером.

Мартен судорожным движением заглотил зелье.

— Умница, — похвалил его Жером. Довольный результатом опыта, он, видимо, решил, что одарённый племянник ему ещё пригодится.

Постепенно оживающие конечности Мартена ныли так, как если бы отходили после сильного мороза. В голове понемногу прояснялось, и слова Жерома слышались всё отчётливее:

— Размеры, размеры... Ай-яй-яй, размеры остаются прежними, тут ничего не поделаешь. Да, в таком виде не прошмыгнёшь под двери запертых кабинетов, ну да не беда... Составитель формулы превращался в змею, но в книге упоминается, что результат метаморфозы индивидуален. Интересно, мальчик мой, в кого превратился бы ты... хе-хе... в шакала или в волчонка? Ну, что? Оклемался, наконец?

— М-м...

— Вот и отлично. Держи! — он засунул Мартену за пазуху позвякивающий монетами кошелёк. — От любящего дяди. А теперь ступай, да смотри, не пей пока что вина — сегодня это не пойдёт тебе на пользу.

Жером захихикал. Мартен встал и деревянными шагами направился к выходу.

— Я не прощаюсь надолго, мой мальчик! — крикнул Жером ему вслед. — С твоими талантами мы с тобой таких дел натворим — только держись!

Мартен ответил на это дружеское напутствие лишь испепеляющим взглядом, нимало, впрочем, любящего дядю не опечалившим, и скрылся за дверью.

Кое в чём Жером де Нуаржан ошибся. Желание снова видеть племянника или ещё кого бы то ни было возникло у него весьма нескоро.

Мартен сказал чистую правду: он не упустил в формуле ни единой детали. Более того, он кое-что туда добавил.

Он не доверял дядюшке ни на грош, зато доверял своей интуиции — а именно интуиция и подсказала ему аккуратно вплести в вереницу каббалистических знаков и латинских терминов формулу рецидива. Отныне заклятие превращения должно было повторяться раз в сутки, в одно и то же время — и так до конца жизни барона де Нуаржана. И когда на следующий день на собрании попечительского совета начали переключку кандидатов на пост председателя, формула сработала вновь.

ГРЕТЕЛЬ

...Гензель и Гретель вернулись домой, и жили они долго, ну а счастье на долю каждого из них выпало своё.

Гензель пошёл по стопам отца: стал дровосеком. Только слишком не по душе ему был лес после пережитых злоключений, и Гензель куда больше времени проводил в кабаке с кружкой, чем в чаще с топором. Тем более что в желающих послушать историю о старой колдунье и о пряничном домике никогда не случалось недостатка, и все они охотно угощали Гензеля выпивкой. Да и сама история, подобно хорошему вину, со временем становилась всё забористей и крепче. Пряничный домик обрастал изгородью из человеческих черепов, колдунья разживалась муженьком-великаном, а сам Гензель делил клетку, где его держали взаперти, с целым полчищем прожорливых крыс, а то и с одним-единственным, зато страсть каким свирепым драконом. Верить ему или нет, вопрос не стоял. За верой не в кабак ходить положено. А здесь люди чинно коротают вечерок в приятной компании, слушая занятную байку. Чего ещё человеку надо?

Если Гензель легко заделался всеобщим любимцем, то у Гретель всё обстояло иначе. Девушки, несколько месяцев прислуживавшей колдунье, а потом спалившей её в печи, люди сторонились. Кто её ведаёт, чему она там, у колдуньи, научилась. Разве та, прежняя Гретель, какой она была до всей этой истории, старуху в печке спалила бы? Да ни за что на свете! Вот, то-то и оно.

Повстречавшись с ней на улице, люди кратко кивали в знак приветствия и торопливо проходили мимо — и Гретель слышала невнятные перешёптывания у себя за спиной, затылком чувствовала насторожённые, опасливые взгляды. У Гретель не осталось ни друзей, ни подруг, а уж о замужестве и подавно нечего было думать. Какое замужество, когда люди и поговорить с ней боятся.

Гретель почти не выходила из дома, разве что набрать ягод и грибов — она-то леса не страшилась — да привести из кабака домой не в меру разгулявшегося брата.

Впрочем, эту последнюю обязанность всё чаще брали на себя молодые незамужние девицы. Поначалу разные, но со временем Гензеля приноровилась приводить домой одна Анна-Лиза. И однажды, уже за полночь притащив его домой почти в беспамятстве, она объявила следующим утром, что Гензель обязан на ней жениться. Гензель не помнил ничего такого, что его бы к чему-то обязывало, но, с другой-то стороны, он ведь и вовсе ничего не помнил. И спорить он не стал, да и какая ему разница, Гретель его будет обшивать-обстирывать или Анна-Лиза. Может, у Анны-Лизы ещё лучше получится. Она-то хозяйству не у ведьмы училась.

...Угощение к свадьбе готовили мать и тётки невесты — на этом настояла Анна-Лиза.

— Знаем мы, как твоя сестрица готовит, — заявила она Гензелю. — Ещё запечёт в пироге какую-нибудь бабку.

За столом Анна-Лиза у всех на глазах отдёргнула кубок, когда Гретель хотела подлить ей вина. Гретель застыла с ковшом в руках. Тягучая капля упала на белую скатерть и расплзлась тускло-красным пятном. Анна-Лиза только беззвучно ахнула.

А наутро Гензель отозвал сестру для разговора.

— Я теперь человек женатый, — объявил он, не сводя глаз с шапки, которую зачем-то комкал в руках. — Анна-Лиза, стало быть, в доме хозяйка.

— А как же я? — спросила Гретель у брата. У того самого брата, ради которого столько времени не смела сбежать от колдуньи.

Гензель смешался.

— Да нет, — мямлил он. — Я не то... Ты просто... потише давай.

Куда уж потише, чем Гретель. И в тот день она тихонько ушла в лес. Ничего не видя, ничего не слыша вокруг, она брела, не разбирая дороги и не зная, как теперь быть. Ей уже довелось однажды точно так же блуждать по лесу, но теперь

всё оказалось гораздо хуже. В тот раз их было двое, и они искали дом. Сейчас Гретель шла одна, и искать ей было нечего.

И, как и несколько лет и зим тому назад, пряничный дом возник перед нею внезапно, точно деревья сами расступились в стороны. Гретель остановилась как вкопанная.

Деревенские мальчишки не раз и не два пытались отыскать в лесу пряничный домик, но всё впустую. В конце концов все решили, что домик сгинул вместе с колдуньей. И всё же вот он: стоял перед Гретель, такой же, как тогда, годы назад... Нет, не совсем такой же.

Пряники потрескались, глазурь на них раскрошилась, у черепичек на крыше обломилась края, с наличников на окошках осыпалась сахарная пудра. Заброшенный и обветшалый, ссутулился домик среди деревьев, и тихонько, со скрипом покачивалась на сквозняке приоткрытая дверь, словно приглашая Гретель войти.

Мгновение она колебалась. А потом вспомнила старого Михеля, вернувшегося с войны. Он привёз с собой компас, стрелка которого всегда указывала на север. Никто не мог понять, зачем Михелю компас, если деревню он больше не покидает, а где тут север, и так всем известно с пелёнок. А Михель гордо отвечал: «Это трофей. Я убил в бою его прежнего владельца, стало быть, компас — законная моя добыча».

Раз Гретель одолела колдунью, стало быть, домик — её трофей по закону?

Гретель медленно приблизилась к дому, поднялась по шатким ступеням крыльца, переступила порог. Колдуньи она больше не боялась, и все же, остановившись в дверях, покосилась на печь. Заслонка так и была заперта снаружи — как Гретель её и оставила.

Близился вечер и уже начинало холодать. Гретель отыскала дрова, поколебавшись мгновение, открыла печь. Стиснув зубы, вымела веничком всё, что там осталось, и схоронила в густой траве за домом. А потом развела в печи огонь.

Вспугнутые непривычной вознёй, по комнате то и дело метались мыши. Гретель вспомнила обломанные, словно обкусанные черепички. «У колдуньи был кот, — подумала она.

— Что с ним случилось? Может, сгинул в лесу? Или просто ушёл?».

Точно в ответ на её мысли послышался лёгкий шорох. Полосатый желтоглазый кот вспрыгнул снаружи на подоконник. Он лениво оглядел комнату, на миг задержавшись глазами на Гретель, спрыгнул на пол и вдруг стремительно метнулся куда-то в глубь дома. В углу коротко всплеснулся писк.

Гретель пошарила по полкам, но еды не нашла. Она вспомнила про яблоню, растущую у дома, и вышла наружу.

К веткам и тянуться не пришлось — несколько довольно крепких яблок валялось прямо на земле. Гретель подобрала их и повернулась к дому.

Что-то изменилось. И менялось прямо на глазах.

Трещины на пряниках стягивались сами собой, нарастали глазурь и сахарная пудра, крошка за крошкой выравнивались черепички. Домик словно выпекался заново.

Гретель следила за тем, как он оживал, и впервые за долгое время на лице её снова сияла улыбка. Над домиком кружили птицы, вспугнутые происходящим. Одна из них отважилась сесть на конёк крыши. Гретель поудобнее перехватила одной рукой передник с собранными яблоками, подняла ветку с земли и кинула её в птицу. Та снялась с крыши и перелетела на дерево.

— Кыш! — крикнула Гретель. — Не вздумайте мой домик клевать!

Она вспомнила, где колдунья хранила верёвки.

— Завтра же силки поставлю, — буркнула она. — Не одни же яблоки грызть.

Гретель поднялась по ступенькам, теперь уже не шатающимся под ногами, и вошла в дом.

Кот снова вспрыгнул на подоконник и разлёгся там, облизываясь и улыбаясь. Он был сыт и доволен. Тихонько мурлыкая, следил он, как Гретель шарит по колдуньиным сундукам.

«Возвращаются добрые старые денёчки, — умиротворённо думал он. — Прежняя хозяйка тоже с птичек начинала».

АСТА И АННАЛИЗА

I

Что Аста понесла от Бенгта, хозяйского сына, знали все на хуторе. Точнее, догадывались: сама Аста ничего не говорила, а когда её осторожно пытались выспросить, отпиралась. Остальным батрачкам только и оставалось, что выполнять за неё более тяжёлую работу: мало ли, не дай бог...

Когда живот у Асты стал виден, несмотря на все пояса и платки, которыми она обматывалась, она отпросилась к родне на одном из дальних хуторов. Сказала, что сестра у неё там захворала. Собрала узел в дорогу, а Бенгт на прощание сунул ей в руки увесистый кожаный кошель. Хильда клялась, что своими глазами это видела. Она всё на свете могла разболтать, но врать не любила, и ей поверили.

Аста вернулась месяца через два-три, когда зима шла на убыль. Нарядная была, в дорогах сапожках, и весёлая. Одна. Никому ничего не рассказывала. Заметили только, что хозяйский сын после её возвращения будто погрузнел да потише стал. Но за всеми делами и хлопотами никто долго об этой истории не помнил.

II

Оскар Ларссон сгинул следующей зимой. Хватились не сразу. Жил он бобылём. Если где и заметили, что его долго не видать, то лишь в кабаке. Да только кто из тамошних завсегдатаев кого искать станет. Ларссон нашёлся, когда снег уже начал таять. Отыскивали его далеко от главной дороги, в поле, между перелеском и рекой. Ходили там редко, немудрено, что взгорбившегося снежного холмика долго не замечали. И как туда самого Оскара занесло, непонятно. Должно быть, хлебнул лишнего, как за ним частенько водилось, заплутал в метели, да и заснул в сугробе. Наверное, в снегу задохнулся: кто его нашёл, говорили, что синий весь был и язык вывалился. Да разве разберёшь, когда человек ползими в снегу пробыл, отчего он помер да какого стал цвета. Повздыхали по

нему: хоть и непутёвый, но беззлобный был человек. Похоронили, да и забыли.

А ещё через два года в снегу нашли рыбака Нильса. Кто-то из путников на дороге заметил удочку, торчавшую из сугроба. Хотел подойти поближе, поглядеть, что за диво такое, и по дороге споткнулся о труп, засыпанный снегом.

Хуторяне, созванные на помощь, увидели страшную картину: Нильса точно расплющило. Руки и ноги его застыли на морозе в таком положении, будто в них не было костей. Тело было раздавлено, куски замёрзшей плоти и клочья лопнувшей кожи торчали из прорех в одежде. Будто кто-то сложил мясо в мешок и переехал его телегой. Даже голова была смята так, что узнать Нильса смогли только по одежде да по злополучной удочке. Возле неё и кожаное ведро нашли.

Нильс часто рыбачил в одиночку, выбирая места подальше от людей. Видно, он как раз возвращался с реки, когда что-то напугало его так сильно, что он бросил удочку и ведро, спасаясь бегством. Да не успел.

Тут и вспомнили посиневшего, будто задушенного, Оскара Ларссона, найденного на этом же месте.

Тогда и прозвучало в первый раз слово «утбурд».

Поначалу все думали на медведя-шатуна. Но кто-то из стариков вспомнил, что, по древнему поверью, некрещёные младенцы, брошенные родителями на смерть, из года в год растут и копят силы, чтобы расплатиться с предавшей их матерью. Случайного путника, потревожившего место, замечившее им могилу, ждёт жуткая смерть: удавит их утбурд, пытаясь выместить в своей хватке тоску по объятиям, которых сам не изведал.

С того дня тропу от реки все стороной обходили. Как ни лют утбурд — от могилы своей далеко отойти не сможет. Перестали люди погибать.

III

Аннализа с того же хутора, где батрачила Аста, была первой, кто прошёл по этой тропе следующей зимой.

Про утбурда она знала и по своей воле ни за что не только бы на ту тропу не свернула, но и по тянувшейся рядом дороге в потёмках не пошла бы. А тут отправили её с поруче-

ниями в город, через реку, и замешкалась она там допоздна. А на обратном пути возникла задача: как переправляться.

До моста было далеко. Летом обычно в город перевозил лодочник, зимой ходили по льду. Но сейчас, стоило Аннализе ступить на гладкую, присыпанную поверхность, отчётливо слышался хруст: лёд дал слабину, местами из-под снега проглядывали тёмные пятна воды.

Она тотчас отступила, огляделась по сторонам. Выше по течению, где русло сужалось, лёд казался прочнее. Аннализа и решила перебраться в том месте, тем более что и к хутору там было ближе.

На другой берег она перебралась благополучно. Взорвалась по склону, проваливаясь в сугробы и цепляясь за ветки кустарника. Наверху остановилась, отряхнула снег с одежды, огляделась. И обмерла. Вышла она на ту самую тропу, где нашли свою гибель Оскар Ларссон и бедняга Нильс!

Аннализа замерла, прижимая к груди корзинку с покупками. Как же теперь быть? Берег зарос ивняком, к другой тропе не проберёшься. Идти по льду страшно. Да и темноло на глазах.

Аннализа сделала глубокий вздох и сказала себе, что бояться нечего. Ночь ещё не спустилась. Дорогу видно, и если пробираться к ней по снегу быстро, не останавливаясь, то она скоро минует опасное место. И, подобрав юбку, Аннализа двинулась вперёд по глубокому снегу.

Тропы как таковой давно уже не осталось. После беды с Нильсом люди здесь даже летом проходить не решались. Но это было самое удобное место, чтобы напрямик выйти от излучины реки на дорогу. Сейчас здесь намело сугробы, и Аннализа, стиснув зубы, упрямо шагала вперёд, хотя в снег проваливалась каждый раз почти по колено.

IV

Женщина твердила себе, что главное — не останавливаться, и всё же замерла на ходу, услышав горестный плач.

«Никак дитё заблудилось!» — с тревогой подумала она и огляделась по сторонам.

Сумерки совсем сгустились, перелеска уже было толком не разглядеть, но плач раздавался гораздо ближе. И вдруг один из сугробов зашевелился.

«Что ж за дитё неразумное в снег прилегло?! Замёрзнет ведь!»

Аннализа шагнула в ту сторону, и тут, раскидывая снег, из сугроба поднялся ребёнок. Ростом дитё было с телёнка, хотя по формам своим походило на младенца. Опёрлось неуклюжими кулаками о снег, стало выпрямляться. Голова с круглыми глазами повернулась к Аннализе, беззубый рот искривился, и снова послышался плач, только теперь уже настойчивый, требовательный.

Аннализа попятилась и чуть не упала в снег. Оцепенев, смотрела она на утбурда, выбирающегося из своей снежной колыбели. Чудище встало на одно колено и вытянуло из сугроба тряпку. И, несмотря на сгущающуюся темноту, Аннализа узнала узел, который взяла с собой, уходя с хутора, Аста.

«Злыдня несчастная! — пронеслось у Аннализы в голове. — Никакой родне она дитё не оставляла, в снегу живьём зарыла!»

Но теперь уже было не до Асты. Утбурд подбирался к Аннализе, и в криках его с каждым разом всё явственнее слышалась злость. Руки тянулись к женщине, застывшей посреди снежного поля. Руки, способные размолоть кости и раздавить мясо.

Аннализа стряхнула с себя оцепенение и бросилась к дороге.

Да разве побежишь, на каждом шагу проваливаясь по колено? Она оглянулась через плечо и увидела, что утбурд, скачущий прыжками, всего в четырёх-пяти шагах от неё. Охваченная отчаянием, Аннализа сунула руку в корзинку и выхватила первое, что подвернулось под руку: лоскуток с воткнутой в него иголкой.

Аннализа всегда носила иголку с ниткой с собой. Мало ли что приключится: о ветку острую рукав порвёшь — нехорошо, неопратно. И теперь иголка эта оказалась её единственной защитой.

Она выхватила лоскуток из корзинки, выставила руку перед собой. «Не спасусь, — подумала, — так хоть исколю нелюдя!»

Не пришлось. Едва перед утбурдом оказалась иголка, он шарахнулся назад, взметнув вокруг себя снег, и исчез, будто его и не было.

V

Аннализа не помнила, как выбралась на дорогу, как добралась до хутора.

В своём уголке долго сидела, согревая руки о кружку с горячим питьём, но лютая мучительная дрожь, сотрясавшая тело, исходила не от зимнего холода, а откуда-то изнутри. Аннализа горевала по Нильсу: не испугался бы бедняга при виде чудища, не отбросил бы удочку на бегу, вдруг хоть крючком рыболовным да защитился бы. Нарастал горький, болезненный гнев на Асту-душегубку: не только дитё зарыла заживо в снегу, но и случайных путников обрекла на жуткую участь. А злость на утбурда растаяла, даром что едва не зада-

вило её чудище. Что с младенца взять? Он же сам сгубленный.

Не заснула в ту ночь Аннализа. Весь следующий день ходила, думая о чём-то своём, на вопросы невпопад отвечала. А как стало темнеть, выскользнула за хуторские ворота.

Придя к проклятому месту, она некоторое время стояла в нерешительности на дороге. Огляделась по сторонам. Ни души. Случись что, ей и помочь будет некому. Но и мешкать было нельзя. Теперь она точно знала, что Оскара с Нильсом сгубил не медведь. Мало ли кто ещё сюда в потёмках забредёт! Нельзя людей на верную смерть обрекать. Ведь с каждым годом сила утбурда только прибывать будет, он и выше деревьев может вырасти. И она сделала шаг по тропе.

Ярд или два прошла — было тихо. А ещё через несколько шагов раздался плач.

Аннализа времени терять не стала. Подняла руку, осенила крёстным знамением сугробы.

— Нарекаю тебя Аста или Бенгт, во имя Отца, Сына и Святого Духа, — громко произнесла она.

В то же мгновение плач стих.

Несколько минут Аннализа стояла в неподвижности, прислушиваясь к вечерней зимней тишине, такой чуткой, что того и гляди услышишь, как далеко в небе звенят звёзды. С каждым мигом ей становилось всё спокойнее. Наконец она повернулась, выбралась обратно на дорогу и отправилась домой.

На хуторе её встретил переполох. Заплаканная Хильда выскочила ей навстречу и сразу выпалила новость: в хлеву одна из коров по нелепой случайности пропорола рогом шею Асте, прибиравшей грязное сено.

VI

— Я хотела назвать сына Улафом, в честь моего отца, — сказала Пиа, бережно покачивая на руках краснолицего, мирно посапывающего младенца.

— А ваш отец жив, госпожа? — спросила Аннализа, поправляя одеяло на кровати.

Пиа, жена Бенгта, пару дней назад благополучно разрешилась от бремени. Молодой барин расхаживал, сияя от гор-

дости, как начищенный медяк, и уже прикидывал, когда созвать гостей на праздник.

Пиа удивилась вопросу:

— Жив. И на праздник приедет. А что?

— У нас на севере поверье есть: вместе с именем ты ребёнку судьбу другого человека передаёшь. Поэтому нельзя называть дитё в честь того, кто ещё не умер.

Пиа слегка поёжилась:

— Я не знала. Я много не знаю о старых обычаях. Может, и глупо к ним прислушиваться, да только ведь страшно в глубине души.

Аннализа, закончившая поправлять покрывало, выпрямилась и мягко улыбнулась:

— Я тоже о нём долго не знала. Случайно услышала.

Она подошла к окну и выглянула наружу.

Тогда, несколько лет назад, она недолго решала, как наречь некрещёное дитё: имена его родителей первыми пришли на ум. А когда много позже узнала от стариков о древнем поверье, порадовалась, что младенец, пол которого она в сумерках не разглядела, не мальчиком оказался. Молодой барин Бенгт в смертоубийстве-то не был повинен. Он и деньги Асте на ребёнка давал. Да и потом, видно, смекнул, что дело неладно, раз поникший ходил и любовницы сторонился.

А что до Асты... Даже при мысли о ней Аннализа иногда ощущала укол совести. И тогда поступала так, как и сейчас: искала взглядом девушек-батрачек.

Как раз сгрузили с телеги мешок с зерном. Две девушки попытались поднять, да махнули рукой.

— Йон! — позвала одна.

Другая захохотала:

— Да ну его! Аста!

Из-за угла вышла рослая, выше многих парней, светло-волосая девушка, сирота без роду без племени, явившаяся на хутор несколько лет назад. Подошла, глянула на мешок, улыбнулась с тем добродушием, какое бывает свойственно людям силы немереной, взвалила зерно на плечо и, откинув волосы с лица, спокойно зашагала к амбару.

ВЕСЁЛЫЙ ЙОРИК

— Не открывается, сэр! — доложил Рэндалл, шваркнув связку ключей об пол.

Взоры всей команды устремились на сундук, занимавший едва ли не треть капитанской каюты. Тяжёлый замок удерживал массивную крышку с упорством бульдога.

— Гм, — сказал Чёрный Джесс, на суше больше известный как Джессе Адальберт Биллингфорд. И, спохватившись, что его могут заподозрить в нерешительности, повторил, придав голосу насмешливость: — Гм!

Впервые за долгие недели скитаний по морю «Скорпене» удалось догнать и взять на abordаж небольшое судно — вот только оно оказалось не торговым, а пассажирским, с полупустыми трюмами. Сундук в каюте капитана оставался последней надеждой на то, что усилия команды не пропали даром, и Джесс не желал расставаться с этой надеждой из-за какого-то куска железа величиной с детский кулак. Он вытащил пистолет и направил его на замок. Грохот выстрела сопровождался испуганным «Ой!» кого-то из матросов: пуля, рикошетом отлетев от замка, угодила в дверной косяк прямо у него над ухом.

— Позвольте-ка, кэп.

Из облачка порохового дыма, плавающего по каюте, вынырнул Вертушка Сэм. Он был таким тощим, что кусок проволоки, зажатый в его кулаке, казался продолжением руки. Не дожидаясь, пока Джесс посторонится, Сэм обогнул его, присел перед сундуком на корточки и воткнул проволоку в замочную скважину. Пару раз повернул, склонив голову набок и прислушиваясь — ни дать, ни взять, музыкант, настраивающий скрипку. Что-то щёлкнуло, и один конец дужки выскочил из паза.

Каюту огласил дружный радостный крик. Вертушка Сэм, сделав своё дело, отступил за спины товарищей. Рэндалл

метнулся было к сундуку, но спохватился и попятился, уступая дорогу капитану.

Чёрный Джесс шагнул вперёд и взялся за крышку. Она была тяжёлая, украшенная резными пластинами и уголками. К тому же она оказалась подогнана так плотно, что поднялась не сразу. Команда затаила дыхание. Задние ряды привстали на цыпочки и вытянули шеи, чтобы поскорее увидеть, чем же наконец будут вознаграждены долгие недели бесплодных странствий. Рэндалл представил себе размеры добычи, наполнившей такое объёмистое хранилище, вычислил свою долю и мечтательно прикрыл глаза.

Крышка откинулась.

Сундук оказался доверху заполнен книгами. Массивные тома в кожаных переплётках тянулись ровными штабелями, а сверху, подпирая голову рукой, лежал улыбающийся молодой человек в старомодном камзоле и в парике. И худшее заключалось в том, что молодой человек этот был полупрозрачным.

— Нед, просто Нед, — говорил полупрозрачный молодой человек, покачивая локоном парика. — Пожалуйста, не надо никаких «сэр Эдвард» или, боже упаси, «лорд Эвингтон», это ужасно отчуждает.

Чаще всего его именовали «о боже, опять это чёртово привидение», но на это он не обращал внимания.

Сэр Эдвард, точнее, просто Нед, был фамильным привидением рода Эвингтонов. Несколько десятков лет тому назад он получил порцию яда от своего коварного кузена, позарившегося на наследство. На беду кузена, юный Нед поставил перед собою цель — прочитать все тома в библиотеке замка, занимавшей целых два этажа одной из башен. Он не счёл кончину достаточно веским доводом для того, чтобы прервать своё излюбленное занятие, и после похорон возобновил его уже в виде призрака. Пока он витал в библиотеке, самозабвенно читая один том за другим, обитателей замка его присутствие не тяготило. Исключением становились те случаи, когда он набредал в романах и пьесах на душераздирающие истории об отравлениях в корыстных целях. Тогда он являлся по ночам в спальню к своему кузену и назидательно

зачитывал ему целые главы. После первого же романа кузен поседел. Через полгода ему уже чудилось, что его окружают полчища коварных супругов и мужей-двоеженцев, злобных дядюшек и тётушек, и в каждом бокале вина за ужином мерещились мышьяк, цианистый калий или ещё какое-нибудь кураре. В конце концов, он покинул в Англию, а перебравшись на континент, ушёл в монастырь.

Проблемы у остальных обитателей замка начались, когда Нед, дважды перечитав содержимое библиотеки, соскучился и принялся делиться впечатлениями от прочитанного со своим семейством. Днём родственники, как правило, бывали заняты, и Нед тактично не мешал им, выбирая для чтений ночное время. Эвингтоны опрыскивали комнаты святой водой, вешали на двери распятия, украшали окна связками чеснока — ничего не помогало. Вызванный священник развёл руками и сказал, что не в его власти изгонять доброго духа, которым движут благие намерения.

Наконец после долгих совещаний семейство нашло выход. Когда Нед нагрянул к своему седовласому племяннику, нынешнему хозяину замка, с восхитительной цитатой из «Жизнеописаний» Плутарха, тот сказал ему:

— Послушай-ка, Эдвард...

— Нед, — поправило привидение, удобно устраиваясь на спинке кровати.

— Нед, — согласился лорд Эвингтон. — Послушай-ка, ты ведь так любишь узнавать что-то новое....

— Увы! — вздохнул Нед. — Боюсь, что нового в нашей библиотеке уже не осталось, а в тех романах, что покупает Элизабет, не в обиду ей будь сказано, новизны не больше, чем в коврике для ног, который нынешняя горничная не вытряхивает, а просто время от времени переворачивает на другую сторону.

— Да? — с беспокойством спросил лорд Эвингтон. — Непременно поговорю об этом с дворецким. Но я хотел обсудить с тобой нечто совсем другое.

— Да-да! — оживился Нед. — Не далее, как этим утром я вычитал у Плутарха...

— Путешествие! — поспешно прервал его лорд Эвингтон.

— Что? — переспросил удивлённый Нед.

— Как ты смотришь на то, чтобы самому повидать те страны, о которых написано в твоих любимых книгах?

Нед задумался.

— Увидеть воочию, как всё обстоит на самом деле, — лорд ковал железо, пока горячо, — повторить пути великих исследователей, мемуары которых ты так любишь!

— Ты серьёзно? — спросил Нед, покачиваясь на спинке кровати.

— Одно твоё слово — и я завтра же куплю тебе билет на корабль, — заверил племянник.

И он получил даже не одно, а множество слов восторженного согласия, которыми Нед до полуночи оглашал его комнату, летая кругами.

Лорд Эвингтон остался верен своему обещанию. На следующий же день билет на корабль, отбывающий в Новый Свет, торжественно лёг на серебряный поднос на столике в библиотеке. С Неда взяли слово, что до самой высадки в Филадельфии он не будет показываться на глаза пассажирам, чтобы не смущать их своим необычным видом. А дабы плавание не оказалось скучным из-за вынужденного уединения, ему разрешили взять с собой любимые книги.

Всю ночь Нед кружил по библиотеке, собирая наиболее дорогие его сердцу романы, сборники поэзии и томики мемуаров. Он был так поглощён сборами, что даже толком не рассмотрел билет. Иначе он, конечно, заметил бы, что это билет не на одного пассажира, а на одно место багажа. Впрочем, его бы это всё равно не смутило.

Так и случилось, что нагруженный книгами сундук занял почётное место в каюте капитана. Дальний родственник Эвингтонов, он был посвящён в тайну багажа, и самоотверженно держал его под личным присмотром. Однако приходится признать, что ответственность, которую он не смел взвалить на пассажиров, капитан при первом же удобном случае охотно переложил на пиратов. Поэтому он и словом не обмолвился о содержимом сундука, покидая на шлюпке за-

хваченное судно с милостивого разрешения Чёрного Джесса. Ну а чтобы грабители раньше времени не обнаружили сомнительный приз, и, чего доброго, не вздумали его вернуть, ключ, лежавший у него в кармане, капитан незаметно выбросил в море.

В ранние утренние часы море казалось серебристым. Это было чарующее и умиротворяющее зрелище, в созерцании которого обрёл бы успокоение философ. Однако за последние дни Чёрный Джесс потерпел фиаско, пытаясь найти в своей жизни хоть что-то хорошее, и к философам себя не причислял. Безмятежное море, раскинувшееся перед ним, означало только штиль и отсутствие добычи. В какой-то миг Джессу показалось, что парус затрепетал на ветру, однако, посмотрев наверх, он увидел только Неда, сидящего на рее и болтающего ногами.

— Прекрасный денёк! — прокричало привидение сверху.

Джесс ответил ему кислым взглядом. Рэндалл, драивший палубу, подскочил и осенил себя крестным знамением. До появления на борту юного Эвингтона за ним никто особой набожности не замечал.

Нед между тем был слишком восхищён морскими красотами, чтобы держать чувства при себе. Он снялся с реи, плавно спикировал вниз и повис возле Джесса на шканцах.

— Вам разве не нравится? — спросил он, устремляя умилённый взгляд на ровную серебристую поверхность моря.

— Нет, — процедил Джесс. — Я не в том положении, чтобы радоваться бездействию. Моя команда уже забыла, как звучит слово «добыча», и не взбунтовалась до сих пор лишь потому, что бунтовать особо некому.

И верно, изрядная часть экипажа уволилась прямиком через борт сразу после того, как в сундуке обнаружилось привидение. Ещё несколько матросов списались на берег после попыток Неда почитать им на ночь сонеты Шекспира. Людей у Чёрного Джесса оставалось столько, что он даже не надеялся на abordаж чего-нибудь приличного. Но, чёрт подери, хоть в чём-то ему должно было повезти?!

Джесс невольно стиснул кулаки, и желваки заходили на скулах. Нед с искренним сочувствием посмотрел на него.

— Если вы не против, я могу повитать где-нибудь вокруг и поискать корабль, на котором вы могли бы попытаться, — предложил он. — Я ведь умею становиться невидимым.

— Что толку от того, что вы найдёте корабль, если мы не сумеем до него добраться, — горестно сказал Джесс. — Ветра нет, паруса висят, как стиранные подштанники на верёвке.

Нед страдальчески свёл брови. Высказывание Джесса показалось ему донельзя обидным для чудесного пейзажа. И всё-таки, понимая, насколько капитан расстроен, он воздержался от спора и попытался его подбодрить:

— Штиль быстро закончится, а я пока разведую обстановку.

— Откуда вам знать, что он быстро закончится? — недоверчиво спросил Джесс.

— Я наводил справки, — туманно ответил Нед, оторвался от шканцев и растаял в воздухе.

Рэндалл, по-прежнему драивший палубу, поднял голову и пугливо огляделся по сторонам.

— Кэп! — позвал он громким шёпотом. — А где... этот?..

И он сделал страшные глаза.

— Полетел искать какой-нибудь корабль, — вяло пожав плечами, проронил Джесс. Его собственный боевой настрой сейчас мало отличался от безжизненно поникших парусов.

— Он хочет туда убраться? — оживился Рэндалл.

— Нет. Он хочет, чтобы мы его захватили.

— А-а. Тоже хорошее дело, — упавшим голосом сказал Рэндалл. — Только ведь, сэр, а ну как он какой-нибудь фрегат сыщет? Как мы его тогда на абордаж брать будем? Нас ведь тут и осталось-то, простите, как вшей у плешивого.

— Тогда удерём, — печально ответил Джесс, поднимая голову. «Весёлый Роджер» уныло свисал с мачты, будто утратил всякое настроение улыбаться.

Нед возвратился около полудня. Он был взволнован до-
нельзя и обрёл видимость ещё на подлёте к кораблю, чем вы-
звал нервную судорогу у нескольких членов команды.

— Нашёл! — завопил он, взлетая к Джессу на капитан-
ский мостик. — Нашёл подходящий корабль!

Чёрный Джесс вспомнил опасения Рэндалла.

— Большой? — с тревогой спросил он.

— Нет, — замотал головой Нед. — Яхта. Экипаж —
всего несколько человек. И если я хоть что-то понимаю, на
борту есть кое-что ценное!

— Где? — выкрикнул Джесс, судорожно стискивая под-
зорную трубу.

— Там, вон в той стороне! — Нед слетел с мостика и за-
качался над волнами, указывая направление рукой.

«Курс зюйд-вест!» — хотел закричать Джесс, но вспом-
нил о штиле.

В отчаянии он запрокинул голову и замер. «Весёлый
Роджер» плавно расправлялся над палубой и медленно растя-
гивал безгубый рот в зловещей издевательской улыбке.

— Тысяча чертей! — орал Чёрный Джесс, ударяя кула-
ком по дощатой стене каюты. — Тысяча морских, сухопут-
ных, косматых, ещё не знаю каких чертей!

Каждый эпитет сопровождался ударом, пока Джесс не
попал кулаком по торчащей из стенки шляпке гвоздя. Про-
клятия сменились коротким болезненным воплем и, наконец,
смолкли. Джесс развернулся к столу, на котором лежала объё-
мистая рукопись, кое-как перетянутая старой облезлой верёв-
кой.

В капитанской каюте захваченного корабля сгрудилось
несколько человек, включая владельца яхты. Все как один с
сочувствием смотрели на охваченного отчаянием Чёрного
Джесса. У Неда, реявшего над рукописью, был виноватый
вид.

— Здесь есть несколько очень ценных наблюдений, —
робко сказал он. — О флоре и фауне Мартиники... Правда,
тут на полях приписка, что автор немного перепутал...

— Помолчи, — тихо сказал Джесс. — Я тебя очень прошу, помолчи.

Нед печально взглянул на него и умолк.

— Кэп, — осторожно произнёс Рэндалл. — А может, нам удастся её загнать? Мало ли чудачков на свете...

Он запнулся, запоздало спохватившись, что ляпнул бестактность.

Капитан захваченной яхты осторожно откашлялся.

— Мой дедушка мечтал её издать, но не сумел, — сказал он. — Я её тоже как-то посылал в одно издательство, но мне её вернули. Так я от неё и не избавился. Может, вам повезёт больше?

— Повезёт? — Чёрный Джесс горько рассмеялся. — Повезёт?! Никогда не произносите это слово, обращаясь ко мне.

С этими словами он развернулся и, всё ещё потирая ушибленную руку, широкими шагами вышел из каюты.

Он перебирался через борт на палубу своего корабля, всё ещё прицепленного к яхте абордажными крючьями, когда его догнал Нед со злополучной рукописью в охапке.

— Этот добрый человек был так любезен, что разрешил мне забрать рукопись! — возвестил он, возбуждённо покачиваясь в воздухе над бортом. — Он сказал, что, кажется, мы — его последняя надежда избавиться от неё, потому что просто выкинуть дедушкину рукопись в море ему всё-таки жалко. Джесс, а я не говорил тебе, что в материальном мире есть только один предмет, который я, не обладая плотью, могу сдвинуть с места? Это книги!

— Счастлив за тебя! — яростно процедил Джесс, перевешиваясь через борт и выдёргивая абордажный крюк. — Парни, уходим!

— С вашего позволения, кэп... — один из матросов «Скорпены» подошёл к нему по палубе захваченной яхты. — Я, с вашего позволения, здесь останусь. Тут, говорят, лишние руки нужны, особенно теперь, когда после абордажа кое-что подлатать придётся.

И он кивком указал на проломленный предупредительным ядром леер.

— Да и жалованье, говорят, здесь исправно платят...

— Убирайся к чёрту! — в отчаянии выкрикнул Джесс, отцепив крюк и швырнув его на палубу.

Матрос отступил и смешался со своими новыми товарищами.

— Сэр... — Капитан яхты вышел из каюты и подошёл к борту. — Сэр, не поймите меня неправильно, но... Но, может, вам займы денег дать?

Чёрный Джесс поднял голову и посмотрел на него в упор. Капитан ожидал встретить в его взгляде гнев, и был озадачен, увидев только беспредельную горечь.

— Я никогда не беру в долг, — сказал Джесс. — Запомните: никогда.

С этими словами он развернулся, прошагал в свою каюту и с шумом захлопнул дверь.

Нед пробрался в каюту Джесса уже далеко за полночь, когда убедился, подглядывая через иллюминатор, что у того на столе всё ещё горит свеча.

— Я хотел спросить, — тихо сказал он, устраиваясь рядом с Джессом, с понурым видом сидевшим на койке. — А почему ты никогда не берёшь в долг?

Будь вопрос задан сразу же после сцены на палубе, Чёрный Джесс, скорее всего, вместо ответа разразился бы проклятиями. Но Нед дипломатично дождался того времени, когда капитану самому захочется выговориться.

— Моя семья задолжала компаньону отца, — мрачно сказал Джесс, разглядывая свои руки. И прибавил, будто это нужно в уточнении: — Там, на суше. Этот компаньон обманул нас с процентами, и сумма оказалась неподъёмной.

— И что вы сделали? — тихо спросил Нед.

— Как — что? — Джесс пожал плечами. — Разорились. Нед понурился.

— Суд встал на сторону компаньона, хотя договор был явно мошеннический. Отца разбил паралич, — продолжал Джесс. — Мать выхаживает его. А я... Я не сумел заработать — у меня не осталось такой возможности.

— Почему? — не удержался Нед.

Джесс топнул ногой по деревянному полу.

— Вот этот корабль, — сказал он, — должен был стать торговым кораблём нашей компании. И мне предстояло быть его капитаном. Ты бы видел, как отец радовался, говоря об этом! Его прямо распирало от гордости.

— Но что же помешало?

— Как — что? Я же тебе сказал, что мы разорились! Всё, что у нас было, досталось компаньону... бывшему компаньону отца. Все товары ушли к нему. Он бы забрал и корабль, если бы я не поднял пиратский флаг и не ушёл на нём в море.

— А он так и назывался — «Скорпена»? — осторожно спросил Нед.

— Его хотели назвать «Глицинией», — с непередаваемым отвращением в голосе сказал Джесс. — Но, согласись, пиратскому кораблю больше подходит «Скорпена».

— Я уже привык к «Скорпене», — покладисто кивнул Нед.

— Я тоже привык, — мрачно сказал Джесс. — Забыл, что записным неудачникам вроде меня ни к чему нельзя привязываться. Того и гляди придётся возвращаться на берег, потому что у меня попросту разбежится команда.

— Ну, почему же так сразу на берег, — попробовал подбодрить его Нед. — Может, тебе стоит подумать о том, чтобы просто сменить имидж?

Джесс удивлённо взглянул на него.

— Смотри, — воодушевлённый Нед слетел с койки и повис перед ним в воздухе. — Взять хоть название твоего корабля: «Скорпена». Это вызывающе и претенциозно, но допустим! В конце концов, я читал, что менять имя корабля — плохая примета. Ладно, пусть будет «Скорпена». Но сам-то ты?!

— Что — я? — с невольным беспокойством в голосе спросил Джесс.

— «Чёрный Джесс»? Что может быть банальнее?

Джесс почувствовал, что краснеет.

— У меня волосы чёрные, — попытался выкрутиться он. — Ну... или почти чёрные.

После всех перенесённых неудач неловко было вспоминать о том, как он мечтал наводить ужас на моря одним упоминанием своего имени.

Однако Нед решительно замотал головой.

— Не пойдёт! — объявил он. — Как твоё второе имя?

— Адальберт! — отбил атаку Джесс.

— Ох... — Нед был явно обескуражен таким ударом. — Ну... Ладно, пусть будет Чёрный Джесс, пока мы не придумаем чего-нибудь менее... высокопарного. Хорошо, теперь флаг.

— А с флагом-то что? — возмутился Джесс.

— Это банальный череп с костями. Я подлетал к нему совсем близко, и могу тебя заверить, что он совершенно ужасен. У него такая ухмылка... Тебе просто не видно с палубы...

— Ещё как видно, — перебил Джесс. Выражение лица у него из возмущённого сделалось горестным. — Это я его рисовал.

У Неда сделался несчастный вид. Он сник и опустился на скамеечку для ног.

— Прости, — сокрушённо сказал он. — Я не хотел тебя обидеть.

Джесс вымученно улыбнулся.

— Нам пришлось отчаливать очень быстро, — сказал он. — Некогда, знаешь ли, было искать художника.

Нед по природе своей не был способен на длительное уныние. Он поднял голову и лукаво улыбнулся.

— Сгодится и такой флаг, — объявил он. — Мы просто должны дать ему необычное название. Тогда мы станем действовать под индивидуальным знаменем.

— Его все обычно называют Весёлым Роджером, — сказал Джесс.

— Не будь как все, — отмахнулся Нед. — Всё равно у тебя не получится.

— Это точно, — вздохнул Джесс, догадываясь, что его похвалили, и всё равно по привычке пытаясь огорчиться.

Однако расстроиться он не успел, потому что постучали в дверь.

— Войдите, — крикнул Джесс, бросив взгляд на часы и удивляясь, кому и что могло понадобиться в такое позднее время.

Дверь приотворилась настолько, чтобы в неё могла пройти кошка. Но кошек на борту не водилось, и в каюту проскользнул Вертушка Сэм. Обычно у него было невозмутимое лицо, и Джесс часто объяснял себе это тем, что никакое другое выражение, требующее малейших мимических усилий, на такой тощей физиономии попросту бы не уместилось. Однако сейчас Сэм казался изумлённым, как мокрый пучок укропа, очутившийся на разделочной доске.

— Кэп, — сказал он, — вам прислали приглашение.

Джесс решил, что ослышался. Даже у Неда, мало чему способного удивиться, был озадаченный вид.

— Приглашение? — переспросил он. — Кто прислал? Когда? Куда?

— Только что, кэп, к нам подвалила шлюпка. И вам просили передать приглашение на борт другого корабля, к капитану Иву Легри. На Летучую Тортугу, кэп.

Джесс вскочил и выбежал на палубу. Нед, чтобы не терять времени, просто пролетел через стену.

В темноте впереди по курсу маячили корабельные огни. Там покачивалось на воде судно.

— Ив Легри? Ты слышал о таком? — взволнованно спрашивал Нед, кружась возле Джесса.

Тот покачал головой.

— А о Летучей Тортуге ты что-нибудь слышал? Что это за корабль?

— Это не корабль, — севшим от волнения голосом произнёс Джесс. — С тех пор, как была разрушена столица пиратов, важные встречи стали проходить прямо в море. И называются они «Летучая Тортуга».

Нед витал над бушпритом «Скорпены», глядя вслед удалявшейся шлюпке. С каждым взмахом вёсел она уходила всё дальше, приближаясь к незнакомому кораблю. Джесс, сидевший в шлюпке, не оборачивался: все его мысли были заняты предстоящей встречей, которая могла, наконец, в корне

изменить его незадавшуюся судьбу. Он не знал Ива Легри, не представлял, что от него может быть нужно французу, и думал только о том, что сейчас главное — не упустить шанс.

Между тем Неда, оставшегося на корабле, чтобы никого не напугать на переговорах, снедала тревога. Он сам не мог бы объяснить себе её причины: обычно его никогда не мучили дурные предчувствия. Даже в тот самый день, когда кузен подмешал яд в бутылку вина, которую он захватил с собой в библиотеку, интуиция молчала. Но сейчас он почему-то не мог найти себе покоя.

Наконец Нед не выдержал.

— Рэндалл, — обратился он к матросу, расхаживавшему взад-вперёд по палубе. — Знаешь, я, пожалуй, слетаю туда, прослежу, чтобы всё было в порядке.

Рэндалла тоже снедало беспокойство. Об этом свидетельствовало хотя бы то, что он, вопреки своему обыкновению, не подпрыгнул на целый фут, когда с ним заговорил призрак.

— У меня, мастер Нед, тоже душа не на месте, — хмуро проговорил он, поглядывая туда, где в рассветной дымке виднелись очертания французского корабля. — С чего это понадобилось, чтобы капитан с одними только гребцами, без офицеров, на переговоры ездил? Не то чтобы у нас офицеры водились, конечно, но хоть помощников каких с собой можно было взять?

— Вот я туда и полечу, — решил Нед.

Рэндалл вздохнул.

— Кэп ведь не велел... — вялым тоном отдал он дань дисциплине.

— Он не хотел, чтобы я показывался им на глаза, — напомнил Нед. — А я могу быть невидимым.

— Ну, раз такое дело, мастер Нед... — Рэндалл покосился на него и ухмыльнулся уголком рта. — Раз такое дело, говорю, почему бы вам и впрямь туда не наведаться.

Нед развернулся к французскому кораблю. А в следующий миг он словно растаял в воздухе. Рэндалл растерянно моргнул. Он подошёл к борту, ухватился за него обеими руками и подался вперёд, вглядываясь в утреннюю зыбь. Но,

как и следовало ожидать, ничего не увидел — как не увидели и матросы французского корабля, болтавшиеся на палубе вместе с гребцами «Скорпены».

Летучая Тортуга проходила в кают-компании «Пилада», обставленной без излишней роскоши, чтобы не сказать — бедно, однако с явным вкусом. Чёрный Джесс, едва переступив порог, сразу заподозрил, что встретил собрата по несчастью. Месье Ив Легри, поднявшийся ему навстречу с приветливой улыбкой, оказался приятным молодым человеком лет двадцати с небольшим, худощавым, изящным, и, судя по лёгкой тени, периодически набегавшей на его лицо, хорошо знавшим, что такое невзгоды. Джесс, занятый своими заботами, сказал себе, что они должны найти общий язык.

Легри начал разговор издалека. Он расспрашивал Джесса о делах, однако и сам не уклонялся от ответов на такие же вопросы. Вскоре Джесс уже не сомневался в том, что встретил родственную душу, и с нетерпением ждал, когда же они перейдут к сути дела.

Как бы он удивился, если бы узнал, что в это время Нед Эвингтон стремительно мчится от «Пилада» к «Скорпене», не помня себя от волнения и страха!

— Скорее! — закричал Нед, становясь видимым прямо перед носом у Рэндалла. Тот взвыл от ужаса и отскочил, пребольшо стукнувшись спиной о мачту. Однако Нед не стал ждать, когда он опомнится. Он метался по палубе, заламывая полупрозрачные руки, и восклицал:

— Скорее же! Спускайте запасную шлюпку, плывите туда!

— Да что стряслось-то?! — закричал Вертушка Сэм, гораздо спокойнее, чем Рэндалл, относившийся к внезапным явлениям Неда.

— Этот человек — никакой не Ив Легри! — закричал Нед, повисая перед ним в воздухе. — Это Лайонел Эвингтон, мой кузен! Тот самый, который отравил меня!

Челюсть у Вертушки Сэма отвисла, из-за чего его лицо стало походить на ветхое дерево с зияющим дуплом. Он взмахнул руками, длинными, как мельничные крылья, и ки-

нул к запасной шлюпке. Рэндалл, мигом пришедший в себя, устремился следом за ним, громкими криками созывая многочисленную команду, оставшуюся на борту.

Пока матросы поспешно забирались в шлюпку, взволнованный Нед описал над ними пару кругов, и, не в силах дольше сносить бездействие, устремился обратно к «Пиладу».

Увы, обстановка в кают-компании не позволяла Неду пренебречь уговором и обрести видимость: в сторонке, словно занятые своими делами, болтались два-три французских матроса. Подними Нед тревогу сейчас, когда шлюпка с экипажем «Скорпены» ещё далеко, неизвестно, какая участь постигла бы Джесса. Пока, впрочем, охрана не проявляла никакой враждебности. И Нед даже позволил себе на минуту расслабиться, как вдруг его тревога вспыхнула с новой силой.

Причиной тому стали слова, произнесённые Легри.

— Разговоры о делах вдвойне хороши, когда они ведутся под бокал доброго французского вина, — промолвил он с улыбкой и сделал знак стюарду. — Андре, будьте любезны... Вы ведь не откажетесь?

И он вопросительно взглянул на Джесса.

— Нет! Нет! — вопил Нед, кружась возле Джесса и дёргая его за руку.

Увы! Он был невидим, его голос не долетал до слуха людей, а даже если бы его было видно и слышно, он всё равно остался бы неосязаем.

Дверь каюты отворилась, и появился улыбающийся стюард с подносом в руках. При виде красовавшейся на подносе бутылки у Неда вырвался стон ужаса.

Он вовсе не был уверен в том, что в вино подмешан тот самый яд, который отправил его в мир иной. Но он отчётливо видел незаметную глазам смертных примесь, покачивавшуюся за стеклом бутылки, как снежинки в стеклянном шаре. В вине находилось что-то, чего там не должно было быть.

Нед метнулся к иллюминатору и выглянул наружу. Шлюпка с экипажем «Скорпены» была уже близко. Матросы «Пилада» удивлённо переговаривались на палубе, но тревоги пока не поднимали: видно, такого поворота событий Легри не предвидел и не предостерёг команду. Нед обернулся. Андре

как раз наливал вино своему господину. Бокал, предназначенный гостю, уже был у Джесса в руках.

Нед огляделся по сторонам. Его взгляд упал на книжную полку, прибитую у иллюминатора.

— За наш с вами успех! — промолвил Легри, поднимая бокал.

Джесс улыбнулся и протянул свой бокал, чтобы чокнуться. Томик Ронсара, пролетевший по воздуху, так стукнул его по руке, что вино пролилось на стол.

Все замерли в изумлении.

— Что за дьявольщина?! — вырвалось у одного из матросов, дежуривших в каюте.

— От качки, наверное, — растерянно предположил его товарищ.

— Какая ещё качка?

Джесс не говорил ни слова и только озирался по сторонам, заподозрив, в чём дело. Его лицо побледнело, как, впрочем, и лицо Легри.

— Андре! — крикнул тот. — Ещё бокал нашему гостю!

Пожалуй, он выкрикнул это слишком резко. Джесс поднялся на ноги. Матросы тотчас прекратили препирательства из-за летающей книги и двинулись к нему.

Но было уже поздно. С палубы доносился шум: команда «Скорпены», поднявшаяся на борт, прорывалась к своему капитану. Озадаченные их внезапным появлением, матросы «Пилада» не слишком препятствовали им.

— Андре! — закричал Легри, теперь уже не просто бледный, а белый, как мел.

Стюард топтался на месте, растерянно глядя по сторонам и прижимая к себе бутылку.

В каюту ворвался Рэндалл. Нед обрёл видимость, и у Легри вырвался крик ярости.

— Что происходит? — возопил Джесс.

Но на него пока что не обращали внимания.

— Вино, Рэндалл! Вон та бутылка! — закричал Нед, указывая на стюарда.

— Ну-ка, дай её сюда, парень! — скомандовал Рэндалл, шагнув к оцепеневшему Андре и выхватывая у него бутылку.

Потом он развернулся к Легри. Тот увидел выражение его лица и попятился к стене. Матросы бросились было на помощь, но дорогу им заступил Нед. При виде полупрозрачного человека, растопырившего перед ними руки, они вмиг позабыли о своём капитане. С воплями ужаса они кинулись прочь из каюты, а за ними побежал и пришедший в себя Андре. Нед повис над порогом, грозно замахиваясь на матросов «Пилада» неумело сжатым кулаком, и никому не давал подойти близко. Впрочем, никто из французов, увидев его хотя бы мельком, ворваться в кают-компанию уже не спешил.

Убедившись, что угроза нападения миновала, Нед наконец обернулся.

— Ой, — вырвалось у него.

Джесс и Рэндалл, придавив Легри к столу, силком вливали ему в рот содержимое бутылки. Тот пытался увернуться, но, получив от Джесса оплеуху, невольно проглотил вино.

— Это, всё-таки, мой кузен, — печально сказал Нед.

— Что?! — Джесс, выпустив свою жертву, развернулся к нему.

— Это мой кузен, — грустно повторил Нед. — Я понимаю, что он отравитель, но, всё-таки...

— О господи. Почему же ты не сказал?!

Джесс развернулся. Легри съехал со стола на пол и теперь мерно похрапывал, свернувшись на ковре.

— Проснулся, кэп! — виноватым голосом доложил Рэндалл.

Легри проспал часов десять. Он не проснулся даже тогда, когда его, объявив пленником, перевезли на борт «Скорпены» под подавленными взглядами матросов «Пилада». Стюард, заикающийся и перепуганный, уже объяснил, что у него был приказ всего лишь усыпить Чёрного Джесса, но зачем это понадобилось его капитану, он не знал. На этот вопрос мог ответить только сам Ив Легри, и только он же мог объяснить, кем приходится Лайонелу Эвингтону: Нед, когда его отпустила паника, сообразил, что его кузену никак не могло быть сейчас двадцать с мелочью.

За ответами на все вопросы Нед и Чёрный Джесс явились в каюту, отведённую пленнику. Легри сидел на кровати, протирая кулаком опухшие спросонок глаза. Однако судя по тому, каким взглядом он окинул визитёров, долгий сон отнюдь не затуманил его память.

— С пробуждением! — приветствовал его Джесс, входя в каюту. — Месье... Легри, или как там ваше настоящее имя?

Ив кивком указал на Неда.

— Спросите у него, почему я не могу называться именем своего отца.

— Так вы — сын Лайонела! — обрадовался Нед. — Я должен был...

Легри огляделся, взял с тумбочки возле койки табакерку и прицельно швырнул ею в дядю. Табакерка пролетела сквозь Неда, стукнулась об стену и упала, раскрывшись на лету. Джесс яростно чихнул и отскочил в сторону от табачного облачка.

— Осторожней! — крикнул он.

— Я не в вас целился, — буркнул Ив, обхватывая руками колени.

— Какое отношение я имею к вашему имени? — удивлённо спросил Нед.

— А из-за кого мой отец ушёл в монастырь, так и не женившись на моей матери?!

— Но, дитя моё, — возмутился Нед, — Лайонелу следовало бы сначала жениться на ней, и уж только после этого становиться вашим отцом.

— Моралист, — с отвращением произнёс Ив. — Я так и знал.

— Ну а меня вы зачем пытались отравить? — спросил Джесс. — Я вообще не имел чести знать вашего отца.

— Вы нужны были мне как заложник, — хладнокровно заявил Ив. — Если бы мы захватили вас, я бы выдвинул ультиматум: ваш экипаж получил бы вас обратно только после того, как выкинул бы за борт все книги из библиотеки Эвингтонов.

— Книги? Но зачем? — воскликнул Нед.

Ив бросил на него недобрый взгляд и криво усмехнулся.

— А то вы не знаете!

— Не знаю, — честно сказал Нед.

Ив недоверчиво усмехнулся, но всё-таки объяснил:

— Привидение не может долго существовать в отрыве от чего-то, связанного с домом. Вы смогли уплыть из Англии только потому, что увезли с собой самое родное для вас — книги из домашней библиотеки. Если бы эти книги очутились на морском дне, то они очень скоро утащили бы вас за собой... дорогой дядюшка.

В углу каюты тяжело вздохнул Джесс. Нед подлетел к кровати, уселся напротив Легри и печально заглянул ему в глаза.

— Откуда такая ненависть? — спросил он.

— Откуда?! — странно звенящим голосом выкрикнул Ив. — А вы знаете, что это такое — когда для тебя закрываются все двери только из-за того, что ты носишь фамилию матери, а не отца? Когда привыкаешь к тому, что на улице у тебя за спиной постоянно звучит «ублюдок», а за спиной у твоей матери — «шлюха»?

Нед помотал головой.

— Не знаю, — искренне признался он.

— Вот и я не знаю, — с яростью произнёс Ив, — потому что к этому невозможно привыкнуть.

— Вы об одном забыли, — грустно сказал Нед, взлетая с койки.

— Это о чём же? — всё тем же звенящим голосом спросил Ив.

— О том, что ваш отец меня убил.

Ив молчал, и Нед с Джессом вышли из каюты, плотно затворив за собой дверь. Они понимали, что если бы стали свидетелями слёз Ива, то этого он бы им уже точно не простил.

Джесс облокотился о борт. Морской ветер растрепал его волосы, и он отвёл их, чтобы посмотреть на «Пилада», показывавшегося в отдалении.

— Это правда? — спросил он.

— Что именно?

— Что если бы книги выбросили за борт, то они бы вскоре увлекли тебя за собой?

— А... Ну да, наверное, — сказал Нед. — Это навело меня на одну мысль. Погоди-ка.

Он умчался в глубину корабля. Как заподозрил Джесс — в трюм, куда перенесли сундук с книгами. Эти предположения оправдались, когда Нед вернулся и протянул ему вырванную из книги страничку.

— Надеюсь, Шекспир меня простит, — сказал он. — Пусть этот листок будет у тебя. Тогда, если с книгами что-нибудь случится, мне не придётся исчезнуть.

И, когда Джесс открыл было рот, чтобы ответить, предостерегающе поднял руку.

— Довольно. Это просто так, на всякий случай. Думаю, ты и сам понимаешь, что Ив выпустил пары, и больше такого не затеет.

Джесс оглянулся на каюту. Дверь до сих пор не открывалась. Ну и ладно, надо дать парню время, чтобы успокоиться.

А Нед между тем смотрел вдаль, и в глазах его поблёскивали искры, насколько это возможно у полупрозрачного существа.

— Так на чём мы с тобой остановились, — сказал он. — Насчёт нового названия. И смены имиджа. И... знаешь ещё что...

— Что? — спросил Джесс.

— Я думаю, — проговорил Нед, устремив взгляд на горизонт. — Раз уж мы так странно встретились, то это, наверное, знак судьбы.

— Какой знак? — не понял Джесс.

— Знак того, — сказал Нед, — что поменять поле деятельности тоже было бы неплохо.

Чайки оглашали воздух пронзительными криками. Андре как раз выкинул за борт оставшиеся от завтрака объедки, и птицы устроили настоящий пир, периодически перемежающийся драками.

Шлюпка, на которой доставили с берега продукты, подвалила к борту «Пилада». Один из матросов, поднявшись на палубу, высмотрел стюарда и сунул ему в руки конверт.

— Что это? — удивился Андре.

— Капитану передать велено, — пожал плечами матрос. Андре недоумённо хмыкнул и отправился в каюту.

Ив сидел у иллюминатора, издали наблюдая за сутолокой порта. При появлении стюарда он нехотя оторвался от этого зрелища и повернулся к нему.

— Что там такое? — спросил он.

— Вам письмо, капитан.

— Письмо? От кого это? — удивился Ив, принимая конверт.

— Не могу знать, капитан.

На конверте ничего не было написано. Вскрыв его, Ив вытащил листок плотной дорогой бумаги. На листке каллиграфическим почерком было выведено:

«Сэр Эдвард Чарльз Эвингтон и м-р Джесс А. Биллингфорд имеют честь пригласить господина Ива Легри в качестве полноправного партнёра в своё предприятие».

Ив перевёл глаза на гербовый рисунок в верхней части письма. Там красовалась торжественная надпись: «Весёлый Йорик. Агентство нестандартных перевозок».

ЖУЖЕКРЫЛКИ И ДЕД—ПОЛЕМЫШЬ

Утро выдалось ясное, свежее, с птичьей многоголосицей, звенящей в тёплой от солнца листве. Одна перчинка попалась: в гости наведались тётка с Дариной, Ивасиной двоюродной сестрицей. Ивася только диву давался: как исхитрилась Дарина пройти мимо цветущего луга, под молодыми клёнами, овевающими дорогу узорчатой тенью — и сохранить угрюмую мину.

Мать поставила на стол тёплые пирожки и кувшин с квасом.

— Руки у тебя золотые, — вздохнула тётка, любуясь пирожком. — Даже кусать жалко.

— А мне не жалко, — заявила Дарина, отхватывая добрую треть пирожка. — Я потолстеть не боюсь.

— Такие ровные, ладные пирожки у тебя получаются. — Тётка повысила голос: чтобы если не одёрнуть, то хоть заглушить своё чадо.

— Худеть-то не для кого, — продолжало чадо. — Все стоящие парни в город уехали.

Ивася удивлённо взглянул на Дарину. Ладно, меньшого братца она в расчёт не берёт, но Ярий-кузнец, рослый, пшеничноволосый, чем ей не угодил?

Тётка ещё раз попробовала сменить тему.

— А ты, Ивася, ведь в город не собираешься?

Ивася только головой мотнуть успел, за него ответила мать:

— Куда он от жужекрылок своих денется!

Вроде и с улыбкой она это сказала, а мягкая гордость в её голосе ни от кого не укрылась. Жужекрылки давались в руки не каждому, и не у всякого в хозяйстве водились. А уж

тех, кто сумел бы пасти их и разводить молодняк, и вовсе можно было пересчитать по пальцам одной руки. Василько, жужекрылый пастух, говорил, что этим чарам ни один ведьмак не обучится, если они с самого рождения в его сердце не жили. Ивасю жужекрылки не только к себе подпускали, но и брали с его ладони пушистые клеверные головки своими мягкими, вытянутыми в хоботок губами.

— Я с Васильком условился, — сказал Ивася. — Когда у жужекрылок приплод будет, он меня в помощники возьмёт. Одному тогда со стадом не справиться.

— Наверное, сказал, чтобы от назойливого юнца отвязаться, — отрезала Дарина. Она со вздохом откинулась на спинку стула, теребя краешек салфетки. — Самой, что ли, в город податься? Здесь теперь магией заниматься не с руки: оказывается, чары у нас теперь плести — мужское дело.

Из Дарины ведьма была аховая: одно заклинание в несколько лун ладилось. И хорошо: ивасина мать как-то в сердцах сказала, что, имей все даринкины речи колдовскую силу, у всех бы давно молоко скисло, а в поле бы даже репы пожухли.

Тётка, отводя глаза от сестры и племянника, одёрнула, наконец, дитятко:

— Ты ещё скажи, что Ярию в кузнице чары не нужны.

— Ярий вчера молотом дотемна стучал. — В голосе ивасиной матери прозвенел едва уловимый колкий холодок. — Для Лиляны узорчатые петли на калитку мастерил.

Дарина перекликнулась цветом лица с шелестящей за окном листвой и, наконец, умолкла.

Солнце поднималось в небе всё выше, над лугом крепло мерное стрекотание кузнечиков. В прозрачно-медовых лучах медленно бродили по высокой траве жужекрылки, осторожно перебирая длинными тонкими ногами, похожими на серебряные стебли. В слюдяных крыльях, подрагивающих на весу, отражались, путая краски земли и неба, и солнечные блики, и пёстрые лепестки цветов.

Василька не было видно, и лишь приглядевшись, Ивася высмотрел знакомую тёмно-синюю рубаху за ивовой завесой

у реки, там, где девушки полоскали бельё. Должно быть, Василько заметил в траве рыжую шевелюру добровольного помощника и, решив, что жужекрылки под присмотром, улизнул к прачкам.

Ивася пожмурился от солнечной водной ряби, мерцающей за ивами, снова повернулся к пасущимся жужекрылкам — и заморгал. Перед ним стоял, подбоченившись, дед-полемышь.

Если на полемыша сверху смотреть, он обычной мышью покажется. А как выпрямится, окажется, что острая мышиная мордочка — это колпачок, а под колпачком хитро глаза блестят. Только чтобы это заметить, надо с земли смотреть — вот как сейчас Ивася смотрел.

— Жужекрылок любишь? — спросил дед.

— Ага, — осторожно согласился Ивася.

Полемышы — они себе на уме. Порой помогут человеку, да обязательно при этом напрокажут. Так что, без нужды с ними лучше не связываться.

Дед-полемышь важно покивал головой.

— Жужекрылок пасти — хорошее дело. Только хлопотное.

Ивася покосился туда, где в ивах плескался многоголый смех.

— Кому как, — буркнул он.

А дед кивал и кивал.

— Вот-вот. Решил пастух, что средь бела дня с жужекрылками ничего не делается — а с мороком как быть?

На Ивасю будто холодом повеяло.

— С каким мороком?

— А вон. — Полемышь махнул рукой.

Ивася вскочил на ноги. Чёрная, согнутая тень ползла по траве к жужекрылкам. Из сгустка темноты вытягивались когтистые лапы, покрытые щетинками. Нескладные лапы, заплетаются на ходу. Неумелый был морок, но алчный — неопытным, зато дюже злым, завидующим оком наведённый. От такого морока на жужекрылок хворь наплзёт: мёд их плесенью подёрнется, а у самих приплода не будет.

А жужекрылки и не чуяли беды. Морока видно было только ведьмачьим глазом. И смотрел, Ивася, оцепенев, как крадётся сгорбленная тень к легконогой, белогривой жужекрылке Лиляны.

Василька звать некогда — пока он услышит да пока добежит! Ивася начал непослушными губами произносить заговор. Никогда ещё он мороков не развеивал. Надо вспоминать всё, что от старших знал.

Говорили ведь, что морок завидующий сам по себе не развеется! Его только воротить наславшему можно — только тогда, выплеснув из себя тёмный сгусток, он выдохнется. А чтобы воротить, нужно что-то зеркальное подставить, хоть каплю воды.

До реки далеко — пока Ивася до берега добежит, доберётся морок до лиляниной жужекрылки.

— Кхе-кхе.

Ивася опустил глаза. Сидит дед-полемышь, ногой лист подорожника покачивает. И ползёт по листу последняя, невеста как уцелевшая с рассвета, не примеченная солнцем капля росы.

— Спасибо! — выдохнул Ивася, подхватывая чарами росинку.

Еле видные глазу нити понеслись к мороку и зависли перед ним, слепя его зеркальным блеском. Морок дёрнулся, зашипел и, скукожившись, утянулся за деревья.

От реки слышался крик: Василько, запоздало заметивший опасность, бежал к жужекрылкам. За ним спешили девушки, впереди всех — Лиляна, волосы тёмной волной стелились по ветру. Метнулась сначала к белогривой своей красавице, потом — к Ивасю. Ивася даже про морока забыл — загляделся на глаза, на озёрную ночь похожие. А Лиляна подхватила его, едва не оторвав от земли, и прижалась губами сначала к одной запунцовевшей щеке, потом к другой.

Ивася шёл домой, сам не зная, чему радуется больше — тем, что морока одолел, или тем, что его Лиляна расцеловала. По пути столкнулся с тёткой, бежавшей по пыльной дороге. Замедлил было шаг, хотел ей всё рассказать, но тётка только

махнула рукой и поспешила к своему дому, прижимая к груди какую-то склянку. Ну и ладно, Ивася решил матери первой похвастаться.

Мать ходила по дому, раздражённая.

— Одарили мою сестрицу, так одарили, — пожаловалась она Ивасе. — Это ж надо, такую непутёвую девку родить.

— А что случилось?

— Хворь жужекрылую подхватила! — фыркнула мать. — Сестра сейчас прибежала, настой попросила: у Даринки всё лицо плесенью пошло. И как её угораздило только!

Ивася припомнил деда-полемышу, словно невзначай подкинувшего ему зеркало для возвращения наведённой порчи. И, поразмыслив, решил похвастаться отогнанным мором как-нибудь попозже.

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ

I

Мост обвалился, едва на него начал въезжать первый из возов. Настил накренился так, что его мигом залило водой. Пришлось изрядно помаяться, прежде чем удалось успокоить лошадь и воротить её на берег. Меха и ткани, составлявшие поклажу, не пострадали, но досаде купца Терентьева не было предела: он-то рассчитывал засветло добраться домой. Ивашка, племянник, рвался реку вброд перейти. Усмирили юную да буйную головушку, указав на отвесный противоположный берег: люди-то вскарабкаются, но лошадей и возки с товаром на плечах не перетащишь.

Ясно было, что без подмоги не обойтись. Идти в село за помощью вызвался Ивашка. Купец хоть и досадовал на невесту откуда обрушившуюся напасть, всё-таки улыбнулся в бороду: последние вёрсты племянник извертелся на возке, высматривая каждый следующий поворот, приближающий его к Настюше. Вот и сейчас, собираясь в путь, Ивашка спрятал за пазуху отрез красной ткани, купленный на чужеземном базаре. Эх, хоть бы сначала людей на выручку послал, а уж потом бежал к зазнобушке.

Отчасти из этих соображений, отчасти из-за тревоги за племянника Терентьев отрядил вместе с ним Сысою. Идти предстояло не по дороге, а срезав путь, через лес, так мало ли что. Вдвоём спокойней.

Ивашка и Сысой вброд перешли реку и углубились в лес. Некоторое время купец стоял на берегу, глядя, как они исчезают за деревьями. Из задумчивости его вывело ворчание Луки, осматривавшего мост.

— Недавно чинили, — сетовал его друг. — Кто ж такой косорукий?

Терентьев и сам видел, что брёвна, из которых был сложен мост, ещё не успели подгнить. Он вернулся к возкам, откинул холст, прикрывавший поклажу, продел руку между тюком ткани и деревянным бортиком и нащупал холодный приклад припрятанной пищали. Кто знает, с чего вдруг при-

ключилась незадача с мостом. А ну как лихие люди преграду спроворили, чтобы задержать путников на дороге? Если подмога к ночи не успеет, может и оружие понадобится.

— Пётр Егорыч, — окликнул его Лука. — Глянь-ка.

Терентьев оставил пицаль и вернулся к помощнику. Тот снял сапоги и стоял в воде, до колен закатав штаны. Лето стояло жаркое, засушливое, речка сильно обмелела и хорошо были видны покосившиеся опоры. Лука наклонился над одной из них.

— Чего там?

Терентьев разуваться не спешил и вытягивал шею, пытаясь разглядеть, в чём дело.

Лука не отвечал, только скрёб в затылке, оглядывая обтёсанное бревно. Купец скинул сапоги, закатал суконные штаны и зашлёпал к нему.

— Глянь, — повторил Лука.

Бревно было подточено, но как-то странно. Таких надрезов не оставили бы ни нож, ни топор. Древесину будто изрядно погрызли, а ещё вдоль ствола бежали извилистые борозды, словно кто-то водил по нему когтями.

— Бобёр, может? — без особой надежды предположил Терентьев.

Лука покачал головой.

— Ты на этот след посмотри, — сказал он, указывая на свежий, ещё не заветренный желобок. — Клык-то почти с медвежий будет. Только какому медведю точить мост понадобилось?

Терентьев не ответил. Поднял голову, всматриваясь вдаль, потом ухватился за корень, свешивающийся в воду, и одним махом выскочил на берег. Подбежал к лесу и остановился там, где сгущалась тень от деревьев.

— Ивашка! — закричал он что есть силы. — Иванушка! Сысой!

Но лес молчал, будто человеческий голос разбивался о смыкающиеся стеной стволы деревьев.

II

Отмахали уже с версту, когда Сысой начал ворчать. Бубнил, что зря не пошли дорогой: пусть дольше, зато идти куда легче. Ивашка сперва хотел огрызнуться, дескать, нечего было за ним и увязываться, чай, один бы добрался, не маленький. Но спохватился, что Сысой здесь не по своей воле, а по дядиному приказу. На том порешил спутнику не отвечать и нытья не слушать.

Лес казался странно молчаливым. Свет над кронами ещё не померк, но птичьи голоса уже смолкли. А может, их и с самого начала не было слышно? Ивашка с недоумением поглядывал по сторонам. Ни зяблика, ни вороны, даже деловитые дрозды не шуровали в кустах.

Поотставший Сысой вздыхал и кряхтел за спиной. Протоптанной тропы не было, и цепкие ветки да сучки то и дело хватали путников за одежду.

— Жрать охота... — пробурчал Сысой. — Коржика какого с собой нету?

Ивашка захватил с собой только красный отрез для Настюши, о еде не подумал.

— Нету, — бросил он, не оглядываясь. — Шагай шибче, дома и коржики тебе будут, и расстегаи.

Некоторое время шаги ещё шуршали позади и вдруг стихли.

— Вань... А мы верно идём-то?

Ивашка остановился и запрокинул голову, глядя на пятна света в кронах.

— Вроде верно.

— «Вроде», — передразнил Сысой. — В первый раз в лесу, что ли?

Ивашка пожал плечами. В лесу он бывал, как не бывать. По весне иной раз возвращал в гнёзда нахохленных сердитых птенцов, пушистыми грибочками сидевших в траве. А однажды, было дело, не выдержал — выпутал из силков затихшего от страха зайца. Уж больно острая, человечья тоска застыла в косых глазах, углядевших близость преждевременной смерти. Зато с какой прытью понёсся зверёк в лес, с отяжкой вскидывая тёмные пятки! Об этом, правда, Ивашка никому не

рассказывал: охотники бы над ним посмеялись, а то и по шее дали бы.

Но всё это приключалось ближе к родному селу, в другой части леса. Здесь, со стороны реки, Ивашка не бывал и шёл по солнцу, едва не наугад.

III

— В няньки я, что ли, нанялся!

Голос Сысой от злобной досады сделался тонким, вроде комариного зуда. Он снова пошёл за Ивашкой, и тот затылком чувствовал его раздражённый взгляд.

«Ну и пусть зыркает», — сказал он себе, поправляя свёрток за пазухой. Ткань согрелась и казалась живой. Она ещё не лежала в ладонях Настюши, не покрывала её мягкие русые пряди, не сбегала по плечам, и всё равно это уже была её частичка. И при этой мысли идти становилось легче.

Миновал ещё час. Кроны начали тускнеть, и сумрак пополз вниз по стволам. Сысой остановился.

— Ивашка! — окликнул он, и голос его дрожал уже не от злобы, а от страха. — А не заблудились мы с тобой?

Ивашка тоже остановился, озираясь. Места ещё были незнакомые, но он не сомневался, что неизведанная часть леса скоро кончится.

— Не заблудились, — сказал он. — Скоро уже.

— «Скоро, скоро»...

Ивашка не ответил и зашагал вперёд. Почему-то он не сомневался, что с такой ношей за пазухой заблудиться нельзя.

Через четверть часа Сысой вновь остановился. Сумерки уже клубились вдоль стволов, наполняя лес колеблющимися, но по-прежнему молчаливыми тенями.

— Вань, давай вернёмся, — проговорил Сысой каким-то странным, изменившимся голосом. — Неладно что-то.

— Ты что? — Ивашка удивлённо оглянулся на него.

Сысой стоял, сжимая и разжимая кулаки. Лицо его, обычно загорелое, сейчас казалось бледным, как пролитое молоко.

— Не то здесь что-то, Ивашка, — глухо вымолвил он. — Пошли назад.

— Нельзя, дядя Сысой, — растерялся Ивашка. — Наши подмогу ждут.

— Какая подмога? Она нам самим нужна.

— Да всё хорошо, дядя Сысой, — принялся увещевать его Ивашка, куда больше встревоженный поведением спутника, чем молчаливостью незнакомого леса. — Мы большую часть дороги прошли, куда нам назад? Мы в село быстрее придём, чем туда вернёмся.

— Какое село? — глухо проговорил Сысой, бросая вокруг себя затравленный взгляд. — Не туда мы идём, не чужая, что ли?

— Как не туда? По солнцу же шли. Скоро овражек должен показаться, наш, земляничный...

Сысой махнул рукой.

— Да нету тут овражка! Заблудились мы! Пошли назад.

— Не пойду! — упёрся Ивашка. Рука прижалась к груди, стискивая заветный свёрток. — Там дядя с Лукой подмоги ждут, вперёд надо!

— Да пошёл ты!

Злобно отмахнувшись, Сысой развернулся и зашагал назад. Он ещё что-то бурчал себе под нос, но слов уже было не разобрать. Ивашка, охваченный возмущением и обидой, кинулся в другую сторону.

IV

Он шёл, стиснув зубы и продираясь через низкорослый кустарник, и невольно прислушивался к шагам за спиной. Что уж там: Иван надеялся, что его спутник передумает и вернётся.

Сысой, видно, и впрямь колебался: топтался на месте, пиная сухую листву. Будто надеялся, в свою очередь, что мальчишка отбросит упрямство. Но тот шагал вперёд, закусив губу, и остановился лишь тогда, когда слух его уловил непривычный звук.

Сысой по-прежнему возился там, где они расстались, но к шороху листьев прибавлялось какое-то хлюпанье, точно кто-то втягивал ртом щи с половника. Ивашка обернулся.

Неведомая тварь на четырёх костлявых лапах, пригибаясь к земле отвислым брюхом, стояла там, где только что

разошлись два путника. На голове её светился ровным счётом ничего не выражающий тупой глаз, а из двигающейся пасти свисали безвольно болтающаяся голова и плечи Сыся. Тварь переступила с лапы на лапу, глотнула, и всё с тем же услышанным Ивашкой чавкающим звуком плечи Сыся втянулись в её утробу. Ещё глоток — и исчезла, смявшись, точно была слеплена из теста, голова. Только прядь седоватых волос прилипла к безгубому рту. Тварь осела на задние ноги, потом приподнялась, повернула голову, и бессмысленный взгляд единственного глаза устремился на Ивашку.

Ивашка оцепенел. По телу разлилась чугунная тяжесть, и сквозь бой крови в ушах до путающегося разума донеслось всего одно слово: «Лихо!»

Лихо одноглазое, покачиваясь, как перед прыжком, смотрело на Ивашку. На морде не было никакого выражения, только когтистые лапы мерно рыхлили землю. А потом изо рта высунулся длинный, с локоть, синюшный язык и слизнул прилипшую прядь Сысовых волос.

Это вывело Ивашку из столбняка. Он повернулся и припустил что было сил, отчаянными рывками продираясь сквозь цепкий кустарник. Однажды он споткнулся, и свёрток, о котором он на время совсем позабыл, едва не выскользнул у него из-за пазухи. Ивашка инстинктивно подхватил его, толкнул обратно, и при мысли о том, что поганая тварь готова сожрать частичку Настюши, его охватила затравленная, дикая ярость. С прибавившейся силой Ивашка вырвался из кустарника и побежал по палой листве. В памяти обрывками всплывало всё, что он слышал о Лихе от матери, от бабки Анфисы, от старого Василича, гревшего на солнце хворые ноги и развлекającego байками детвору. Не тронет, не одолеет Лихо того, в ком страха нету. И Ивашка бежал, закусив губу, сжимая заветный лоскут ткани, и хотел одного: добраться до опушки до того, как ужас, осиным роем вьющийся вокруг, проберётся-таки в его душу и скормит его одноглазой нежити, как скормил Сыся.

V

Ивашка уже не задумывался, в ту ли сторону бежит, и только радостно ёкнуло сердце при виде сдвоенных берёз и холмика за ними: то было уже приметное, знакомое место. Но глухие шлепки лап по траве по-прежнему раздавались за спиной: Лихо гналось за намеченной добычей, карауля мгновение, когда до неё можно будет добраться.

Земляничный овражек показался скорее, чем Ивашка ожидал: видно, сам не заметил, с какой быстротой нёсся. Но тут его нога зацепилась за сгорбившийся на дороге дубовый корень, и Ивашка, цепляясь за свой свёрток, как за опору, покатился вниз по склону.

Овражек был не из глубоких, но падение на миг отшибло дух. Несколько мгновений Ивашка лежал неподвижно, восстанавливая дыхание. Едва опомнившись, он тотчас перекатился на спину, готовый отбиваться от нежити ногами... и замер на месте.

Лихо одноглазое висело над ним в ветвях боярышника, насаженное дряблой шеей на шипы. Когтистые лапы вяло подёргивались, но ничего не выражающее око уже потускнело,

глядя в пустоту. А над ним на краю оврага нависала неясная, смутная тень, будто сгусток зелени отделился от леса. Огромная лапа стягивала шипастые ветки, удавливая издыхающую тварь.

«Леший Лиха не любит: когда путников нет, оно зверьё гложет», — прозвучал в ушах ровный, баюкающий голос Василича.

Ивашка вскочил на ноги, прижимая свёрток к груди, и начал взбираться по противоположному склону овражка.

VI

В селе уже зажигались огни в окошках, когда он, запыхавшийся, перемазанный землёй, с разводами грязи на лице, вылетел на главную улицу. Он что-то кричал, и когда к нему стали сбегаться люди, бессвязно повторял только обрывочные слова про сломанный мост, а себе мысленно твердил, что нечего сейчас отвлекать народ рассказами о Лихе — пусть дядю с Лукой выручат. Только когда Ивашка увидел, что мужики с горящими головнями и с топорами да верёвками побежали по дороге к реке, он позволил матушке и бабке Анфисе завести себя в дом. Свёрток затолкал на печь: не чумазыми же руками Настюше его отдавать.

Бабка суежилась вокруг него.

— Как же ты через лес-то прошёл, Иванушка? — твердила она. — Там ведь, сказывают, нечисто сделалось.

— Чисто, — пробормотал Ивашка. — Теперь чисто.

И, отогнав до завтрашнего дня мысли и о густо-зелёной тени, и о Сысое, сожранном Лихом, растянулся на лавке, проваливаясь в глубокий, лишённый видений сон.

КАРАУЛ

«Не нужна мне охрана, меня мой народ охранять будет», — так, сказывали, императрица и объявила. Сам-то Михеич не слышал, но слово царское быстрой птицей пролетело по округе. А Архип, кузнец, говорил, что сам видел, как караульные уехали. Сели на лошадей да ускакали к Тверской заставе. Стало быть, правда. Значит, и впрямь императрицу сторожить придётся. Иначе как же она, голубушка, во дворце одна да без охраны!

Михеич смочил волосы водой и долго старательно приглаживал их. Рубаху надел целую, без заплат. В самый раз стал для караула. И отправился Михеич ко дворцу — императрицу охранять.

Подошёл — а там, почитай, всё Зыково собралось, да и чужих пришло немерено. Шум стоял такой, будто не люди, а улыи в кучу сбились. Михеич раньше видал, как здесь, у дворца, потешные бои устраивали. Башенки возводили, реки песчаные сыпали, бегали туда-сюда — в турок играли. Так даже тогда столько народу не сходилось. Оно и понятно: одно дело — на господские забавы выглядеть, другое — охранять саму императрицу, голубушку!

Соседка, Матрёна, Иванова жена, стояла тут же. Платок на ней новый был, расписной — поди, берегла на случай вроде нынешнего. Матрёна нет-нет, да по сторонам поглядывала: все ли заметили её обнову. И вдруг высмотрела бабу не из своих, не из зыковских. Глядь — а у бабы на шее лоток с пирожками пышными, сочными! Вот же хитрая какая лиса сыскалась!

Матрёна кликнула дочку, крутившуюся тут же вместе с другими ребятишками, и поспешила с нею обратно к дому.

Михеич решил ко дворцу поближе встать. Ткнулся в толпу, да куда там! Люд стоял плотнее стены каменной, и никто своего почётного поста при императрице уступать не хотел. А там уже подтягивались крестьяне из Всехсвятского.

— Не дави! Не напирай! — то и дело раздавались крики.

Михеич заметил в толкучке трепыханье. Егорка, Архипов племяш, возился, словно воробушек, сдавленный среди дюжих мужиков. Михеич выудил его за шиворот.

— Ты чего озоруешь? — строго прикрикнул он на мальчонку, вытиравшего потный лоб рукавом. — Не ровён час, затопчут.

Егорка отбежал в сторону, туда, где вертелось ещё трое-четверо мальчишек.

Шум нарастал. Каждый норовил встать так, чтобы окна дворцовые хоть краем глаза видеть. Вдруг сама императрица, душенька, на народ свой взглянуть подойдёт.

Уже почти стемнело, когда вновь появилась Матрёна, запыхавшаяся, раскрасневшаяся, но собой довольная. На шее лоток с пирожками горячими, а следом дочка жбан с квасом тащит. Матрёна устроилась под деревом, дочку домой отослала, а сама вертела головой, высматривая давешнюю бабу с лотком. Той уже не было — наверное, на другую сторону дворца ушла. Вот и ладно. Вдруг захочется императрице свежих пирожков или квасу, пошлёт она слуг — те прямо к ней, Матрёне, и выйдут.

Толпа ворочалась вокруг дворца, словно медведь, укладывающийся в своей берлоге. В сгустившейся темноте то и дело всплёскивались крики:

— Куды попёр?

— А ты куды?!

И издалека кто-то, привстав на цыпочки, кричал говорунам поверх голов:

— Чего орёте? Императрицу разбудите! А ну тихо!

Михеич из самой давки выбрался, прислонился к липе, поглядел на дворец. Тёмная махина почти сливалась с ночным небом и рощей. Где-то там, за кирпичными стенами, отдыхала императрица. Пущай отдыхает. А он, Михеич, вот тут постоит, приглядит, чтобы никто ничего, значит.

Где-то в стороне уже разводили костры. Матрёна с лотком и жбаном туда перебралась — чтобы царские слуги в темноте мимо её пирожков не прошли. Ближе к воротам завозились и загалдели, и над толпой, перекрывая многоголосый гам, загремел мощный голос Архипа:

— Куды шуметь, окаянные? Тихо там чтобы! Императрица почивает!

Временами на Михеича накатывала дрёма. Он устроился под своей липкой, привалившись к шероховатому стволу, и, едва начав клониться набок, вскидывался, в тревоге глядя на дворец: уж не проспал ли, не проворонил ли чего.

И ведь едва не проспал. Костры уже блёкли в крепнущем утреннем свете, когда Михеич встрепенулся после короткого забытья и вскочил на ноги. Толпа прихлынула к воротам, гул, не смолкавший всю ночь, перерос в радостный гомон. Михеич метнулся было туда, где все, да быстро понял, что к воротам уже не пробиться. Поплевал он тогда на ладони, за ствол липки своей ухватился да взобрался повыше к ветвям.

И увидел! Увидел верх кареты, катившей от дворцовых ворот среди толпы — ни дать ни взять, лист резной, золотой плыл по тёмным осенним водам. Толпа закатилась приветственным криком, и Михеич, что есть сил цепляясь за ствол одной рукой, замахал оберегаемой им до зари императрице, и махал до тех пор, пока блеск драгоценного листа, плывущего по дороге, не заслонили деревья.

ПТИФУ

Не кленовый багрянец поднялся тем осенним днём над московскими крышами. Зарево раскинулось по всему небу, и до Зыкова долетала гарь. Мужики в леса не ушли — подтащили с речки воды побольше и принялись затачивать вилы и топоры. По тому, как крестились бабы, на них гляючи, Никитка смекнул, что старались не супротив пожара.

И верно, заявили французы. До Зыкова, правда, так и не добрались: заняли дворец, что на Петербургской дороге царица выстроила. А вскоре по сельцу пробежал слух: сам Наполеон среди них. Никитка и не утерпел, удрал ко дворцу.

Увидеть Наполеона было и любопытно, и страшно. Усищи у него, небось, как ухват, руки лопатами и глаза, как уголья, горят. Разок бы только взглянуть на него!

Пробираясь огородами к беседкам и гротам, обступившим дворец, Никитка вспомнил про заточенные вилы. Ему с вилами было не совладать: рост ещё не давал. И свернул Никитка в рощу, запасся там дрыном острым, осиновым. Осина — она, сказывают, от всякой нечисти бережёт. А кто Наполеон есть, если не нечисть. Попадётся Никитка ему на глаза — тут-то дрын и понадобится.

Народу возле дворца собралось видимо-невидимо. Прямо в беседках раскладывали постели, привязывали вдоль стен лошадей, бегали и суетились, поглядывая то на небо, затянутое клубами дыма, то на огненное зарево, наползающее со стороны Тверской заставы. Никитку долго никто не замечал, пока вдруг не заступил ему дорогу рослый усач-француз. Вытаращил глазищи и выкрикнул что-то на булькающем своём языке.

Чудная речь была у этих французов. Никитке сразу пруд с карасями вспомнился.

Пруд в сельце имелся давно — с той поры, когда Зыково ещё Высоко-Петровскому монастырю принадлежало. Ста-

ло Никитке любопытно, как караси промеж собой разговаривают. Забрался он на мостки, голову под воду свесил и давай рыбин звать. Бульканье несуразное вышло, и ещё он чуть не захлебнулся тогда. Бабка его от пруда за шиворот оттащила, да ещё тряпицей по шее дала. И сейчас, на француза глядячи, вспомнил он то «бульк-бульк» карасиное.

А француз всё пялился на него, ожидая ответа, да ещё ногой притопнул. Никитка и забулькал по-карасиному: авось, чего и поймёт.

Француз вылупил на него глаза и махнул рукой.

— Птифу, — говорит.

Наверно, уходить велел. Никитка шмыгнул в сторону и очутился с восточной стороны дворца.

Здесь от огня было светло, как днём. Ветер нёс жар прямо на башни, и Никитка, ненароком коснувшись каменной стены, почувствовал, как она нагрелась: точно до руки живой дотронулся. А потом поднял он голову и увидал человека, стоящего у окна.

Маленький был человек, ростом не шибко больше Никитки. Стоял и смотрел на огонь, и лицо у него было угрюмое и растерянное.

Сильный порыв ветра ударил со стороны города, по которому словно катался огнегривый зверь. Будто горстью искр плеснуло в лицо приземистому барину, и сквозь дым услышал Никитка запах палёных волос.

— Уходи! — закричал он, пожалев вдруг глупого барина, застывшего в разогретом дворце, словно в печке. И, не зная, как растолковать ему, что тикать надо, припомнил давешнего француза. — Уходи! Птифу отсюда! Птифу!

Барин, наконец, повернул к нему голову. Смотрел потерянным взглядом, а сам так с места и не сдвинулся. А на Никитку бежал какой-то солдат, стискивая дюжие кулачищи. Замахнулся ногой, да куда там! Увернулся Никитка от тяжёлого его сапога, юркнул мимо беседок и был таков.

Дрын он где-то по дороге обронил, да и ну его. Не до дрына было в адовой этой печке.

Пока огонь не унялся, Никитка больше из селца не отлучался: помогал обливать водой крыши крайних домов, оберегая их от случайных искр. На третий день стих ветер и хлынул дождь, прибив пламя.

Тогда Федька и уговорил Никитку сбежать в город. Далеко не зашли: над улицами висела сырая удушливая гарь, и в воздухе, словно снежные хлопья, кружила липкая зола. У дороги растаскивали крючьями обгорелый остов кабака. На обочине лежал странный чёрный ком. Приглядевшись, Никитка с Федькой обмерли: несколько обугленных тел слиплось вместе, и не разобрать было, то ли трое их там, то ли четверо. Ещё один мертвяк лежал рядом. Рука, откинута в сторону, прогорела так, что в нескольких местах виднелась кость, а к ладони пристал закопчённый осколок бутылки.

— Кто это? — еле слышно выдохнул Федька.

Один из мужиков, разгребавших развалины, отёр пот с чумазого лица.

— Хранцузы, — сказал он, шмыгнув носом. — Гуляли тут, в кабаке, и не заметили, как занялось. Их горячей крышей и придавило.

Перекрестился и тут опомнился: уставился на белые с перепугу мальчишеские лица и закричал:

— Чего вы тут шляетесь-то? А ну кыш!

Никитке с Федькой и повторять не надо было. Дунули они от пожарища что есть сил, в селцо через лес вернулись.

Дворец к тому времени опустел: французы ушли в опустошённую пламенем Москву. В Зыково никто из них так и не сунулся, не понадобились мужикам вилы да топоры.

Тут Никитка и поведал Федьке, что побывал во французском лагере.

— Наполеона видел? — первым делом спросил Федька.

Никитка перебрал в памяти тех, кого приметил. Сердитый усач, не понимавший по-карасиному, солдат, что пинаться норовил, и грустный глупый барин, которому волоса огнём попалило. Очень хотелось приврать, да совестно было.

— Нет, — сказал он. — Не видел.

ПАРИЖГОРОД, ЧТО НА РЕКЕ ЛУАРЕ

Улита Белоглазова грезилa у окна, подпирая голову пухлой ладошкой. Над геранью, украшавшей подоконник, вяло роились мухи. В полуденном мареве вязло квохтанье кур дальше по улице. Пыль, поднятая колёсами телеги, так и висела в воздухе, словно лeнясь оседа́ть на землю. Улита проводила телегу равнодушным взором, но насторожилась, услышав, как возница кричит «Тпруу!» возле их ворот.

— Письмо тут передать велено, до купца Белоглазова!
— объявил возница в ответ на бубнёж полусонного сторожа.
— Из Нижнего Новгорода.

Улита вздохнула и перевела взгляд на пыльные лопухи у обочины. Скукотища! Вот бы кто привёз письмецо не батюшке, а ей. Да не из Нижнего Новгорода, а из самого Парижу. Там, говорят, кавалеры нечета тутошним. Не водку, поди, хлещут, а вина да коньяки. И выражаются красиво: «мамзель», «мадам». Сколько мечтала Улита о галантной французской жизни, сколько книжек о ней перечитала! Ни о чём другом и думать не могла, недавно даже оконфузилась в усадьбе у помещиков Поливановых: рояль раулюю назвала. Одно только Улите в Париже не нравилось: что речка там «Сена» называется. Будто «сено». Улита, впрочем, не растерялась: отыскала в романах другую французскую речку, Луару. Туда она свой собственный Париж и переставила. И теперь, облокотившись о затенённый геранью подоконник, Улита мечтала о письме из Парижгорода, с берега речки Луары.

— Мадемуазель! — вырвал её из грёз бархатный мужской голос. — Могу я иметь счастье спросить у вас дорогу?

Улита заморгала. Под окном — и откуда взялся-то! — стоял стройный молодой человек в лиловом камзоле и с длинными волосами, перехваченными ленточкой. Француз! Как есть француз! И говорит с заморским акцентом!

— Спрашивайте! — сипло выдохнула Улита, и закашлялась, прочищая горло.

— Не подскажите ли, есть ли в вашем городе гостиница? — Голос учтивый, негромкий, а чёрные глаза так и горят угольями.

— Как не быть. — Улита поднесла руку к горлу, сиюсь одолеть напавшую безголосицу. — От перекрёстка налево свернёте, там и будет «Залесская».

Экие хозяева гостиницы незадачливые! Не могли название получше придумать, вроде «Грандотели» какой.

— Мадемуазель, благодарю! — Незнакомец вновь опалил Улиту чёрными очами. — Вы так же любезны, как и прекрасны. Ваша помощь была бесценна.

Француз вежливо поклонился и зашагал к перекрёстку. Когда он проходил мимо телеги, лошадь громко заржала и прынула, вызвав поток брани у возницы, беседовавшего с купцом. Но Улита, алевшая пуще герани, этого даже не заметила.

— Всякий страх потеряли, окаянные! — сетовал Леший, расхаживая взад-вперёд по поляне. — Надо ж такое удумать! В город полез, бабам куры строить! Совсем ты, мусью Мишель, соображение растерял!

— Если я не буду совершать время от времени небольшой променад, я не только «растеряю соображение», но и просто одичаю в вашей глуши, — проронил молодой человек в лиловом камзоле.

Он сидел на стволе поваленной ветром берёзы и разглядывал ногти. Неподальку к дубу прислонился рослый богатырь с длинными русыми волосами, охваченными берестяным обручем. Он наблюдал за разворачивавшейся сценой и тихонько посмеивался.

— Одичаешь, когда на попа со святой водой нарвёшься! — причитал Леший.

— Да ладно тебе! — вмешался богатырь. — Скучно же всё время в лесу сидеть.

— «Скучно!»! — передразнил Леший и раздражённо сплюнул. — Одному мне скучать некогда. Вот беда мне с вами! Хоть бы ночью пошёл! Так нет, средь бела дня в город потащился, покрасоваться ему, вишь, захотелось. И где ты только взял эту камзолу! Тебе вообще в чём помер, в том и положено ходить!

— Я не могу всё время ходить в одном и том же! — возмутился Мишель. — И показаться дамам в военной форме тоже не могу — в ней дырка от пули. А камзол у меня с собой был, на всякий случай.

Богатырь закашлялся, пряча смехок. Сам он бродил по лесу не одну сотню лет: с тех самых пор, как полез сюда воевать со Змеем. Решив, что три головы у гада мерещатся ему после вчерашней пирушки, он махнул палицей по одной змеиной морде и счёл сражение завершённым. Увы, две оставшиеся головы воспользовались тем, что он опустил оружие, и закончили бой на свой лад.

— Ничего, — мстительно сказал Леший. — Ты ж, небось, с самого двенадцатого года с собой эту камзолу таскаешь?

— Да. — Мишель заподозрил неладное и забеспокоился. — А что?

— А вот выйдет твоя камзоля из моды, так больше в ней на люди не покажешься! — злорадно сообщил Леший и, посмеиваясь, заковылял к чаще, оставив француза в подавленном настроении.

— Мсье Илюха! — громким шёпотом звал Мишель богатыря, вольготно раскинувшегося на берегу лесного ручья. — Мсье Илюха, у меня к вам дело!

Илюха выслушал дело, поведенное на ухо взволнованным шёпотом, и замотал головой.

— Не, Мишань, так не пойдёт. Это самый что ни на есть грабёж, а мне грабить не положено: я герой, как-никак. Ты вон Гришку Вяхиря попроси, он подсобит.

Гришка Вяхирь, вёрткий и быстроглазый, поселился в лесу с полвека тому назад, с тех пор, как не поделил добычу с товарищами по ремеслу. Выслушав Мишеля, кратко спросил:

— Дело верное?

— Верное! — убеждал его Мишель. — Я сам слышал, как купец говорил: подвода с товаром поедет через лес.

— Тогда пойдём, — решил Вяхирь.

— Спасибо, мсье Гриша, — говорил Мишель, уводя поделника к просеке. — Вы надёжный, с вами никакая опасность не страшна... — Он ненавязчиво повысил голос. — Даже если у купцов обереги с собой окажутся.

Илюха, услышав про обереги, поднял голову из высокой травы, прищурясь, посмотрел вслед уходящим приятелям, ругнулся вполголоса и, поднявшись и подхватив с земли свою палицу, зашагал за ними.

На следующий день лёгкий летний ветерок долго разносил по шелестящим кронам вздохи и причитания старого Лешего. Уж как он сетовал, как жаловался на нынешнюю беспутную нечисть! Как сокрушался, что минули те времена, когда лесные духи стращали путников «славы ради, а не токмо для наживы»! Нечисть, однако, его не слушала: богатырь, закинув руки за голову, кемарил на своём излюбленном местечке у ручья, Вяхирь с любопытством разглядывал резную табакерку, захваченную без всякой надобности, а Мишель деловито колдовал над отрезом ярко-синего сукна.

Улита пребывала в расстроенных чувствах. И было тому сразу две причины. Во-первых, поначалу ей никто про гостя французского не поверил. Оказалось, что ни одна душа, кроме неё самой, иностранца не видела. В гостинице прекрасный незнакомец так и не объявился. А ведь Улита специально подсылала горничную, чтобы та у прислуги всё повыспросила! Однако Груша вернулась ни с чем. Ни кучер, ни отец тоже ничего не заметили. Странно, гость ведь мимо них проходил. Не иначе, их забаловавшая лошадь отвлекла. Улита ме-

ста себе не находила, искала хоть кого-то, кто бы тоже француз видел, но всё было тщетно. В конце концов, все решили, что в жаркий день её просто сморил сон у окошка, и иноземный красавец ей пригрезился.

Улита обижалась, злилась, и даже плакала от досады, и в конце концов постановила для себя: француз путешествовал тайно, инкогнитой, а про гостиницу спросил, только чтобы с нею заговорит. Такое объяснение её устраивало, и она уже почти повеселела, как тут и нагрянула вторая причина для грусти. Объявился красавец-француз! Да только объявился не в гостинице, и не на той улице, где Улита у окошка его поджидала. Наталья, дочь помещиков Поливановых, его неподалёку от родительского городского дома встретила!

Вечером того же дня Наталья, захлёбываясь от восторга, описывала гостям галантного кавалера в роскошном синем сюртуке. Кавалер, дескать, расспрашивал её, нет ли театра в городе, где проживают столь утончённые особы, как она. Все тотчас узнали в описании красавца, виденного Улитой, только одет он был по-другому. Так оно и понятно: не будет ведь благородный человек всегда в одном и том же расхаживать.

А Улита и не радовалась, что ей, наконец, поверили. Она приняла решение, что, едва из гостей домой воротится, так тут же душераздирающий стих о разбитом сердце напишет. И непременно чтоб в рифму!

Купец Белоглазов тоже не утешился тем, что слова его дочери подтвердились. Он сидел за столом, слушал рассказ об элегантном синем сюртуке иностранца, и вздыхал, вспоминая отрез добротного сукна, безвозвратно сгинувший в лесу при самых что ни на есть таинственных обстоятельствах.

НЕХРИСТЬ КАЗЁННАЯ

Пренеприятнейшая оказия приключилась с солдатом Коржиковым: напился один из военнопленных, которых ему поручено было охранять. И ведь крепко напился, окаянный: буянить полез. Такое и с русским нет-нет да случается, а тут Мустафайка — турок, стало быть, человек к водке непривычный и в питейном деле неумелый.

Обычно за пленными такого греха не водилось: пить им не позволяла вера, и коли кому случалось водкой оскоромиться, их старшой мог и по мордасам пристыдить. А тут, видать, недоглядел, вот Мустафайка и разбушевался. Буянил от души да с размаху, и всё, нехристь, по роже съездить норовил. Коржиков, как мог, отпихивал его одной рукой, другою крепко прижимая к себе штык.

— Отстань! — твердил. — Охолонись ты, окаянный!

Но куда там! Мустафайка и в тверёзом виде русскую речь понимал через слово, а тут и вовсе утратил всякое разумение. И надо же было такому случиться: князь мимо проходил. Солдат-то он на подмогу скликал: двое дюжих молодцов одолели буяна и потащили на гауптвахту. А княжеский нагонный перепал Коржикову.

— Ты что же такое позволяешь? — обрушился его высокоблагородие на часового, мигавшего подшибленным глазом. — Виданное ли это дело: чтобы пленный русского солдата бил! Почему штыком не приколот?

— Как можно, ваше высокоблагородие! — оправдывался Коржиков. — Казённое же! А вдруг попорчу? Отвечай потом...

Князь вытаращился на него, махнул рукой и пошёл себе дальше. Коржиков, которому напомнили про штык, приложил холодное железо к наливавшейся дуле. Уже после дежурства вспомнил он, что к ушибу медяк нужно прикладывать. Медяка при себе не нашлось, и Коржиков допоздна сидел в караулке, прижимая к лицу полу шинели с пришитыми пуговицами.

Экий срам получился! Как с такой рожей на улице показаться? Напился Коржиков, да подрался — вот как люди скажут! А ведь ни того, ни другого не было, без вины на него подумают. Да ещё его высокоблагородие нагоняй устроил. Эх, подвёл Коржикова нехристь, кругом подвёл!

Назавтра Коржиков, придя к своему дежурству, увидел возле гауптвахты одного из турок — молодого парня в синей шапке с кисточкой. Местные портные таких шапок не делали, и пленные мастерили их сами — наверно, в привычной одежде тоска по дому меньше одолевала. Турок заглядывал в зарешечённое окно к Мустафайке и показывал миску. Никак, старшой его с едой прислал. Сам-то не пришёл, побрезговал пьяным.

Что сказал Мустафайка, Коржиков не слышал, но приятель его махнул рукой, поставил миску у стены на приступочке и ушёл восвояси.

Коржикова разобрало любопытство и он подошёл ближе. В миске оказалось какое-то варево с кусочками мяса: еду турки тоже готовили себе сами, и от аромата их блюд то голод охватывал, то, наоборот, чих разбирал. Это, что в миске, с виду ничего было, ноздрей не жалило. Да только заглянул Коржиков в окно и сразу понял, почему угощение не ко двору пришлось.

Мустафайка, причитая, хворал на соломе. Согнутой рукой он прикрывал глаза, чтобы в голове не так шибко кружилось, и всё равно видно было, что сделался он белее снега. Коржиков поглядел сперва на узника, потом на миску, и сокрушённо прищёлкнул языком. Кто ж похмельному в морду мясо тычет? Эх, нехристи.

Зашёл Коржиков в караулку, взял кружку, из которой чай пил, и, пока смена его не подошла, отправился к кухне.

Степанида, уже поторапливавшая девок, крошивших для щей капусту, услышала стук в ставень и выглянула из окна. Только собралась забраниться, чтобы за харчами в положенное время шли, как Коржиков, жмуря заплывший глаз, протянул ей жестяную кружку.

— Степанида, там нехристь моя казённая похмелей маётся. Ты уж выручи, плесни нам рассолу, а?

БЕЛЫЕ КОСТЯНЫЕ БУСЫ

I

Первым старуху заметил Клейборн. Она сидела на корме, привалившись к борту. Руки лежали на коленях, и длинные узловатые пальцы свешивались вниз, как ветки, с которых облетели листья. И сама она походила на корягу, почерневшую от времени.

Почувствовав на себе взгляд, старуха повернула голову и взглянула на Клейборна. Посмотрела с невозмутимостью человека, твёрдо знающего, что он находится там, где и должен быть.

Поглядев с минуту на боцмана, старуха равнодушно отвернулась. В луче солнца блеснули белые костяные бусины, висевшие на её шее.

— Эй, какого... — начал Клейборн, но его прервал стук и поток брани за спиной: кто-то из матросов зацепил ногой свёрнутый канат и растянулся на палубе.

— Ты что, не видишь, куда прёшь? — заорал Клейборн, разворачиваясь к нему.

Матрос поднялся на ноги, бубня какие-то оправдания. Клейборн раздражённо сплюнул и повернулся обратно к старухе.

Её не было.

Клейборн удивлённо заморгал. Старая гримза только что сидела на палубе, он отчётливо видел её и даже рассмотрел костяные бусы на шее. Так куда она подевалась? А главное — как она вообще здесь оказалась?

II

Пленников на палубу не выпускали: весь товар был заперт в трюме. Но проблема в том, что среди товара вообще не водилось старух.

— Эй! — заорал Клейборн. — Кто видел здесь черномазую?

С мостика свесился Салливан.

— Что там случилось? — крикнул он.

— С вашего позволения, кэп, тут на палубе черномазая сидела! — закричал Клейборн, запрокидывая голову.

— Что? — Салливан, насторожившись, оглядел своё маленькое царство. — Откуда здесь взяться черномазой?

— Не могу знать, сэр! Я и спрашиваю, кто её сюда привёл.

— Как она выглядела? — спросил Салливан, сдвигая брови.

Бывало, кто-нибудь украдкой вытаскивал из трюма смазливую девчонку поразвлечься. Обычно капитан закрывал глаза на подобные проделки, но нельзя было допустить, чтобы этим занимались среди бела дня.

— Старая лоханка, кэп!

Салливан был совсем сбит с толку.

— У меня только отборный товар, Клейборн. Откуда здесь взяться старухе?

— Я и сам удивился, сэр!

Салливан начал спускаться.

— Вам могло показаться, Клейборн?

— Да я клянусь, вот здесь она сидела! — взревел боцман, взбешённый сомнениями капитана. — Эй! Кто ещё видел старуху?

Несколько секунд царило молчание, и Клейборн успел всерьёз струхнуть. Но тут подал голос один из матросов.

— С вашего позволения, сэр, заметил я тут черномазую бабу. У неё, сэр, ещё бусы такие белые на шее болтались.

— Вот! — торжествующе вскричал Клейборн.

На палубу поднялся Лейбурд, помощник капитана. Он с беспокойством оглядывал собравшихся.

— Что случилось, сэр? — негромко спросил он, обращаясь к Салливану. Он был единственным, кто осмеливался задавать подобные вопросы капитану.

— Кажется, у нас лишний пассажир. — буркнул Салливан. — Клейборн! Возьми пару ребят и обыщи корабль. Лейбурд, пошли со мной. И...

Он оглядел матросов.

— Уолш! Ты понимаешь их тарабарщину. Пойдёшь с нами.

III

В трюме царила полная тьма. Фонарь в руке капитана еле-еле давал разглядеть лица и скрюченные тела пленных.

— Эй, вы. Есть среди вас старая женщина? — крикнул Салливан. И тут же кивнул Уолшу: — Переведи.

Матрос что-то спросил на непонятном ему языке. Ответом была тишина.

— Старая гримза, — медленно повторил Салливан, точно надеясь, что так пленники начнут понимать английский. — Старая карга, которой здесь не должно быть. Потому что она подохнет при первой же сильной качке.

Уолш переводил. Рабы молчали.

— Старуха с белыми костяными бусами.

Когда матрос переводил эти слова, Салливан заметил, как у одного из чернокожих сверкнули белки глаз.

— Ты! — рывкнул он, тыча в пленника фонарём. — Встать!

Молодой человек с литыми мускулами и стройным телом медленно поднялся на ноги.

— Что за старуха? — требовательно спросил Салливан. — Знаешь её?

Полные губы молодого человека изогнулись в презрительной улыбке. Он что-то негромко произнёс. Уолш засопел, не решаясь перевести.

— Что он сказал? — нетерпеливо вскричал Салливан.

Уолш вздохнул.

— Говорит, у белых людей отменное зрение. Никто из них и самой старухи-то не видел, а белые даже бусы разглядели.

Салливан ударил не настолько сильно, чтобы выбить зубы — не станет же он портить отменный товар, — но молодой человек рухнул на пол, на грязную солому.

За спиной капитана одобрительно хмыкнул Лейбурд.

— Пошли, — бросил Салливан, разворачиваясь к трапу. — Если старуху найдут, поволоку её в кильватере на верёвке. Мне лишний груз даром не сдался.

IV

В «Драконe» было не протолкнуться. Салливан и Лейбурд были одними из завсегдатаев этой не самой дешёвой таверны. В этот раз они коротали здесь вечер незадолго до отплытия.

— Отплывём во вторник, — произнёс Салливан, подцепив вилкой кусок хорошо прожаренного мяса с тарелки. — Отличный день для начала плавания. Не то что пятница.

— Вы верите в приметы?

Салливан хмыкнул.

— В морском деле знать приметы так же важно, как и названия снастей.

— Да ну?

— Вы можете в них не верить, но в них верят матросы, которые не должны в вас сомневаться.

— Это важно, — согласился Лейбурд. — Сколько лет хожу с вами в плавание, а всегда есть чему поучиться.

— А ведь я сначала думал, что вы не годитесь для нашего дела, — сказал Салливан.

— А почему вы так думали? — любопытно спросил Лейбурд.

Салливан неопределённо пожал плечами.

— Аристократ! Многие люди вашего пошиба брезгают заниматься работоторговлей.

Лейбурд откинулся на спинку стула и отпил ещё один глоток. Он рассеянно обводил взглядом зал, и в глубине его глаз мерцали несмешливые искорки.

— С вашего позволения, дорогой капитан, я слишком хорошо помню, что моя истинная фамилия — Лабур, а не Лейбурд. В нашей семье ещё жива память о том, что вытворяла с дворянами чернь в годы террора. И мне нравится напоминать сброду его настоящее место.

Салливан криво ухмыльнулся. По своему происхождению он принадлежал к той самой черни, пусть даже и не французской. Но ему льстило, что Лейбурд усматривает в нём равного и под его началом помыкает чернокожим товаром. Он поднял бокал, собираясь произнести тост, но вдруг усмешка на его губах померкла, и Салливан поднялся на ноги.

— Эй! — заорал он, стукнув кулаком по столу. — Я думал, здесь приличное заведение!

Брови Лейбурда поползли вверх. Из кухни выскочил хозяин таверны. Все переглядывались в недоумении.

— Кто пустил сюда черномазую? — крикнул Салливан.

— Сэр? — хозяин подскочил к нему. — Какую черномазую, сэр? Где?

— Вон там! — рычал Салливан, тыча пальцем в другой конец зала. — Вон там сидела старая кляча с бирюльками на шее!

— Эй, долговязый! — пронзительно завизжала женщина с ожерельем под цвет распухшей багровой физиономии. — Ты кого назвал старой клячей?

Салливан раздражённо отмахнулся.

— Здесь была негритянка! — втолковал он хозяину.

— Дверь приоткрыта! — крикнул кто-то из посетителей, сидевших недалеко от входа. — Может, забрела чья-то служанка, да сразу убралась.

Салливан, отдуваясь, опустился на своё место. Хозяин, повертевшись по залу и не найдя ничего подозрительного, убрался обратно на кухню.

— Что за бирюльки? — полюбопытствовал Лейбурд.

— Бусы, — буркнул капитан. — Белые. Чёртовы белые бусы, как на той гримзе, которую мы так и не нашли на корабле.

V

Последним, кто видел старуху, стал Уолш, и произошло это в ту ненастную ночь, когда корабль отчалил от африканского побережья. Он стоял на вахте у руля и при свете неистово раскачивающегося фонаря заметил сухонькую чёрную фигуру у борта.

— Тебе что там надо? — закричал он, пытаясь перекрыть шум ветра.

Старуха оглянулась на него, но ничего не сказала и снова устоялась на воду.

Уолш, чертыхаясь, выпустил руль и сделал шаг в её сторону. Корабль качнуло, он потерял равновесие и тяжело ударился о борт. Когда он снова выпрямился, старухи на прежнем месте уже не было. Она оказалась у руля. Стояла, глядя вдаль и прикрывая от ветра белые костяные бусы на шее.

— Чтоб тебе! — выругался Уолш, шагая к ней.

Послышался треск, а в следующее мгновение палуба ушла из-под его ног, но на этот раз ухватиться за борт Уолшу не удалось.

VI

Старая Атаро часто подолгу сидела неподвижно: ей на голову и плечи даже садились птицы. Порой люди думали, будто жизнь покинула её тело, но, подойдя, замечали, что она дышит. И тогда Атаро просто оставили в покое.

В день после бури Атаро снова сидела так на лужайке возле деревни. Мальчик, игравший с маленьким луком, подбежал к ней. На белых костяных бусах Атаро блестели капли

воды, и мальчик удивился: неужели это роса? Или старуха сидела так с ночи?

Он осторожно протянул руку, чтобы потрогать бусы, и тут Атаро повернула к нему голову.

Мальчик отдернул руку, но не убежал, а озорно улыбнулся.

— Ты как будто даже не спала, а вообще была не здесь, — сообщил он.

Атаро улыбнулась.

— А зачем мне быть здесь, умный маленький Рунако? Старшего моего сына, красивого, как лесной цветок, укусила змея. Второго сына, сильного, как буйвол, унесла болезнь. Младшего сына, смелого, как лев, украли люди с белыми волосатыми лицами. Они коварнее змеи и назойливее болезни. Вот что они сделали! Старой Атаро больше незачем здесь оставаться.

Мальчик слушал её, серьёзно сдвинув брови. Старуха встрепенулась, глядя на него.

— А ты что здесь делаешь, маленький Рунако?

— А где же мне быть? — спросил мальчик.

Атаро качнула рукой.

— Беги в деревню, маленький быстроногий Рунако. Скажи людям, пусть вытаскивают из-под навесов лодки, стоявшие без дела так долго, что по ним уже бегают ящерицы. Пусть выходят в море, пусть берут свои сети и длинные острые палки! Сегодня будет хороший улов.

Рунако широко улыбнулся.

Старая Атаро делала предсказания очень редко, но, когда что-то обещала, это непременно сбывалось. Рыбу он любил и весело побежал к деревне, сверкая пятками. Атаро улыбалась, бормоча себе под нос:

— Хороший улов, большой. Это будет вкусная рыба. Крупная рыба. Очень сытная рыба.

СОРОКОПУТ

I

— ...А было это в ту пору, когда мы с Чарли Коттреллом валили лес за много миль к востоку отсюда, у Гудзона, — закончил Барт Хедли свой рассказ о давнем амурном приключении с милашкой Бет, дочуркой чрезвычайно набожного папаши.

— Я вот тоже слышал, что Чарли Коттрелл раньше лесорубом был, — заметил Стив Барлоу, протягивая ближе к костру ноги в изрядно стоптанных сапогах. — А сейчас в лес носа не кажет.

Хедли сердито засопел, раздосадованный тем, что его любовные похождения вызвали меньше интереса, чем Чарли Коттрелл, оставшийся в посёлке.

— Помешался Чарли, — буркнул он. — Каждого куста боится.

— Точно, — поддержал Тед, брат-погодок Стива. — Сам видел. Мы шли как-то с ручья, рыбу несли. Так Чарли что-то примерещилось на опушке, будто кусты зашевелились. Минут десять топтался на месте, боялся дальше идти, всё в лес вглядывался. Мы ещё посмеялись тогда: поди, вороны испугался.

Родни Скэнлон, старший в компании лесорубов, собравшихся на поляне, вяло повёл плечом.

— Помешался — не помешался, — протянул он. — А опаска у него имеется.

— Он про лесного духа говорил, — вспомнил Тед. — Мы с парнями его спрашиваем: как же ты раньше по лесам ходил? А он нам: тогда близкой беды не было!

Хедли презрительно фыркнул и покачал головой.

— Так мы и не дознались от него, что это за беда, — закончил Тед.

II

— Я знаю эту историю, — сказал Скэнлон. Он пошарил в сумке, вытащил яблоко и с аппетитом отгрыз кусок. Сок брызнул на поросший щетиной подбородок.

— Там, где посёлок, — продолжил Скэнлон, махнув яблоком в западном направлении, — индейцы раньше жили. Нипочём не хотели со своего места убираться. Им предлагали другие земли, и даже деньги предлагали. А они ни в какую. Бывает, один смутьян в племени заартачится и подбивает других. А эти все разом упёрлись. Ну, тогда ребята из форта привезли им подарок... пару мешков муки.

Барт разглядывал чёрную кайму у себя под ногтями и пытался выковырять древесную труху. Стив и Тед слушали с интересом.

— Что за мука? — спросил Тед.

— С приправкой — сказал Скэнлон. — Что за хрень, не спрашивайте. Докторишка из форта что-то такое назвал, да у меня из головы вылетело. Через неделю краснокожих не осталось.

— Ничего себе! — изумился Стив. — А я слышал, что у них была эпидемия.

— Можно сказать и так, — безмятежно согласился Скэнлон, снова надкусывая яблоко.

Барт фыркнул.

— Про эпидемию рассказали пастве преподобного Понедельника Уилкокса. Чтобы меньше кудахтали, будто мы немилосердно обошлись с неразумными Божьими тварями.

— Вот-вот, — кивнул Скэнлон. — Поглядели бы они, что эти Божьи твари с белыми проделывают.

— А при чём здесь Чарли? — спросил Тед.

— А, Чарли, — спохватился Скэнлон. — Он был с парнями из форта, когда те входили в посёлок. Он у солдат за своего был: ему ведь не только дрова, но и дичь случалось им завозить. Вот Чарли за ними и увязался. Явились они туда — а там ещё на подходах мертвечиной шибает. Эти дикари под конец даже хоронить не могли друг дружку. Все передохли. Ну, так казалось, что все. И вот идут ребята по посёлку, иные лица тряпками прикрывают, потому что этой дохлятины там

видимо-невидимо. И вдруг из одной хижины, что ближе всего к лесу стояла, выскочил один-единственный краснокожий. Только он, видать, муки и не ел, а то бы тоже помер.

— И как с ним поступили? — поинтересовался Барт.

— В том-то и дело, что никак, — хрустя яблоком, продолжал Скэнлон. — Он к лесу кинулся, что твой заяц. Парни и за ружья схватиться не успели, как он в кусты нырнул. Чарли всё это видел. И он божится, что, когда этот краснорожий убегал, то он обернулся, и глаза у него светились оранжевым. Как у зверя.

Стив поёжился. Тед снисходительно покосился на него. Хотя из них двоих Стив был старше и повыше ростом, Тед вышел нравом побойчее, да и в плечах пошире.

— Померещилось небось с перепугу, — проронил он.

— Да как тебе сказать, — пробормотал Скэнлон. — С ним ведь были парни, пороха нанюхавшиеся. Их одним-единственным краснорожим не напугаешь. Был среди них Бобби Торнтон, знакомец мой, а он ещё в битве на озере Джордж дрался. Такому что попало не примерещится. Так вот он тоже говорит, что у краснорожего того глаза, как у рыси полыхнули.

Барт пожал плечами.

— По мне, что рысь, что краснорожие — всё одно зверьё. — Он хмыкнул. — Да не услышат меня клуши преподобного Уилкокса.

— Вот с того дня Чарли в лес и на аркане не затащишь, — подытожил Скэнлон. — Вбил себе в голову, что тот краснорожий обратился в злого духа. Говорят, бывает такое у них, если индеец шесть дней не ест, а потом в чашу уходит. Тогда в его тело может вселиться тварь, которая водится в здешних лесах. Она делается очень высокой, с длинными ручищами, и глаза у неё светятся. И очень уж охоча эта тварь до человеческого мяса. Вендиго — вот как её называют.

Стив передёрнулся. На этот раз со стороны Теда не было пренебрежительных взглядов. Вся компания сидела на лесной опушке вокруг костерка, показавшегося вдруг ничтожно маленьким среди безмолвных великанов-деревьев, под далёким небом с редкими искорками звёзд.

Скэнлон доел своё яблоко, примерился было, чтобы зашвырнуть огрызок в кусты, но передумал и бросил его на землю у костра.

— Пора бы уже на боковую, если хотим не продрыхнуть тут до полудня и ещё засветло вернуться в посёлок. Кто дежурит первым?

III

Наутро встали поздно. И немудрено. Тед, например, ни за что не признался бы, что после истории, поведенной Скэнлоном, заснул далеко не сразу. Ему не раз доводилось ночевать в лесу, но в этот раз казалось, будто в обычные шорохи вплелось нечто неведомое, тревожное и чужое. Стив и вовсе был бледный, словно спал урывками. Скэнлон орал:

— Барт! Какого хрена нас раньше не разбудил?

Барт не отвечал. Его вообще нигде не было видно.

Сначала решили, что он отлучился по нужде, но в конце концов забеспокоились.

— Какого хрена... — повторял Скэнлон, продираясь сквозь кусты и озираясь. — Барт! Барт! Заблудился, что ли?

Тед со Стивом молчали, бродя среди деревьев. Оба понимали, что заблудиться мог кто угодно, но не Барт, шлявшийся по здешним лесам, когда оба они ещё были сосунками. Ни ям, ни оврагов, где человек рисковал свернуть шею, поблизости не встречалось. Конечно, он мог просто повредить ногу, споткнувшись в потёмках, но почему тогда он молчал?

Стив нарушил молчание, когда Барт нашёлся. Тед и Скэнлон прибежали на его долгий сдавленный крик, больше смахивавший на сипение.

Стив стоял в оцепенении, глядя на сапог Барта, висящий прямо перед его носом. Чуть выше болтались кишки, вылезшие из живота, распоротого острым суком. Барт кособоко висел на дереве, насаженный на сухую ветку. Вытаращенные глаза с бестолковым удивлением и страхом смотрели в пустоту, а на искривлённых губах сидела муха.

У Стива вырвался сдавленный всхлип. Он наконец оторвал взгляд от этого зрелища и уставился вниз. Только сейчас

он заметил, что жухлая листва у него под ногами намокла от крови, и всхлипнул снова.

— Какая тварь это сделала? — вырвалось у Теда.

— Неважно, — процедил Скэнлон, сдёргивая с плеча ружьё.

— Как — неважно? — выкрикнул Тед. — А если эта сука ещё где-то здесь?

— Вот именно! — рявкнул Скэнлон и поднял ружьё. — Валим отсюда. Стив! Уберись из-под дерева!

Стив непонимающе оглянулся на него. Тед схватил брата за рукав и оттянул в сторону. Скэнлон прицелился и выстрелил.

Сук, на котором висел Барт, затрещал, а ещё через мгновение труп с глухим стуком шлёпнулся вниз. Из раны вылетело несколько ошмётков чего-то склизкого.

— Понесли его на телегу! — скомандовал Скэнлон. — Возвращаемся в посёлок. Живо!

IV

Появление лесорубов с трупом Барта, лежавшим поверх брёвен в телеге, вызвало ожидаемый переполох. Поначалу все набились в дом Хедли, безуспешно пытаясь утешить воющую вдову. А потом туда ввалился Чарли Котрелл, и в руках у него был топор и мешок соли.

— Пропустите! — велел он, поудобнее перехватывая топор. — Это работа вендиго. И надо кое-что сделать, чтобы эта тварь не пробралась в посёлок следом за своей добычей. Зря вы вообще его сюда приволокли!

— Ты что хочешь сказать? — взвизгнула миссис Хедли, поворачивая к нему опухшую от слёз физиономию. — Что надо было бросить бедного Барти в лесу без христианского погребения?

Чарли только раздражённо мотнул головой точно отгонял надоедливую муху.

— Пустите, — повторил он. — Коли его сюда притащили, надо сделать так, чтобы он потерял для той твари всякую ценность.

— Что вы задумали? — спросил Понедельник Уилкоккс и шагнул вперёд, прижимая Библию к груди.

Авторитет пастора иные недалёкие личности оспаривали из-за его имени, которое казалось языческим. Им приходилось иметь дело с его супругой. Почтенная Честити, сдвигала чепец с макушки, словно поднимала забрало, упирала руки в бока и зычным голосом напоминала, что Господь именно в этот день занялся Сотворением мира. Всех занимало, как же Уилкоксы назовут ребёнка, но Господь в своём милосердии не ниспослал им детей.

— Тело надо разрубить, — пояснил Чарли. — И куски пересыпать солью. А уж тогда и в гроб можно будет класть.

Вдова, онемевшая от такого святотатства, приоткрыла рот и обвела толпу сочувствующих потрясённым взглядом. По комнате побежал ропот. Понедельник Уилкоккс судорожно вздохнул и прижал Библию к груди.

— Тебя обуял дьявол, Чарльз Коттрелл! — дребезжащим голосом выкрикнул он. — Опомнись! Сам нечистый говорит сейчас твоими устами!

— Нечистый сейчас вот здесь! — настаивал Чарли и указывал топором на стол, где лежало тело Барта Хедли. Лекарь с помощницей безуспешно пытались закрыть покойнику глаза. — Уж поверьте мне, я об этой твари достаточно слышал! Не ровён час вендиго явится за тем, что у него украли! Никто даже не узнает, в чьё тело он вздумает вселиться, пока не станет слишком поздно!

— Изыди! — взревел Понедельник Уилкоккс, голос которого, наконец, снова обрёл уверенность и мощь.

Они стояли друг против друга, подняв каждый своё оружие: один — Библию, другой — топор. Несколько человек, не желавших участвовать в их битве, бочком выбрались из дома.

V

— Я слышал, есть птица такая — сорокопут, — с трудом ворочая белыми губами, проговорил Стив.

Они с братом сидели у себя дома. Дверь заперли на засов. К ним пару раз стучались, но Хетти, жёнушка Стива,

крикнула, чтобы заходили позднее. Парням было не до гостей.

Они опустошили по кружке виски, и этого явно было мало. Тед, сгорбившись за столом, прикидывал про себя, сколько у них припасов. Мёд, бочка мочёных яблок, яйца и окорок, хорошо прокопчённый. На ближайшее время хватит, а дальше придётся раскошелиться — брать дичь у кого-нибудь из охотников. Сам он не скоро сунется в лес, пусть даже и с ружьём. И если он хорошо знал своего братца, то Стив теперь будет ещё долго шараться от каждого куста.

— Так вот, сорокопут этот ловит добычу, даже если не голоден, — дрожащим голосом рассказывал Стив. — И накалывает её на ветку. Чтобы, значит, припасы были. Сам-то он маленький. Но, Тед, если одна такая пичужка есть, может, и другие бывают, покрупнее? А, Тед? Это ведь животное какая-то была, да? А не то, что Чарли Котрелл рассказывал?

— Конечно, Стив, — кивал Тед, обхватывая ладонями кружку. — Ясное дело, то была какая-то животное.

VI

Тед проснулся глухой ночью. Из-за коровьих шкур, натянутых на раму, доносилась какая-то возня. Тед изумлённо уставился на закуток, служивший семейным гнёздышком Стиву и Хетти. Не ожидал он, что после случившегося братца потянет на любовные утехы. Или, может, добрая жёнушка сама решила подбодрить раскисшего муженька?

Тед сердито вздохнул и перевернулся на другой бок. Возня тише не стала. Но теперь ему послышалось, будто за перегородкой чавкают.

Тед резко сел на кровати. Окорок! Самое сытное, что оставалось в доме! Паскудник Стив наверняка тоже подумал о том, что охотиться им теперь доведётся нескоро.

Мрачно сопя, Тед сполз с кровати на пол. Дощатый пол обжигал холодом босые ступни. Тед обогнул перегородку.

Лунный свет проникал в дом через узкое оконце, прорубленное под самой крышей. Но и этого хватило, чтобы увидеть Стива, сидящего на полу, и Хетти, машущую ему рукой с кровати. Не успел Тед подумать, что уж хозяйка-то

могла поиметь побольше совести, как Стив поднял голову. Блеснули два светящихся глаза. Рука Хетти изогнулась под странным углом. Она была почти оторвана от тела у самого плеча, и Стив держал её в зубах.

Не слыша ничего, кроме тяжёлого буханья крови в ушах, Тед сделал назад один шаг, потом другой. Он налетел на корзину, в которой Хетти хранила бельё, и пошатнулся, но упасть не успел: невероятно длинная рука Стива молниеносно метнулась вперёд и вцепилась в него мёртвой хваткой.

VII

Понедельник Уилкоккс спал тем счастливым сном, какой бывает у людей, добившихся справедливости. Чарли Котрелла скрутили и оставили связанным у него в лачуге, под приглядом пары дюжих парней. Им велено было не спускать с него глаз, покуда он не очухается. Ну, или пока тело несчастного Хедли не будет предано земле со всеми надлежащими почестями. Сейчас бедняга Барт лежал в церкви, в гробу из того дерева, которое сам он и добыл в лесу, и ждал погребения.

Ночную тишину прорезал короткий, тут же смолкший вскрик, донёсшийся откуда-то издали. Преподобный Понедельник Уилкоккс чуть шевельнул бровью и продолжал поживать, еле заметно улыбаясь во сне.

В КРАЮ ОМЕЛ

I

— Останови-ка, любезный!

Дьюла Андраши натянул вожжи и вяло оглянулся через плечо: что там ещё затеял господский племянничек?

Тибор Биро, придерживая полы сюртука, соскочил с коляски и подошёл к купе деревьев у дороги. Запрокинул голову, заложил руки за спину и принялся разглядывать пышные омелы, свисающие с веток.

— Знатные в этих краях омелы, милейший, — сообщил он Дьюле. — У нас в Гейдельберге в целой роще столько не сыщешь, сколько здесь на одном дереве.

Дьюла стиснул зубы. Сколько раз он уже слышал это «у нас в Гейдельберге», пока вёз господского племянника в дядюшкино поместье у отрогов Карпат. Давно ли барчук, бегая в коротких штанишках, по таким омелам из рогатки пулял. А теперь — поди ты, будто в первый раз увидал.

— Это, брат, — изрёк Тибор, забираясь обратно в коляску, — не просто растение. Это паразит. Прижилась омела на дереве, силами его пользуется, чтобы самой расти. Понял, о чём я толкую?

Дьюла кивнул с глубокомысленным видом и потянул вожжи, уводя лошадь от рытвины.

— Это, брат, называется паразитизм, — продолжал Тибор. — Когда один организм питается жизненными силами другого. Про это профессор де Бари писал. Не слыхал про такого?

— А? — встрепнулся Дьюла. — Нет, не слыхал. Не из наших?

— Скажешь тоже, — фыркнул Тибор.

Дьюла уже готовился услышать ставшее привычным «из Гейдельберга», но таинственный профессор разнообразия ради оказался родом из Франкфурта. На этом Тибор утратил интерес к столь несведущему собеседнику и принялся разглядывать окрестности, словно надеясь высмотреть что-нибудь

занятое. Но вокруг лишь тянулись полные подсолнухов поля да пирамидальные тополя стремились к небу.

II

Когда ближе к сумеркам дорога закружила среди каменистых холмов, Дьюла встрепенулся и время от времени приподнимался на козлах, высматривая нужный поворот.

— Что, успеем затемно? — спросил Тибор, заметивший его манёвры.

— Да кто ж знает, может, и... Ах ты, занесла нелёгкая! Гляньте, сударь! — воскликнул Дьюла, натягивая вожжи и указывая вперёд кнутовищем.

Россыпь камней загромодила дорогу справа от развилки, где находились путники.

— Нам надо было свернуть туда? — спросил Тибор.

— Точнохонько туда, сударь. Самая что ни на есть короткая дорога была.

Тибор снял с головы шляпу и почесал в затылке. О том, чтобы проехать через завал, не шло и речи. Объехать камни тоже не получалось: слева поднимался крутой склон, справа тянулся овраг, густо поросший кустарником.

— А нет другой дороги? — упавшим голосом спросил Тибор.

— Как не быть, есть, — отозвался Дьюла. — Только там малость подольше выйдет, затемно не поспеем.

— Что же нам, в потёмках ехать? — недовольно спросил Тибор.

— Зачем ехать, сударь? — пожал плечами Дьюла. — Трактир Верёша неподалёку, там можем остановиться.

— А хорошо там кормят?

— Здешний люд не жаловался.

Дьюла уже готов был выслушать в ответ очередное воспоминание о Гейдельберге, но ближе к наступлению темноты молодой барин, похоже, почувствовал, как далеко от Карпатских предгорий остался чинный университетский городок. Тибор только тяжело вздохнул, запахнулся в сюртук и распорядился:

— Поехали в трактир.

III

Трактир Габора Верёша стоял у дороги, как полководец, возглавляя маленькое войско деревенских домишек. Дым из трубы победоносным стягом вился по ветру. Коляска только сворачивала с большака, когда ноздри Тибора уловили аромат поджаренного перца, и мысли о гейдельбергских отбивных развеялись в сумеречной дымке. Распахнулась дверь, на крыльцо выскочил тощий вертлявый юнец.

Скатился по ступеням и подбежал к притормозившей коляске.

— Я распрягу, дядя Дьюла! — крикнул он, подхватывая лошадь под уздцы.

Народу в трактире оказалось не особо много, но веселились там от души.

Трактирщик, рослый, с синими глазами, задорно блестящими из-под кустистых бровей, приветствовал новых посетителей кивком и указал на отдельный стол недалеко от двери. Подвыпивших гостей появление барина не смутило: как-никак явился он в сопровождении Дьюлы Андраши, которого здесь хорошо знали. Только на пару минут гомон слегка поутих, но вскоре кто-то крикнул:

— А Чаба-то где? Музыку давайте!

Все взоры устремились на цыгана, оскалившего в широкой улыбке щербатый рот. Тот встал с места, приладил к плечу скрипку и провёл смычком по струнам. Под неспешные вступительные аккорды перед Тибором и Дьюлой возникли глиняные миски, в которых дымился гуляш только-только из казана. Чардаш набирал обороты, и крестьяне уже азартно притоптывали ногами, когда следом за мисками возникли кувшины с вином.

Тибор уминал угощение, не обращая внимания на гам. Он поднял голову лишь тогда, когда внезапно воцарилась тишина.

На пороге стоял рослый человек с буйными тёмными кудрями. Кафтан украшала богатая вышивка. За поясом в узорчатых ножнах висел кинжал, которым умелая рука легко перерубила бы молодое деревце. И был новый гость бледен, да не просто бледен, а бел лицом, как пролитое молоко.

«Балинт!» Это слово было даже не произнесено, а скорее выдохнуто кем-то в повисшем безмолвии.

IV

Тибор застыл с ложкой в руке, глядя на нового гостя, а перед глазами встала залитая солнцем дорога и дядя, представший в своём фазтоне и кричавший кучеру, чтобы сей же час уступил дорогу тем, кто настигал их сзади. Кучер повиновался, экипаж потеснился, а мимо рысью проскакали три-четыре всадника в ярких плащах, подбитых мехом. Особенно выделялся один, с непослушными тёмными кудрями и упрямой челюстью. Молодой, но с лицом, уже носившим следы бесчисленных буйных гулянок.

— Орбаны, — сказал тогда дядя, поймав недоумевающий взгляд племянника. — С ними лучше не ссориться.

Орбаны жили где-то в горах, и никто не знал, откуда они там появились. Одни говорили, будто много лет тому назад они пришли из Буды, другие утверждали, что они явились с той стороны Карпат. Видели их редко, один только молодой Балинт шлялся по окрестным пивным. Зато частенько то один, то другой одинокий путник пропадал на порос-

ших густым лесом склонах, а ведь медведей да волков в этом крае давно уже не видали.

Молодой Орбан, ничуть не заботясь о впечатлении, произведённом его приходом, шагнул через порог и зашагал напрямик к стойке. Все молча провожали его взглядами. Один только хозяин, похоже, ничуть не был обескуражен. Открыл дверцы шкафа, вытащил бутылку молока и водрузил её на стойку. Когда Балинт приблизился, Габор придвинул к нему бутылку и поставил рядом кружку.

Озадаченный Тибор смотрел, как Балинт откупоривает бутылку, наливает себе полную кружку молока и опрокидывает её залпом, словно забористое пиво. По трактиру пронеслось какое-то шевеление. Оглянувшись, Тибор заметил, что исчез Чаба со своей скрипкой. И когда только успел: дверь даже не скрипнула.

Остальные, похоже, цыганской прытью не обладали. Крестьяне неловко переглядывались и ёжились. И вдруг один поднялся с места. Подошёл к стойке и, вызывающе глядя на Балинта Орбана, грохнул по деревянному прилавку пустой кружкой.

— Полную, — скомандовал он.

На миг Тибору показалось, что сейчас трактирщик достанет ещё одну бутылку молока. Но нет: настал черёд кувшина с вином. Крестьянин схватил кружку и принялся осушать её жадными глотками, бросая на Балинта вызывающие взгляды. Тот отвернулся с равнодушным видом и снова плеснул себе молока.

V

По всему трактиру загревели отодвигаемые табуреты и лавки. Один за другим крестьяне подходили к стойке со своими кружками и требовали ещё вина, а то и чего покрепче. Каждый считал своим долгом взглянуть на Балинта: кто дерзко, с вызовом, а кто исподтишка, словно надеясь, что его никто не заметит. Балинт и ухом не вёл, только дул своё молоко.

— Что здесь происходит? — шёпотом обратился Тибор к Дьюле, который тоже схватил кувшин и добавил вина и себе, и господину.

— А то вы сами, господин Биро, не видите! — так же шёпотом откликнулся Дьюла. — Молодой Орбан нагрязнул.

— Да я вижу, но с каких пор он пьёт в трактире молоко? И почему он так бледен? Хворь у него, что ли, какая?

Дьюла отпил большой глоток вина, прежде чем ответить:

— Была вроде какая-то хворь, от вечных гулянок. Была, да сгинула. Помер он.

— Как помер? — ошарашенно переспросил Тибор. — Вон же он.

Дьюла качнул кружкой в сторону стойки.

— А вы на него гляньте.

Тибор оглянулся и с минуту разглядывал Балинта, а потом снова повернулся к Дьюле.

— Боже правый. Он же без тени!

Дьюла придвинулся к нему.

— Все они, Орбаны, такие, — прошептал он. — Живут себе да живут, а как начнут стариться или хворь какая нелечимая с ними приключится — вот во что обращаются. Никто не знает, сколько их там в горах расплодилось: кто туда сунется, обратно может и не воротиться.

— Силы небесные, да как же он сюда при всём честном народе является?

— А кто ему что сделает? — развёл руками Дьюла. — Одного тронь — остальные нагрянут. Да Балинт ни на кого тут не зарится, ему лишь бы по кабакам побродить, как он при жизни любил.

— А молоко зачем? — зашептал Тибор. — Я слышал, что они... что эти... человеческую еду принимать не могут.

— Молоко крови сродни, из живого тела берётся, — пояснил Тибор. — Орбаны не дураки, попусту людей губить не станут. Разве кто ночью один в горах окажется — тогда поминай как звали.

Тибор снова оглянулся.

У стойки, помимо трактирщика, оставался Балинт да ещё двое-трое крестьян, торопливо наполнявших свои кружки.

— А почему все за вином потянулись?

— Эти... Они хмельную кровь пить не любят, — ответил Дьюла. — Срубает она их, валятся, где пили, а коли восход проспят — тут на солнце им и конец. Вот все и норовят при Балинте набраться покрепче, чтобы тому неповадно было скоромиться.

Брови Тибора озабоченно сдвинулись, и он схватился за кувшин.

VI

Наутро Тибор с третьей попытки взгромоздился в коляску. Рухнул на сиденье, погрозил кому-то кулаком, обругал заплетающимся языком здешние богатые паразитами края и наконец закемарил. Дьюла убедился, что молодой барин не рискует свалиться, и зашёл обратно в трактир, чтобы попроситься с хозяином.

— Что там господин твой бранится? — усмехнулся Габор, облакачиваясь о стойку.

— Паразитов честит, — сказал Дьюла. — Это он в университете гейдельбергском про них выучился. Дебари какой-то о них ему сказывал.

— Да ну?

— А я тебе про что. Барин теперь и говорит, что у нас тут паразитов видимо-невидимо.

— Чему там твоего барина в Гейдельберге учили, не ведаю, — с расстановкой молвил Габор, поправляя вымытые кружки на подносе, — а де Бари писал, что бывает паразитизм... Это когда ты мне, а я у тебя. А бывает мутуализм. Это когда ты мне, а я тебе. Вон у меня, пока Балинт тут торчал, выручка набежала, как иной раз за неделю не набиралась.

— Вон оно как, — понимающе кивнул Дьюла. — Это ты, братец Габор, ловко обстряпал. Ну а где моя бесплатная кружка за тот завал на дороге, что племяш с зятьком подновили?

Габор пожал плечами, как бы говоря: «Не вопрос!» — и придвинул к Дьюле пузатый кувшин, полный вина.

МЕЛЬНИЦА У КРИВОЙ РЕКИ

I

Там, где Кривая река петляет среди холмов, приютилось две-три деревеньки, но всё-таки места малолюдные. Путники на дорогах появляются редко, особенно в зимнюю пору, когда ночи длинные, а дни угрюмые.

Но случилось так, что Карл Вебер, торговец, ехал вдоль реки снежным декабрьским днём. Путь он держал в город, чтобы договориться о сделке кое с кем из лавочников до наступления Нового года. Товаров при нём не было, если не считать нескольких кусков ткани для показа, да и денег он захватил немного. Если бы довелось ему столкнуться с лихими людьми, пожива разбойникам досталась бы скудная.

Когда дело было чуть за полдень, Вебер приметил на обочине трактир. Подкрепиться ему бы не помешало, и, подъехав к заиндевело изгороди, он остановил свои сани. Народу в трактире было немного, и те в основном местные: зашли погреть вином кости в холодный день.

Вебер, сытно пообедав, стал расспрашивать хозяина о дальнейшей дороге и о том, где можно будет остановиться на ночь. Трактирщик покачал головой, выслушав его.

— Есть постоялый двор, но до него день пути будет. Оставайтесь здесь на ночь. Пуститесь в дорогу поутру — как раз к вечеру до той стоянки и доедете.

Вебер призадумался. Смысл в словах трактирщика был, но ясно ведь, что в первую очередь каждый заботится о своей кошельке. Хозяину прибыль от постояльца, но ему-то — расход да потраченное попусту время...

Так и не дав трактирщику определённого ответа, Вебер взял кружку пива и подсел за стол к местным. Народ здесь оказался словоохотливым. На вопрос, что тут есть поблизости, называли деревушку да ещё пару селений дальше по течению реки. Вебер слушал и довольно кивал. Стало быть, в чистом поле он на ночь не останется: будет к кому постучаться

в ворота. Уж он найдёт чем отблагодарить гостеприимных хозяев.

— А ещё дальше, там, где в реку впадает Овечий ручей, мельница стоит, — подал голос сухопарый крестьянин с жёсткими волосами, подёрнутыми сединой так, что казалось, будто его голову присыпало редким снегом.

Остальные притихли.

— Скажешь тоже, ежовая ты борода, — крикнул трактирщик из-за стойки. — Стоять-то мельница стоит, да места там, говорят, нечистые.

Вебер обвёл крестьян вопросительным взглядом. Те прятали глаза: кто уставился в окно, будто ничего интереснее закрытых ставней не видывал, кто вглядывался в свою кружку — а не утонула ли муха у него в пиве?

Хозяин вышел из-за стойки и подошёл к столу, одёргивая фартук.

— Сказывают, мельник каждый год водяному дань приносит, чтобы колесо не останавливалось. Нечего добрым людям там делать в такую пору.

Крестьянин, которого он осадил, с равнодушным видом пожал плечами и заглянул в свою кружку. Трактирщик намёк понял и принёс ещё один жбан. Вебер поднёс к губам своё пиво, пряча недоверчивую усмешку: «Дань приносит, это надо же такое выдумать! Небось, не в ладах с мельником, да и выгоду упустить боится. Только меня не проведёшь, Водяной! Хорош бы я был, если бы в такое поверил!»

Допив пиво, Вебер поднялся из-за стола. Когда он выходил, трактирщик проводил его взглядом, но говорить ничего не стал. Только пожал плечами.

Вебер забрался в сани, тряхнул вожжами и тронулся в путь.

II

Темнота застала его в дороге. Ночь стояла ясная, звёздная, а такие холоднее всего. Вебер ёрзал, не зная, как согреться: мороз пробирался даже под рукавицы. Покрывало, которое он набросил себе на колени, заиндевело, стало жёстким и согреть толком уже не могло. Между тем деревень, о которых упоминали крестьяне на постоялом дворе, так и не было видно.

Вебер скрипнул зубами: «Неужели обманули чёртовы пьяницы в трактире? Но зачем бы им лгать? Или едет он медленнее, чем собирался? Вон как снег налип на полозья! Пожалуй, дело именно в этом».

Всё это время Вебер ехал берегом реки, чтобы не сбиться, но тут решил свернуть к более широкой дороге: может, так быстрее будет добраться до жилья. Да и сани, глядишь, там легче заскользят. Только он перехватил вожжи, готовясь к повороту, как вдруг лошадь испуганно фыркнула. Вебер привстал и увидел кота, выскочившего на обочину.

Кот сидел на снегу, чёрный как смоль, только глаза сверкали — словно две звезды сбежали с неба. Вебер удивился: откуда здесь взяться животине в такую стужу? Видно, жильё было где-то поблизости. Далеко от дома осторожный кот не ушёл бы.

Вебер приободрился. Значит, и крестьяне не обманули, и сам он не ошибся в расчётах: не так сильно задержал его снег на полозьях.

Кот встал, потянулся, словно холод был ему нипочём, и неспешно пошёл той дорогой, с которой едва не свернул Карл Вебер. Тот торопливо тряхнул вожжами и поехал прежним путём.

Кот шёл вдоль сухих камышей, время от времени останавливаясь, чтобы острыми зубками сгрызть снег, налипавший на лапы. В сторону Вебера он больше и не смотрел. Кажалось, его ничуть не волновало, следует за ним кто-нибудь или нет.

Ехать пришлось недолго. Вскоре дорога вильнула в сторону, следуя за изгибом реки, и Карл Вебер увидел впереди огонёк: светилось окно. А ещё через минуту из темноты выступили очертания мельницы и запруды.

«Тут-то и заночую», — сказал себе Вебер.

Торговец вспомнил байки, услышанные в трактире, и криво усмехнулся: «Эх, чего воду зря мутили? Сказали бы уж прямо: хозяин с мельником не поладил. Потому, верно, никто и не заикнулся, где стоит ближайшее жильё. Только один и проболтался...»

Он снова посмотрел на дорогу: кота нигде не было видно. Наверное, прошмыгнул обратно в тепло. Но теперь и без него стало ясно, куда ехать. Лошадка, почуяв близость жилья, ускорила шаг.

III

В свете луны отчётливо был виден бревенчатый дом, низкий, точно присевший под тяжестью снега. Но ни плеска воды, ни шума мельничного колеса не доносилось: наверное, реку схватило льдом.

Только Вебер собрался слезть с саней и позвать хозяев, как дверь отворилась, будто путника здесь уже ждали. На пороге появился коренастый человек с фонарём в руке.

— Заблудились? — крикнул он. — Заезжайте сюда, мороз крепчает.

Обрадованный, что хозяина даже не пришлось звать, не то что упрашивать, Вебер соскочил на снег. Не прошло и нескольких минут, как лошадь его была распряжена и заведена в стойло, а самого его радушный мельник проводил в дом. Он пригласил гостя отужинать, поставил перед ним тарелку с дымящейся бобовой похлёбкой, а сам вышел, сказав, что даст лошади овса. Похоже, ни жены, ни помощников у него не водилось и он сам управлялся со всеми делами.

Едва за мельником затворилась дверь, откуда ни возьмись явился старый знакомец — кот. Уселся в углу и уставился на Вебера золотыми своими глазами. Чудно это показалось торговцу. Он пожал плечами, но обращать внимание на кота не стал, занялся ужином.

Когда он выскребал ложкой остатки со дна, вернулся мельник. Вебер наконец смог хорошенько рассмотреть его. Нестарый, в плечах широк, силы явно не занимать. И всё равно странно, что он здесь один.

— Давайте я вас на ночь устрою, — предложил мельник. — Есть у меня уголок наверху.

Вебер приглашение, само собой, принял. Порадовало и то, что хозяин не лез с расспросами: кто, мол, откуда и какая нелёгкая понесла его в путь среди холода. Пусть он и не захватил с собой ничего особенно ценного, всё равно чужим про его дела много знать не следовало.

Встав из-за стола, он заметил, что кота в комнате уже не было. Когда улизнул — непонятно.

Мельник, светя себе фонарём, повёл гостя вверх по шаткой деревянной лестнице. Они очутились в узкой комнатухе под потолком. Не роскошь, но в щели не дует, холод не пробивается снаружи, да и спокойно. Мельник пожелал гостю хороших снов и начал спускаться вниз. Фонарь он захватил с собой. Вебер, оставшийся в потёмках, нашарил под-

стилку из соломы, лёг на неё, накрылся шерстяным одеялом и вскоре заснул.

IV

Проснулся он оттого, что его будто подтолкнули. Он поднял голову и увидел две золотые звезды, смотревшие на него из крошечной темноты. Вебер вздрогнул, но тут же вспомнил про кота. И как только он сюда пробрался! Дверь-то мельник, уходя, затворил. Пронырливая тварь! За мышами он, что ли, сюда залез? Только ведь вокруг ни шороха не слышно.

Вебер крепко разозлился за свой испуг.

— Пошёл отсюда! — шикнул он на кота.

Тот и ухом не повёл.

Вебер осерчал ещё больше. Нашарил в потёмках сапог и швырнул туда, где светились золотистые огоньки. Кот отскочил в сторону, потом подбежал чуть ближе и зашипел.

Вебер почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове: кот шипел так, как шипит змея, потревоженная в траве.

Справившись со страхом, он разозлился ещё сильнее. Потянулся за вторым сапогом. Но тут кот метнулся вперёд и лапой разордал ему руку, словно серпами. Вебер почувствовал, как по ладони потекла кровь.

Он вскочил, а кот всё с тем же шипением заметался вокруг него. Глаза понемногу привыкали к темноте, и Вебер видел, как скачет туда-сюда маленькая вёрткая тень. Он расшвирипел.

Внизу, помнится, он видел лопату. «Зашибу, — подумал он. — А то ведь не даст мне покоя. Вон как руку рассадил, кровь до сих пор льётся! Прибью и в запруду брошу, авось мельник и не хватится».

Как был, босой, подбежал он к двери и открыл её. Сразу стало светлее: внизу висел фонарь, и Вебер высмотрел лопату, приставленную к стене. Он злорадно улыбнулся и шагнул на первую ступеньку. И тут кот всё с тем же шипением кинулся ему под ноги. Вебер покачнулся, выпустил перила из рук и покатился по крутой лестнице вниз едва не из-под самой крыши.

Рухнул кулём на пол, но дух испустил не сразу. Ещё успел увидеть, как подбежал к нему кот и запустил ему в ноги свои когтищи. А ещё увидел, что когти-то не из лап росли, а из рук — крепких, мужицких, в муке перепачканных.

Кот-оборотень подволок Вебера к двери, толкнул её и с неимоверной силой оттащил добычу к запруде. Перевалил бездыханную ношу через деревянную ограду и, вскочив на бревно, смотрел, как она падает вниз. Хрупкий лёд затрещал, забурлила тёмная вода, и тело Вебера исчезло в глубине. А через несколько мгновений мельничное колесо дрогнуло и начало вращаться.

Водяной принял подношение,

С ограды спрыгивал кот, а на мостки приземлился уже человек. Выпрямился, отряхнул руки и зашагал обратно в дом. Очутившись в комнате, он схватил с полки кувшин с молоком, жадно отпил несколько глотков и ухмыльнулся, вытирая губы обсыпанным мукой рукавом: вот же кошачья привычка!

ОРЛИНЫЕ КОГТИ

Из Нижнего в Москву возвращались через Касимов. Сделать крюк к югу Николай Овчинникова вынудило давнее обещание провести тётку. В Нижнем Николай был по делам договорным, бумажным, товар не вёз и обратный путь держал налегке, потому и не упустил случай поехать на бричке: по реке без особой надобности плыть побаивался. Тришка, кучер, беззаботно болтал всю дорогу, пересказывая слышанные на ночёвках байки; иные, особенно полюбившиеся, и по два раза повторял. Николай, откинувшись на спинку сиденья, жмурился, подставляя солнцу лицо, и то слушал вполуха, то проваливался в зыбкую дремоту, навеянную душным ароматом трав и монотонной стрекотнёй кузнечиков. Много позже, вспоминая ту поездку, он так и не мог сказать наверняка, называл говорливый Тришка имя Андрея Баташёва среди прочих примечательностей земли Рязанской или нет. Порой чудилось, что поминал непременно — потому что нельзя было не помянуть. А иногда казалось, что нет, точно не говорил о нём Тришка, и никакая тревожная тень не проносилась над мягким лугом с россыпями ромашек, похожих на яркие солнечные блики.

Дни стояли жаркие, Тришка берёт лошадь, ехал не спеша, а Николай его не поторапливал. На постоянных дворах Овчинников ни с кем особо разговоров не вёл: разморённый жарой, он просил себе уголок попрохладней и проваливался в сон, чтобы завтра встать пораньше и продолжить путь прежде, чем залютует солнце.

В Касимов прибыли за полдень и после застолья, на радостях устроенного тёткой, у Николая хватило времени, чтобы побродить по городу.

К сумеркам истомлённый духотой Касимов погружался в мирную вялую дремоту. Торговые ряды пустели. Возле рыбных прилавков сновали кошки и пара вислоухих псов — все будто забредшие сюда ненароком, а сами зорко посмат-

ривающие, не останется ли без присмотра лакомый кусок. Через площадь в сторону Татарской слободы неторопливо катила повозка, которой правил, позёвывая, седобородый возница в тюбетейке и линиялом халате. От реки шли двое мальчишек. Вода капала с мокрых волос на рубахи и они на ходу оттягивали воротники и трясли ими, чтобы высушить и не получить нагоняй за влажную одежду.

Николай спустился к реке. Ока неторопливо текла вдоль высокого берега, сонная и молчаливая, тихо перебирающая ветви покосившегося дерева, грузно нависшего над водой. Слабеющие лучи ещё серебрили зыбкую поверхность, но от берегов к середине реки постепенно сползались тени. Над Окой повисла чуткая вечерняя тишина.

Николай отыскал старую рыбацкую лодку, верно, ещё в минувшем году в последний раз вытащенную на берег. Она лежала, навалившись на траву, разошедшиеся доски крошились, осыпалась труха. Казалось, наплававшись вдоволь, лодка, вновь превратившаяся в простой кусок древесины, возвращалась в родную стихию земли.

Николай осторожно шагнул в неё, опасаясь, как бы не продавить ногой растрескавшееся днище, и опустился на сиденье. Лодка покачнулась, будто вспомнились ей на мгновение былые времена и почудились привычные взмахи вёсел, но тут же застыла снова.

В кустах уже заводила ночную трескотню мелкота-невидимка. По воде нет-нет да разбегались круги — мошара неосторожно садилась на казавшуюся твёрдой поверхность. Тянуло прохладой, пришедшей на смену дневному зною. Уходить не хотелось, и Николай сидел, в мечтательной задумчивости прислушиваясь, как от слободы доносится зов муэдзина, далеко разносящийся над тихими водами реки. Лишь когда вокруг зароились взбодрённые вечерней свежестью комары, он выбрался из лодки и побрёл по крутому склону вверх, к дремлющему в сумерках городку.

Тётушкин сад, окутанный сгущающейся дымкой, походил на пышное облако зелени, прилёгшее отдохнуть после жары. Даже в самые душные дни в нём можно было сыскать тенистый уголок, где под густо переплетёнными ветвями, в

окружении раскидистых кустов ютилась мягкая и тихая прохлада. А в вечернюю пору здесь и вовсе был рай.

На веранде уже был накрыт стол с самоваром, и Аграфена Тихоновна прохаживалась по тропинке, то и дело поглядывая на калитку: одна пить чай не садилась, ждала племянника. Николай усовестился: надо же было, едва приехав, тут же оставить истосковавшуюся старушку одну.

Аграфена Тихоновна овдовела три года тому назад: муж её поехал по делам в Нижний, где заразился холерой и умер, прохворав несколько дней. Там, на Волге, его и схоронили, и Аграфена Тихоновна в письмах к сестре сетовала, что к супругу и на могилку нельзя сходить да поплакать. Мать упростила Николая сделать по пути круг, проведать тётку.

Впрочем, одинокой Аграфена Тихоновна не была, да только сын её, Степан, почти ровесник Николая, вечно пропадал где-то по торговым делам. Вот и сейчас ушёл он вниз по Волге в астраханские степи.

Николая отсутствие двоюродного брата огорчило. Он-то надеялся поговорить с ним, кое о чём посоветоваться. Тётка же в торговом деле ничего не смыслила и просто делилась с племянником всем, что творилось в их краях любопытного.

— О Баташёвых-то слышал, Николенька? — спросила Аграфена Тихоновна, пухлыми пальчиками макая в чай баранку.

— Это у которых чугунный завод? — уточнил Николай.

— Они самые. Те, что у речки Гусь устроились. Именье своё «Орлиное гнездо» назвали. От такие у нас теперь Орлы на Гусе.

В памяти всплыла величественная усадьба, поднявшаяся в Москве на Швивой горке. Здание в высоту не такое уж и великое, но сразу цепляющее глаз торжественностью белоснежных колонн, дерзкой броскостью нарядного убранства. Один раз довелось Николаю видеть хозяина звонкой усадьбы: со стороны Рогожской заставы прикатили сани, запряжённые тройкой. В санях, запахнувшись в соболью шубу, сидел плечистый человек. Николай заметил львиную гриву тёмных кудрей, падавших на воротник, крупные, тяжёлые черты и пронзительно-синие глаза, быстро скользнувшие по засне-

женной дороге, уходящей к реке. Всего-то пара мгновений прошла, прежде чем за санями Баташёва захлопнулись ворота, а улица будто притихла, прихлопнутая властной рукой.

— Принесла же их сюда нелёгкая. — Круглое лицо Аграфены Тихоновны сделалось озабоченным, углубилась рябь мелких морщинок у глаз. — Уж сидели бы у себя в Туле, здесь бы спокойней жилось.

Николай с удивлением взглянул на тётку.

— А я слышал, завод у них прибыльный, — заметил он.

— Не знаю уж, какой у них там завод... — Аграфена Тихоновна неодобрительно сдвинула брови. — А без них всяко лучше было бы.

— Так ведь сколько людей при деле, — предпринял Николай ещё одну попытку переубедить тётку — как тут же оказалось, безуспешно.

— Дел и прежде хватало. — Аграфена Тихоновна взяла с блюда ещё одну баранку и посмотрела на неё так осуждающе, словно та тоже принадлежала к неугодному семейству. — И до этих волков здесь жили, и ничего.

— За что же вы, тётушка, волками их кличете? — любопытствовал Николай.

— Лютуют, — пояснила Аграфена Тихоновна. — Сладу с ними нет, что хотят, то и вытворяют. Уж и жалоб на них сколько писали, а всё без толку.

— Откупаются, поди?

— Хуже, — отмахнулась Аграфена Тихоновна. — Они и не пускают к себе никого.

— Да ну? — Николай доверчиво усмехнулся. — Как так: власть — да не пустить?

— А вот так, — упрямо сказала тётка. И, заметив сомнение на лице племянника, разъяснила: — Дом они свой так выстроили, что половина его на рязанской земле стоит, а половина — на владимирской. Приезжают к ним из Рязани, а они на владимирскую половину уходят и говорят, что нету, мол, в рязанской губернии никаких Баташёвых. Ну и с Владимиром так же.

Это было так неожиданно, что Николай расхохотался. Тётка поглядела на него с укором и покачала головой.

— Смешно тебе? Про Роксаново, чай, не слыхал?

— Нет. — Отсмеявшись, Николай вытер глаза рукой. — Что за Роксаново? Где это?

Из сада повеяло вечерней свежестью. Аграфена Тихоновна запахнулась в платок, сделавшись похожей на большую нахохленную птицу.

— Где-где, — ворчливо повторила она. — А нигде! Нету его больше.

Николай терпеливо молчал, ожидая продолжения, и Аграфена Тихоновна, отхлебнув из чашки, заговорила снова:

— Деревня такая была, недалёко от тех земель, что Баташёвы прибрали. Они на Роксаново глаз и положили. Всё уговаривали тамошнего барина, чтобы деревню им продал. А тот ни в какую. И вот однажды взял, да и сгинул барин.

Улыбка исчезла с лица Николая.

Аграфена Тихоновна вздохнула и подпёрла голову кулачком.

— Сгинул, — грустно повторила она. — Так и не сыскали. Сказывают, случалось такое с теми, кто Баташёвым дорогу переходил. Зазывали они его к себе, а потом его никто боле не видывал. А с барином тем чиновники потом приезжали, выясняли, что да как.

— А Баташёвы опять спрятались в другой губернии? — предположил Николай.

— Ни-и, — решительно мотнула головой Аграфена Тихоновна. — Тут не спрячешься. Андрей Родионыч иное уду мал.

Николай отодвинул чашку с блюдцем и внимательно слушал тёткин рассказ. А та продолжала:

— Принял он господ чиновных, как гостей дорогих. Накормил до отвала, спать уложил. Наутро встают, где, говорят, это ваше Роксаново? Разбираться, говорят, туда поедem. А Андрей Родионыч им: какое такое Роксаново? Никогда, мол, о таком не слыхивал. Те туда-сюда, взад-вперёд по округе ездят — и правда, нет никакой деревни, будто и не было отродясь.

— Неужто сжѣг? — вырвалось у Николая.

— Как так — сжѣг? — удивилась тѣтка его недогадливости. — А уголья? А земля выжженная?

— Так что он сделал-то? — нетерпеливо спросил Николай.

— Нанял людей — те деревню и разобрали. Сказывали, тыщи две человек пришло. Растащили всё по брёвнышку, да к Баташёвым и перенесли. И крестьян, понятно, с собой забрали.

Николай не удержался — снова фыркнул. Изобретательность и дерзость таинственного Баташёва вызывали симпатию.

Аграфена Тихоновна сокрушённо покачала головой.

— Вот ты веселишься, — с укором сказала она. — А ведь барина роксановского-то так и не сыскали. Ох, да что я... На ночь-то!

Она поправила пуховой платок на плечах, подлила ещё чаю и племяннику, и себе, и потянулась за очередной баранкой.

— От годы-то! Не могу уж баранки, не размочив в чае, есть. Ни тебе, ни Наталье не понять, и слава богу. — Она встрепенулась. — Натальюшка-то как?

— Сосватали, — улыбнулся Николай.

— Ишь ты! — тут же озаботилась Аграфена Тихоновна. — Жених-то хороший?

Николай слегка замялся. С Петькой Агаповым они дрались сызмала, и только позже он стал смекать, что давний недруг попросту показывал свою лихость перед Натальей. А может, и ревновал, считая, что рядом с таким защитником, как он, ей старший брат без надобности.

Аграфена Тихоновна, уловив заминку, забеспокоилась.

— Что молчишь? Али не так что?

— Да всё хорошо, тѣтя, не тревожьтесь, — сказал Николай. И проявил великодушие. — Хороший парень, смекалистый, в делах толк знает.

— А её-то любит? — подозрительно спросила Аграфена Тихоновна.

— Любит, — заверил Николай, у которого по памяти засвербило левое ухо.

— Вот и ладно, — успокоилась старушка. — А баранки-то, Николенька! Что ж баранки не ешь? И вот чаю ещё...

Беседа неспешно свернула к мирным семейным пересудам и уютным чайным воспоминаниям, и неясная тревожная тень, будто бы сгустившаяся над вечерней верандой, незаметно развеялась.

Чувство тревоги возвратилось под утро, когда Николая будто что-то подтолкнуло во сне. Он слез с кровати и подошёл к окну. Дощатый пол приятно холодил босые ступни. Над кронами лип поднималась молодая луна. Деревья в саду, казалось, чутко застыли, будто их едва не застигли врасплох за неведомым древним ритуалом. У Николая возникло странное ощущение — будто он улавливал присутствие чего-то таинственного, враждебного, и он не мог бы дать разумного объяснения этому чувству. Не было ни малейшего дуновения ветерка; листья липы, нависшие почти над самым подоконником, не шелохнулись, но Николаю показалось, что от забора, смутно виднеющегося в лунных лучах, к дому ползут зыбкие тени. Он отшатнулся от окна, залез обратно в постель и завернулся в одеяло, браня себя за разгулявшееся воображение.

«А ведь барина роксановского-то так и не сыскали», — вспомнился так отчётливо, словно прозвучал над ухом, укоризненный голос тётки. «Да мало ли... Припугнули — вот и сбежал», — сказал себе Николай, закрывая глаза.

Свежее, румяное утро, обещавшее перейти в знойный день, прогнало всё ночное волнение. И было это кстати, поскольку ехать Николаю предстояло как раз через баташёвские земли.

С отъездом, впрочем, пришлось повременить: Аграфена Тихоновна, истосковавшаяся по сестриной семье, упростила племянника задержаться на денёк, и Николай охотно согласился.

Днём он снова походил по торговым рядам, завернул в пару лавок, чтобы присмотреться. Потом забрёл в Татарскую слободу. Возле ханского мавзолея, где покоился Шах-Али, один из былых касимовских правителей, приметил он кучера

своего, Тришку, вместе с девкой из челяди Аграфены Тихоновны. Однако те исчезли так быстро, что Николая взяло сомнение: не обознался ли он. Но, как выяснилось дома, ошибки не произошло: тётка ворчала, что одну из девушек, Катьку, весь день где-то черти носили. Николай не стал выдавать ни её, ни Трифона: промолчал.

Эта ночь прошла без тревожных пробуждений: Николай проснулся, когда солнечный свет уже переливался за подоконник, а со двора доносился птичий гам.

Прощание с тёткой затянулось: Аграфена Тихоновна то и дело тащила к бричке гостинцы то для сестры, то для Натальи, бросалась «Николеньке» на шею и заклинала приехать ещё. Останавливать старушку у Николая не хватало духу, и в конце концов выехал он из Касимова уже за полдень.

Дорога утянулась в луга, окаймлённые лесом. Полуденный зной набирал силу, и лошадь медленно переставляла копыта по пыльной земле. Разморённый жарой Тришка не подгонял её. Когда рубаха на нём потемнела от пота, он сорвал на обочине пару лопухов, один из которых заботливо предложил барину. Так они дальше и катили, с головами, лопухами прикрытыми.

Тришка ударился в лирику.

— Был я вчера, барин, у басурманской масоли, — поведал он, глянув через плечо.

Догадавшись, что речь о мавзолее, Николай понял, что не обознался накануне.

— Там, говорят, не токмо хан, но и жена евонная похоронена, Сюбике.

— Сююмбике, — машинально поправил Николай.

— Сюбике, — согласился Тришка. — Любил он её, говорят, шибко. Больше жизни любил.

«Уж не Катька ли тебя просвещала?» — невольно ухмыльнувшись, подумал Николай.

Бричка медленно катила по узкой тропе. Высокие луговые травы то и дело свешивались на сиденье. Николай, не вставая с места, сорвал травинку и теперь неторопливо жевал её, закинув руки за голову и сдвинув лист лопуха на лоб.

— А вот она, рассказывают, от хана нос воротила, — продолжал Тришка. — Больно страшен был, говорят. Ухи отвислые, такие, что аж на плечах лежали. Куда ему такую красоту в жёны! Так ведь хан, всё-таки...

Николай улыбался, прислушиваясь к этой нехитрой философии. А Тришка не умолкал:

— Вот она и гнала его от себя, Сюбике эта. А хан ничего, терпел. Всё от неё сносил, от красоты своей. А после смерти, рассказывают, отплатил за всё.

— Это как же? — удивился Николай.

— Говорят, похоронить её в своей масоле велел, а имя на могиле писать запретил. Пусть мол, лежит, стерва, безымянная, будто и не было её вовсе на свете. Вот оно как бывает...

Тришка примолк. Николай, прищурившись, смотрел в светлое от зноя, будто выгоревшее небо. Над лугом кружил коршун. Завис в вышине, раскинув крылья, потом качнулся, словно толкнула его невидимая волна, и унёсся за узкую полосу леса.

— Вот она какая, любовь-то, бывает, — вновь задумчиво завёл Тришка. — А барин-то, что на Гусе живёт... Куды мы едем-то, знаете?

Николай замер. Он успел почти позабыть о Баташёве, и теперь внезапно ощутил неприятный холодок, словно запоздалая тень улетевшего коршуна накрыла его, загородив от солнечного тепла.

— Ты не о Баташёве ли? — спросил он.

— О них, о них, барин, — кивнул Тришка. — Я ведь, барин, о чём. Хозяин тутошний, говорят, на девке дворовой женился — так сильно полюбил.

— Ах, вот оно что, — сказал Николай.

Точно, Катька Тришке нарасказывала. Небось, мечтала, чтобы молодой хозяин, Степан, в жёны взял. А сама с Тришкой в слободу бегала. Ай, оторва.

— Точно, барин, как есть женился! — заверил Тришка, неверно истолковав иронию в голосе хозяина. И для пущей убедительности прибавил: — Матрёной её кличут.

— Матрёной так Матрёной, — покладисто согласился Николай, поудобнее устраиваясь на разогретом от солнца сиденье.

— Свезло, значит, Матрёне этой, — подытожил Тришка. И прибавил изменившимся голосом: — Не то что другим.

— Каким другим?

Тришка, прищурившись, смотрел на тянущуюся через луг дорогу, точно ждал, не появится ли кто навстречу.

— Барин тут, говорят, гостей потешить любит, девок в дом с деревень окрестных набирает. А наутро этих девок в тамошнем пруду вылавливают.

— Брось, — недоверчиво сказал Николай. — Что за потеха такая — девок топить?

— Да никто их не топит, барин. Сами топнутся, сраму не вынесши. Черти ведают, что там с ними творят. — Тришка перекрестился. — Лютый барин тут, сказывают. Лютый.

Тришка замолчал. Николай мысленно повинился перед Катькой. Если уж बारे тревожились из-за такого соседства, дворовой девке-то каково?

— А лопухи-то наши, барин, пожухли! — спустя несколько минут возвестил Тришка. — Эвон до рощи той докажем, так я там новых нарву.

До постоянного двора не доехали. На старом кособоком мостике, перекинувшемся через высохшую речушку, стряслась неприятность: проломилась одна из досок. Колесо брички провалилось в щель и застряло намертво. Николай, едва не вывалившийся прямо в сухое русло, кое-как выбрался на берег. Тришка ухватил лошадь под уздцы и принялся тянуть, но бричка не шелохнулась.

— Растудить твою! — пыхтя, причитал Тришка. — От же привела нечистая!

— Подтолкнуть? — вызвался Николай.

— Подтолкните, барин! — взмолился Тришка. — А то ни в какую!

Ничего не вышло. Едва Николай ухватился сзади за ось, как под ногами угрожающе затрещали доски. Пришлось отступить, чтобы не переломать ног.

— Что делать-то будем? — растерянно спросил Тришка, проводя пятернёй по кудлатой русой голове. — За подмогой, что ли, идти?

— Куда мы пойдём! — отмахнулся Николай.

Дорога впереди раздваивалась: узкая тропа ныряла в лес, путь пошире петлёй уходил в обход. А солнце уж опускалось за кромку деревьев, и из чащи к лугу сползалась тень.

За лесом вёрстах в трёх от злополучного моста должна была находиться деревня. И рядом — усадьба Андрея Баташёва. И кто знал, чего Николаю Овчинникову хотелось меньше — идти в темноте долгим путём в обход леса или углубляться в зловещую чащу. Близость лютого барина вселяла в сердце беспокойство, избавиться от которого в сумеречную пору оказалось не так-то просто.

— Останемся до утра, — решил Николай. — Еды у нас вдоволь — тётка только колодец нам с собой в дорогу не выкопала. А утром дойдём до деревни, попросим помощи.

— А ну как поедет кто? — Совестливый Тришка взмахом руки указал на перегороженный бричкой мост.

— Кто поедет, тот и поможет, — заявил Николай, снова осторожно взбираясь на мост и вытягивая из брички мешок с тёткиными гостинцами.

Тришка барской решимости не разделял. Он привстал на цыпочках, вглядываясь в лесную тропу, словно в надежде, что станет светлее.

— А вдруг лихие люди набегут? — жалобно спросил он.

— А ты о лихих людях в этих краях слыхивал?

— Не, — признался Тришка. — Токмо...

И он запнулся, призадумавшись, как бы истолковать собственную тревогу.

— Откуда лихие люди на земле у такого барина, — процедил Николай. «Лишь бы сам барин не нагрязнул», — прибавил он про себя, но вслух этого говорить не стал, чтобы не напугать Тришку ещё сильнее. И когда тот предложил косяк, от греха подальше, не разводил, чтобы дымом никого не накликать, охотно согласился.

Небо быстро темнело. Еле уловимый ветерок пригибал верхушки густых трав, и казалось, будто луг, склонив светлогривую голову, приглядывается к кому-то, приближающемуся из леса.

Тришка выпряг лошадь, стреножил её и пустил пастись. Потом занялся ночлегом для барина и для себя: добежал до леса, наломал еловых лап и рысцой, то и дело оборачиваясь через плечо, прибежал назад.

— Что, лешего увидал? — попытался пошутить Николай, которому и самому было слегка не по себе.

Тришка торопливо перекрестился и раскидал еловые ветки по траве. Николай набросил на лапник чуйку и вытянулся среди высокой травы.

«И чего я всполошился?» — спрашивал он себя. — «Мало ли про кого какие слухи ходят».

Наверное, истории о без вести сгинувших людях не казались бы такими правдоподобными и жуткими, не запомни Николай так живо то лицо, похожее на львиную маску, и пронзительный взгляд синих глаз. Наружность, конечно, и подшутить порой любит, и всё же про одних подобным слухам не поверишь, а про других узнаешь — и рука сама тянется осенить крёстным знаменiem.

Трава бесшумно покачивалась над головой, медленно растворяясь в чернеющей глубине неба. Ветерок вскоре стих, и даже лес в отдалении будто дремал в неподвижности. Веки потяжелели, и Николай сам не помнил, как его сморил сон.

Проснулся он, когда над ним сквозь стебли травы мерцали звёзды. В первые мгновения он сам бы не мог сказать, что его разбудило. Сонно мигая, Николай поднял голову, и только тогда уловил странный звук, доносящийся неведомо откуда.

Это был тихий стон — не слабый изначально, но будто приглушённый расстоянием или какой-то преградой. Николай сел рывком, и в тот же миг рядом кто-то хрипло вскрикнул. В свете звёзд над травой поднялась всклокоченная голова.

— Барин! — послышался жалобный голос Тришки. — Барин, ну и напужался-то я!

— Ты что это? — вырвалось у Николая. Отчаянно хотелось найти простое, обыденное объяснение происходящему — вроде ночного кошмара, заставившего Тришку застонать во сне. Но Николай уже понимал, что обмануть себя не удастся. Тришка медленно поднимался на ноги, а жуткий звук не смолкал.

Вокруг стонала земля.

— Ба-арин! — заблеял Тришка, пятась к хозяину.

Николай вскочил. Луг мягко золотился в звёздном свете. Лес застыл неподвижной тёмной громадой. И над всем этим полз тихий зловещий звук, словно поднимающийся из преисподней.

— Зверь? — как будто не своим, надломившимся голосом произнёс Николай, уже понимая, что и это объяснение не сгодится: стон, полный отчаяния и тоскливого призыва, мог сорваться только с человеческих уст.

— А-а-а! — тоненько заблажил Тришка, валясь на колени и истово крестясь.

Николай сорвался с места и бросился к бричке. Скользнул по краю моста, едва не сорвавшись в темноте, ухватился за задок повозки, и, не обращая внимания на треск, рванул что было сил.

Без толку.

— Запрягай! — закричал Николай, вцепившись в спинку сиденья. — Живо запрягай, говорю!

Тришка вскочил на ноги. Никогда ещё не доводилось ему запрягать лошадь так споро, да ещё в потёмках.

— Ну! — крикнул Николай, и, едва Тришка потянул лошадь вперёд, налёг на повозку со всей силой отчаяния.

Доски затрещали, полетели щепки, и бричка выкатила на уцелевшие доски.

Тришка метнулся было на козлы, но Николай за руку оттащил его обратно.

— Стой! Собери всё! — крикнул он.

Собирать было особенно нечего: чуйка да рогожа. Но Николай не хотел оставлять здесь ни малейшего своего следа. Ему мерещилась какая-то невнятная когтистая тень с вытянутой клыкастой мордой, которая учуяла бы его и поползла

вдогонку до самой Москвы, до уютного замоскворецкого домика с яблочным садом. Даже лапы еловые Николай разбросал ногами, и всё это — под неумолчный тоскливый плач, дрожащий над ночным полем.

Забросив вещи на сиденье, Николай и Тришка запрыгнули в бричку так поспешно, точно стонущая земля обжигала им ноги. Под отчаянное тришкино «Н-но!» лошадь рванула с места.

Николай и сказать не успел, что не надо сворачивать в лес: Тришка и сам шарахнулся от тропы, уходившей в непроглядный мрак, и погнал лошадь кружным путём. Так всегда оставался выбор: свернуть под защиту деревьев или, наоборот, умчаться на просторы луга, потянишь к ним какое лихо.

Лошадь, не слишком тратившая силы накануне, мчала резво. На ходу больше не слышны были стоны, и до Николая доносились только обрывочные слова молитвы, которую твердил всхлипывающий Тришка. Сам он накрыл ладонью образок Николы Чудотворца, висевший на груди, и просил святого, оберегавшего путников, чтобы тот защитил от кружащей рядом неведомой беды. Он не сомневался: стоит бричке остановиться — и вокруг вновь зазвучит тоскливый плач, и опасность ринется на них хищной птицей, и не будет тогда спасения от её когтей.

За очередным поворотом из темноты выступили очертания деревенских домов, за которыми возвышалась громада возведённого Баташёвыми Троицкого храма. Огромный, выше большинства московских церквей, он и при свете дня ошеломлял бы своей непомерной величиной, а сейчас и вовсе показался похожим на гору. Бричка пронеслась мимо, не останавливаясь. За храмом темнела полоса деревьев, и сердце у Николая ёкнуло: показалось, что именно там и должно таиться «Орлиное гнездо» — Баташёвское логово.

Под колёсами загрохотали доски: бричка выехала на мост. В серебристом свете заблестела поверхность пруда. Тришка, видимо, вспомнил утопившихся девок: вскрикнул, щёлкнул у лошади над ушами бичом и погнал ещё быстрее.

Дорога несколько раз изгибалась, уходя за лес, и лишь после третьего или четвёртого поворота беглецы рискнули

оглянуться. И только после этого Тришка натянул, наконец, поводья, останавливая бег утомлённой лошади.

Степан появился в Москве зимой, когда прочно лёг снег, и санный путь был лёгок. Приехал он по делам, но и родню навестил с радостью.

В день, когда ждали дорогого гостя, Евдокия Тихоновна, мать Николая, лишний раз обошла комнаты в сопровождении горничной; та несла поднос с раскалёнными углями. Маленькие окошки в доме не открывались, и таким нехитрым способом хозяйка «выжигала хворь» из комнат. Летом спасались охапками чистотела, собранного в замоскворецких оврагах.

К столу собралась вся семья, пришла даже Наталья. К тому времени она уже не только успела обвенчаться с Петькой Агаповым, но и понесла от него. Николай смотрел на её округлившееся, умиротворённое лицо и прощал былому недругу все детские и юношеские стычки. Пусть его, главное, что сестрице с ним хорошо и спокойно. Петька тоже явился. Хотя женитьба и придала ему видимой важности, в голубых глазах, задорно блесневших под русыми вихрами, ещё нет-нет, да плясали неугомонные чертенята.

— В Астрахань-то как, с толком съездил? — деловито расспрашивал он Степана.

— Поглядим, — отмахнулся Степан. Очутившись после долгой разлуки с роднёй, говорить о делах не шибко хотелось. — Мы вот летом с Николаем из-за этого разминулись. Николка, мать тебе кланяться велела: очень уж рада была повидать тебя.

— И ей поклон, — откликнулся Николай, с улыбкой вспоминая хлопотливую добрую тётушку. — Что у вас там нового?

О страшной ночи, проведённой в поле у «Орлиного гнезда», Николай и словом не обмолвился домочадцам. Тришка, может, кому и сболтнул, тем более что уговора непременно молчать между ними не было. Да только слыл Трифон знатным краснобаем, и сказку его в каком-нибудь кабаке, может, и выслушали, да повторять не стали. Посте-

пенно воспоминания сгладились, оставив лишь мутный осадок, наподобие того, который бывает после ночного кошмара. Николай почти убедил себя в том, что слышал вой какого-то зверя, доносящийся из леса. И сегодня, за столом в окружении родных, в мягком свете, падавшем через подёрнутое морозным узором оконце, не находилось места для пережитого мучительного страха.

От Степана узнали последние новости: сколько яблок собрали нынче осенью в касимовских садах, как размыло дорогами дорогу на Нижний, и как горшечник, поехавший в обход, едва не потонул со всем своим товаром в болоте.

— А так спокойно всё в наших местах, — заключил Степан. Примолк на мгновение, разглядывая столешницу, и покачал головой. — Только сосед наш... Не наш, то есть, а касимовский. Тот, что на речке Гусь.

В душно натопленной комнате повеяло холодом. Лицо Николая словно потускнело, но все глядели на Степана, и перемены в его настроении никто не заметил.

— Что за сосед такой? — спросила Евдокия Тихоновна, подливая Степану чая из самовара.

— Баташёв Андрей, не слыхали?

— Это у которого усадьба над Яузой? — оживился Петька. — Как не слыхать! Богатей, говорят, хоть царь у него одалживайся. Видно, чугунный завод — дело прибыльное.

Степан принял из рук Евдокии Тихоновны стакан и благодарно кивнул ей.

— Прибыльное? — переспросил он, мельком взглянув на Петьку. — Так-то оно так, да говорят, чугуном он не ограничился.

— А что ещё-то? — мягко любопытствовала Евдокия Тихоновна, обводя взглядом домочадцев и проверяя, не добавить ли ещё кому душистого чая.

— Деньжищ у него немерено, — сказал Степан. — Одну церковь такую выстроил, что аж до неба дотянуться можно. Николка, ты же там проезжал, сам, поди, видел?

Николай заставил себя кивнуть с улыбкой.

— Для него деньги — что песок, — продолжал Степан. — Вот и пошли слухи, что дело там нечисто. Знающие люди

в наших краях побывали, сказывали — похоже на фальшивомонетничество.

Евдокия Тихоновна перекрестилась.

— И похоже, там целый завод орудовал. Комиссию прислали — разобраться. И что вы думаете?

— Думаю, встретил их Баташёв, как обычно комиссии встречал, — улыбнулся Николай. — Матушка твоя сказывала. Как с Владимирской стороны приедут — он на рязанскую сторону уходит, а как с Рязанской — так, наоборот, во Владимирскую.

Его слова вызвали дружный смех за столом. Степан хмыкнул.

— Не, брат, тут комиссия повыше была, из самого Петербурга. Тут рязанцем али владимирцем не скажешься. Нет, всё по-другому вышло.

— И как же? — любопытствовал Петька.

— Принял у себя Баташёв ту комиссию, — сказал Степан. — А завод-то его фальшивомонетный, сказывают, под землёй находился. Искали его, искали — нет ничего. Да только и народу вдруг сгинуло немерено в ближайших деревнях. И пошёл слух, будто предупредили Баташёва из Петербурга о комиссии — он и замуровал свой завод вместе с рабочими.

Евдокия Тихоновна и Наталья ахнули. У Николая побелели губы.

— Как так — замуровал? — пробормотал Петька, враз утративший вдруг свою беззаботную лихость.

— Так живём и замуровал, — подтвердил Степан. — Поговаривают, люди несколько дней из-под земли стоны слышали, да поделать никто ничего не смел. Ведь тех, кто о заводе болтал, тоже не сыскали.

Наталья, качнувшись на лавке, привалилась к стене.

— Батюшки! — вскочила на ноги Евдокия Тихоновна. — Степанушка, да что ж ты страсти такие рассказываешь! Глянь вон, что натворил!

Петька засуетился вокруг жены. Горничная метнулась во двор, вернулась, набрав снега в рушник, и принялась прикладывать холодное Наталье к щекам. Николай, воспользо-

вавшись суматохой, набросил шубу на плечи и вышел на крыльцо.

День, ещё недавно такой яркий, уже поблёк, и тени от яблони сползали на утопанную дорожку. За забором скрипели полозья саней, вдалеке заливисто брехали собаки.

Степан шагнул к брату и притворил за собой дверь. Посмотрел внимательно, может, и хотел что-то сказать, да передумал.

— Степан, — произнёс Николай. — А если место точно знать, да раскопать? Тогда что?

— Ничего, — пожал плечами Степан. — Времени-то уже сколько прошло. Если и найдут мертвяков — мало ли, может, они там со времён Гришки Самозванца лежат.

— Да, верно, — пробормотал Николай, зябко кутаясь в шубу.

Про себя он решил, что за версту будет обходить нарядную звонкую усадьбу на Швивой горке.

— И ты вот что не забудь, — тихо сказал Степан. — Тех, кто языком болтал, самих теперь сыскать не могут.

Из дома донёсся голос Евдокии Тихоновны:

— Ребятюшки! Да что же вы там на морозе-то? Акулька! Грей самовар!

— Пошли, — коротко сказал Степан, и, положив брату руку на плечо, подтолкнул его к порогу.

СЕРЫЙ ИЗВОЗЧИК

I

— Всё! — объявил поручик Авдюхин, бросив карту на стол.

— Merde! — вырвалось у Александра.

— Ай-яй-яй, Тольский! — попенял Лещинский, племянник статского советника. Он как раз раскуривал трубку и говорил уголком рта. — На Кузнецком мосту находитесь — и по-французски! По-нашему, по-родному давайте, чай, не при дамах находитесь.

Илья Курослепов, младший среди собравшихся за картами, поднял на него веснушчатую физиономию и недоумённо захлопал белёсыми ресницами.

— А почему именно здесь-то? — удивился он.

— Поговаривают, градоначальника именно засилъе здешних французских салонов и подвигло на то, чтобы приказать все вывески на русский переписать. Для чего, сказал, Наполеона гнали, коли по всему Кузнецкому мосту сплошные бельвью развешены.

— А не сбежала бы Обер-Шальме с наполеоновским войском, так бы на вывеске и написала бы, как её в народе кличут, — хмыкнул Авдюхин. Он с довольной ухмылкой подгребал к себе выигрыш, и Александр Тольский уныло следил за его руками.

Курослепов повернулся уже к нему.

— А как именно? — любопытствовал он.

— Обер-Шельма, — ответил Авдюхин, вызвав у присутствующих взрыв смеха.

Александр тоже придал лицу весёлость и знаком велел половому плеснуть ещё водки. Лещинский, наблюдавший за ним, вынул трубку изо рта.

— Отыгрываться будете? — осведомился он.

Авдюхин бросил на приятеля предостерегающий взгляд. Вовремя: Александр, азарт которого подогревали водка и досада, едва не поддался.

— Нет. — Он вяло мотнул головой. — И так проигрался.

— А под расписку? — не унимался Лещинский. — Поручик, вы ведь примете у господина Тольского расписку?

Если что и выдало раздражение Авдюхина, то едва заметное движение бровей. В следующее мгновение его физиономия снова обрела обычную простодушную ясность.

— Что же я, крыса канцелярская — бумажками тешиться? Игра хороша, когда она живая. — Он оживился, точно ему в голову пришла внезапная мысль. — Лещинский, а сами-то партию не хотите?

На лице Лещинского тотчас появилось скучающее выражение. Он недовольно поджал и без того тонкие губы и повёл плечом, демонстрируя полное отсутствие заинтересованности. Стравливать других, что петухов, что собак, что картёжников казалось ему более увлекательным, чем ввязываться во что-либо самому.

Авдюхин пожал плечами и соорудил недоумённую гримасу, как бы говоря: «Ну, нет так нет!»

— И верно, Тольский, — вмешался Зыбин. — Проиграетесь ещё вчистую, как Серж Феофанов третьего дня. Давайте-ка я попробую.

И едва Александр выбрался из-за стола, проворно занял его место.

— Колоду! — закричал Авдюхин.

Александр начал пробираться к вешалке, где оставил плащ. Табачный дым вился клубами так, что его хотелось разгонять рукой. Из-за сизой завесы вынырнул половой с подносом, на котором лежала нераспечатанная колода.

— А что Феофанова не видно, кстати? — встрепенулся Курослепов.

— С тех пор и не видно, — подтвердил Лещинский и выбил пепел из трубки.

— Пьёт, поди, горькую, — сказал Зыбин. — Уходил, сказал — до дому бы добраться. Я ему предлагал свой экипаж, так ведь нет, отказался.

— Ну, на извозчика-то ему хватило, — заметил Лещинский. — Говорили, на экипаже укатил.

— Стало быть, с тех пор его и не видали, — огорчился Курослепов.

— Бог с ним. Протрезвеет — явится. Авдюхин, ну же?

Александр отворил тяжёлую дверь, и в лицо тотчас вцепился знобкий зимний ветер.

— Бывайте, Тольский! — прокричали из дымной глубины зала.

Александр махнул в знак прощания рукой и шагнул на улицу. Позёмка вилась под ногами, будто поскальзывалась на заледенелой брусчатке Кузнецкого моста. Холод цепко хватал за шею, задувал в рукава. При мысли о том, что придётся по такой погоде своим ходом добираться до Спиридоновки, Александр передёрнулся. Но выхода не было: при себе остались сущие гроши, а дома... А дома ждал пренеприятнейший разговор с батенькой насчёт того, на что развеивал непутёвый сын свою долю дядюшкиного наследства. «Подумать только: Александр Васильич! Имя сыну давал — как Суворов будет, думал! А ты...» На этом месте словесный родительский пыл, как правило, иссякал, и рара только молча тряс воздетыми к потолку руками, и лицо его жалобно кривилось, будто он надкусил что-то горькое.

— Подвезти, барин?

Александр вздрогнул. Лошадь, запряжённая в возок, казалось, подплыла к нему по снежной дымке — он и не заметил приближения извозчика.

Искушение забраться в возок и за считанные минуты очутиться дома было велико, да только в карманах звенело весьма скудно. Александр махнул рукой. Извозчик поравнялся с ним. Лица его в свете фонарей было не разглядеть, только серый тулуп с высоко поднятым воротом.

— Дорого не возьму, барин, — равнодушно, словно преодолевая скуку, проронил извозчик. — Десять копеек за всю дорогу, куда скажете.

Десять копеек и впрямь были ценой соблазнительной. Александр оглянулся. Неказистая лошадёнка серой масти, экипаж ей под стать. Куда с таким добром дорого брать.

— Ну что ж, подвези, пожалуй, — решил Александр.

Он взобрался на сиденье и запахнулся в плащ, стараясь загородиться от колкого снега.

— На Спиридоновку, третий дом по правой стороне, — распорядился он.

Извозчик кивнул и тронул поводья. Возок почти не подбрасывало на брусчатке, только мерно качало. Веки постепенно наливались тяжестью. Александр сложил руки так, чтобы за манжеты не пробирался холод, и задремал.

II

Он сам не мог бы сказать точно, что именно заставило его встрепенуться. Поначалу он сидел, равнодушно глядя в сгустившуюся темноту, потом прикинул, далеко ли до дома, и подивился тому, что возок слишком долго катит прямо. «В обход, что ли, повёз?» — пронеслось в голове. — «Да бог с ним, за сколько уговаривались — столько и получит, больше условленного не дам». Он пошарил в кармане и вытащил монету. Озябшие пальцы слушались плохо, гривенник выскользнул и со стуком упал на дно возка. Александр наклонился,

чтобы поднять его, и замер, когда в лицо неожиданно ударил резкий и тяжёлый крысиный дух, какой бывает после потравы. Как будто меж досок застряли мелкие звериные останки. Александр выпрямился, брезгливо морщась, и отодвинулся на самый край сиденья.

Возок как будто мчался быстрее. В обход они ехали или нет, но Спиридоновке давно уже пора было появиться. Александр в тревоге огляделся, чувствуя, как покидают его остатки хмеля. И тут по левую руку из темноты выступили очертания массивной громады, нимало не похожей на дома, облепившие Кудринскую площадь.

«Да это же Пугачёвская башня!» — оторопело понял Александр и замер, вцепившись в край возка.

Тёмная махина, вдоль которой мчался возок, могла быть только тюремным замком, но как они попали сюда, на северо-запад, когда должны были ехать на юг? Какой тут обход?!

— Эй! — встревоженно крикнул Александр.

Извозчик не оборачивался.

— Куда ты погнал, чёрт тебя подери?

Его будто и не слышали. А впереди замелькали огни. Лошадка — и откуда такая прыть взялась в неказистой кляче! — мчала прямо на них, и Александр, приподнявшись с сиденья, увидел крепостную насыпь, освещённую фонарём. Они приближались к Миусской заставе.

— Ополоумел ты, что ли? Останови! — Александр попытался ухватить извозчика за плечо, но покачнулся и повалился обратно на сиденье.

Возок стремительно пронёсся через заставу. На мгновение промелькнуло сонное, бесстрастное лицо часового. Это было даже не равнодушие — казалось, он вообще не видел, что мимо них кто-то проехал.

Александр снова попытался подняться. Теперь это было сложнее: возок начало шатать. «Ограбить хочет? — промелькнуло в голове. — Да что у меня брать-то?! Сам же понял, что при себе у меня почти ничего нет, раз за гривенник предложил довезти!».

Извозчик резко повернул направо, и Александр оцепенел, поняв, что они едут к Миусскому кладбищу.

Место слыло лихим с тех пор, как туда стали свозить чумных. Много историй рассказывали о том, как сваленные вповалку мертвецы выбирались ночами из земли и рыскали у кладбища в поисках редких прохожих. Ходили слухи, что там частенько пропадали люди, и потом никто не мог отыскать их следа.

«А что Феофанова не видно?»

«...на извозчика-то ему хватило»

«...на извозчике укатил»

«...с тех пор его и не видали»

— Сто-ой! — отчаянно закричал Александр, выпрямляясь во весь рост на бешено летящем возке и размахивая руками, чтобы сохранить равновесие.

Тяжёлые облака расступились. В лунном свете появились очертания недостроенной каменной церкви, которую принялись возводить на Миусском кладбище вместо прежней, обветшавшей деревянной. Возок резко вильнул в сторону, и Александра словно что-то подтолкнуло в спину. В тот краткий миг, когда бег возка чуть замедлился на повороте, он спрыгнул вниз и тяжело рухнул в сугроб.

III

Падение вышло неловким, перехватило дыхание. Снег залепил лицо, попал в глаза, и Александр забарахтался вслепую, пытаясь как можно скорее выбраться из вязкой ловушки. Наконец он поднялся на ноги. Кособокая луна выглядывала из-за облаков и освещала недостроенные стены храма, оцепленные лесами. В противоположной стороне, там, где в темноте проступали очертания могильных крестов, замер возок. Кучер, сидя на облучке, оглядывался, медленно поводя головой, будто принюхивался: заметил пропажу седока. Так принюхиваются крысы, возлагая больше надежд на чутьё, чем на зрение, и Александр застыл в безумной надежде на то, что его, стоящего на залитом лунным светом снегу, не заметят. Голова извозчика медленно повернулась в его сторону и оба замерли друг напротив друга. Даже на расстоянии можно было наконец разглядеть лицо над воротом тулупа, неестественно вытянутое вперёд, с маленькими глазами, похожими на высушенные, сморщенные ягоды. Человеческое, но лучше

бы оно было крысиным. Извозчик прыгнул вперёд. Александр с диким криком шарахнулся от него; ноги тотчас по колени провалились в сугроб, и он опрокинулся на спину. Он тотчас вскочил на ноги и увидел, что существо в тулупе мчится на него огромными прыжками, отталкиваясь обеими ногами одновременно.

Александр не помнил, кричал он или нет, когда, развернувшись, что есть сил побежал к церкви. Он расшвыривал снег, как мельничное колесо рассекает воду. И всё равно понимал, что не успеет. А если и успеет, то сможет ли его защитить ещё недостроенный храм?

За спиной тяжело обвалился снег; Александр обернулся на глухой шум, увидел вытянутую морду в каком-нибудь аршине от себя, отпрянул с диким криком и поскользнулся.

Падая, он взмахнул рукой и тыльной стороной ладони задел что-то твёрдое. Раздался негромкий, но гулкий звук, и растянувшийся на земле Александр увидел колокол, качнувшийся прямо над его головой. Звонница. Маленькая временная звонница под навесом стояла возле строящегося храма.

Тварь в тулупе замерла, пригнувшись.

Александр вскочил, ухватился за ближайший к нему колокол и изо всех сил качнул его, а потом, опомнившись, принялся отчаянно дёргать за верёвку. Извозчик сипло взвизгнул, повернулся и, низко пригнувшись, кинулся в темноту. Ни лошадёнки его, ни возка во мраке уже было не различить. А Александр, задыхаясь, теребил и теребил верёвку, пока колокольный звон не наполнил голову горячим мерным гулом, и засыпанная снегом земля не качнулась ему навстречу.

IV

Авдюхин навестил Тольского спустя дней десять после того, как того нашли в беспамятстве у Миусского кладбища, то есть, дня через три после того, как Александр пришёл в себя.

— Как ты очутился там? — дивился он. — Сам не помнишь?

В пятый или шестой раз за три дня Александр в ответ на этот вопрос отрицательно помотал головой.

— Не так много ты и выпил, вроде, — прикинул поручик. — Должно, у тебя тогда уже жар начинался.

Александр кивнул, полагая, что это лучшее объяснение случившемуся.

— В колокола зачем трезвонил, тоже не помнишь? — Авдюхин дождался отрицательного жеста и продолжил: — Ну и хорошо, что трезвонил. Люди-то сбежались, думали, беда какая. А то замёрз бы до утра. Кстати! Чтобы хворь из костей быстрее выгнать.

Он вытащил из мешка крутобокую бутылку рома и поставил её на стол у изголовья приятеля. Александр выдавил улыбку.

— Спасибо.

Поручик поднялся со стула.

— Пойду я. А то утомлять тебя беседами не велено. — Он повернулся к двери, но спохватился и оглянулся. — Да, Сержа-то помнишь?

По телу Александра пробежала дрожь. Он непослушными пальцами схватил край одеяла и подтянул к горлу.

— Феофанова, — уточнил Авдюхин. — Представь, так и пропал Серж. Всего-то перстень его нашли. Знатный у него перстень был, фамильный. Только потому что семейный, Серж его в карты и не прозакладывал. И тут, видишь ты, в кабак у лесных складов заявляется какой-то пьяный в дым пенёк червивый и пытается этим перстнем за водку расплатиться. Кабатчик, не будь дураком, скумекал, что такой перстенёк не на паперти подали, водки пеньку плеснул, а сам живёхонько послал мальчишку за кем надо. Забрали забулдыгу того, уж как стращали да выпрашивали, одно талдычит: нашёл, мол, перстень у чумных ям на Миусском кладбище. Что вас обоих понесло-то туда?

Александр развёл руками. Надежда, что случившееся окажется горячечным бредом, обрушилась, как наст под каблуком.

— Да бог с ним, — отмахнулся Авдюхин. — Авось, сыщется, как ты сыскался. Бывай, братец. Поправляйся скорее, а то играть скоро не с кем станет. Зыбин вон тоже, как продулся в четверг, так три дня неведомо где шляется.

И он вышел из комнаты, тихонько затворив за собой дверь.

ЧЕРТОПОЛОХ И МЯТА

I

Это был пучок мяты. Маленький, куций, обвязанный ниткой. Стеша сунула его Опанасу в руку у самой околицы, и он, разглядев подарок, торопливо сжал кулак: неровён час, остальные заметят. Поздно: углядели, черти. Тарас сначала радостно хмыкнул, а потом загоготал в голос. Стеша вспыхнула, как клюква, потупилась и припустила бегом к своему дому, а Тарас зычно оповестил приятелей, что Опанаса зазноба букетом одарила красоты несказанной.

Опанас огрызнулся, но вяло. И даже рассердился на Стешу: осрамила. Хотя тут же устыдился.

Беляков из банды Лисовца в станице сторонились, держались с ними почтительно, но пугливо. Бабы старались близко не подходить, мужики глядели исподлобья. А Стеша, молчаливая, конопатая, вдруг взяла да и не убежала, когда столкнулась с Опанасом у колодца. Тот помог ей крутить тяжёлый ворот и, вытягивая ведро, заглянул девушке в глаза: они у неё синие оказались...

Узнал бы Стешин батька, что она с хлопцем из банды дружбу свела, дух бы из неё выбил. А она вот не побоялась. Как пронёсся слух, что беляки в холмы собрались, прибежала среди дня. Догнала отряд да наспех собранный оберег милому в ладони вложила.

— Это мята, — прошептала. — От нечисти защитит. Там, в холмах, места злые, нехорошие.

И убежала, так больше ничего и не сказав.

II

— Ты за ухо, за ухо букет заложь, — веселился Тарас. — Или к рубахе приткни. Пушай все видят!

— А ты напаяль себе на голову то ведро, что тебе вчера бабы под ноги выплеснули, — огрызнулся осерчавший Опанас, и гогот Тараса утратил бойкость.

Злосчастный пучок мяты Опанас едва не выбросил, но тут же раздосадовал на самого себя за то, что поддался дурацким насмешкам. И спрятал оберег за пазуху.

Село давно скрылось из виду. Дорога вилась среди холмов, поросших пожелтевшей от солнца травой. Монотонный звон кузнечиков убаюкивал.

Путники встрепнулись, когда Левонтий, возглавлявший отряд, свернул с дороги. Это означало, что место, присмотренное для схрона, уже близко.

Последние месяцы банде везло. Станицы на пути попадались сытые, зажиточные. От награбленного пухли тюки и трещали борта телег. Настала пора задуматься, где укрыть добро. Тем более что красные то и дело цеплялись, как блохи к собачьему хвосту. Не хватало ещё им хоть грош оставлять. Лают на богатых — вот пущай сами без порток и расхаживают.

Место, чтобы схоронить добычу, выбрали ещё пару дней назад. Доложили Лисовцу, тот сам съездил, одобрил. Холмы тут были невысокие, чужака издалека заметно. А местный люд здесь ходить не любил, особенно затемно. Кое-кто из хлопцев, как про то услышал, наотрез ехать отказался. Ну и пошли к чёрту. Без них найдётся кому дело справить.

— Здесь, — сказал Левонтий, прыгнув с седла и ударив ногой по небольшому бугру, поросшему чертополохом. — Земля мягкая, рыхлая. Выкопаем — камнями прикроем.

И он указал на камни, виднеющиеся на склоне холма белёсыми проплешинами.

Тарас сплюнул сквозь зубы:

— Чертополох, поди, вырвать надо.

— Ручки побережь решил? — огрызнулся Левонтий. — Лопату возьми да выкорчуй.

Дело шло к вечеру, злой дневной жар уже спал, работа шла легко. Дотемна будут рыть, здесь заночуют, а поутру прикроют яму с добром сухой травой да поедут обратно. С собой горилка есть, сало, картошка — в земле запечь. Хорошо будет ночью...

III

Лопата Тараса стукнулась обо что-то твёрдое. Он глянул под ноги и помянул разом мать, лешего и деревенского попа.

— Чего там? — крикнул Левонтий.

— Башка, — кратко пояснил Тарас. Потыкал лопатой, ещё забористой выматерился и уточнил: — Человечья.

Все сгрудились вокруг него. Точно: из песчаной земли выступил череп, лежащий оскаленной челюстью вниз. Ещё несколькими взмахами лопат расчистили остальные кости.

— Кто ж так покойника зарыл? — удивился Опанас. — Вниз лицом-то?

— Птенец ты ещё, — сказал Левонтий. — Колдун это. Их всегда напереворот хоронили, чтобы из могилы не вылазили.

— Может, ну его? — осторожно проговорил Осип Трёхпалый, топчась за спинами приятелей. — Зароем обратно, в другом месте яму выкопаем.

— Я те покажу «зароем»! — прикрикнул Левонтий. — Слыхал, что Лисовец приказал? Здесь будем рыть! А что колдун закопан, так то и хорошо: местные не сунутся.

— Так что же мы, под ним рыть будем? — удивился Тарас.

Левонтий скрипнул зубами на такую непонятливость. Отобрал у Тараса лопату, поддел череп и одним махом откинул его на дюжину шагов.

Кто-то шумно вздохнул. Осип заскулил, прижимая к себе трёхпалую руку.

— Чертополох-то не зря посажен был, — жалобно сказал он. — Он колдуна из земли не пушал.

— Думаешь, чертополох здесь нарочно сажали? — хохотнул Левонтий, отбрасывая прочь очередную порцию костей. — Да он тут повсюду торчит. На!

Он ткнул лопату в руки Тарасу.

— Продолжайте. Раскидайте кости, чтобы особо заметно не было. Хотя вряд ли кто из местных сюда сунется.

Тарас молча взял лопату и замахал. Кости, на иных из которых ещё болтались истлевшие остатки одежды, разлета-

лись по склону холма. Часть отряда стояла молча. Другие, так же не говоря ни слова, принялись помогать.

IV

Разговорились позже, когда развели костёр и от угольев потянуло печёной картошкой. Солнце скрылось, последние отблески заката растворились в тёмной густой синеве, и на смену им явились тяжёлые южные звёзды. Кузнечики уже давно смолкли, и неясные шумы и шорохи невидимых луговых зверьков разгоняли тишину.

— Хрен с ними, с местными, — начал Тарас, откусив кусок сала. — Красные бы не напозли.

— Откуда им тут взяться, — отмахнулся Левонтий. — Слыхали, в двух днях пути отсюда всё тихо.

— Это когда докладывали?

— Да вчера к Лисовцу вестовой приезжал... Что там?

Он встрепенулся и оглянулся на лошадей. Те встревоженно ржали и били копытами.

Левонтий встал, прислушивался с минуту, а потом снова опустился на землю.

— Зверьё полевое, — сказал он. — Ничего, к огню не сунутся. Так вот, сказывали, что мы пока в станице оставаться можем. Всё тихо.

— Кое-кто рад, поди, — хохотнул Тарас.

Опанас стиснул зубы. Он уже почуял, к чему клонится разговор. Пучок мяты так и лежал у него за пазухой, пожухший и сморщенный. Собрался уж выкинуть, да наткнулся пальцами на нитку, представил, как заботливо скручивала Стеша свой оберег, и рука не поднялась. Чёрт с ним, пушай лежит, каши-то не просит.

— Опанас! А Опанас!

Тарас хрюкнул, и голова его упала на плечо Опанаса.

А потом покатилась дальше и очутилась на земле, тараща на огонь глупыми раскрытыми глазами. Изо рта так и свисал надкушенный шматок сала.

Опанас застыл, глядя на голову, и даже не слышал, как заголосили все вокруг. Может, видел, как кто-то вскочил, да

не запомнил. Только на этот дурацкий шмат сала, прилипший к губе, и смотрел.

Вскочил Левонтий, потянув из-за пояса маузер. Палил, яростно оскалась, пока вперёд не протянулась костлявая, иссохшая рука, проткнувшая его насквозь, как горячий нож протыкает масло. Некоторое время Левонтий висел на этой руке, вяло подёргиваясь, а потом застыл и упал наземь, как мешок из-под муки.

Опанас вышел из оцепенения, когда рядом с ним шмякнулась оторванная трёхпалая рука. Он поднял голову. Старик, похожий на скелет, обтянутый бурыми жилами, бесшумно бродил за костром. У его ног уже лежало два или три скрючившихся тела. Ещё кто-то, судорожно молотя по воздуху руками, пытался от него. Старик скакнул вперёд, пригибаясь. Что-то тяжело повалилось на землю, взметнулся и смолк всхлипывающий крик, и до Опанаса донеслось сытое урчание.

Крестов хлопцы Лисовца не носили. Принесённое красными безверие оказалось удобным в деле грабежа. Развязывало и руки, и душу. Опанас позабыл об этом. Несколько мгновений водил плохо слушающейся рукой по шее, пока не вспомнил, что спасительной цепочки с крестом там больше нет. И тогда пальцы ткнулись в пожухлые листья мяты.

V

Колдун медленно приближался к нему, но остановился, когда Опанас вытащил чахлый Стешин подарок и выставил перед собой. Выпученные глаза без век и ресниц блеснули то ли насмешливо, то ли удивлённо. Старик сел напротив Опанаса возле костра, где горела, поднимая вокруг удушливый смрад, рука Осипа, и уставился на него в упор. Опанас не смел даже шевельнуть ногой, чтобы откатить оторванную руку от огня. Сидел неподвижно, загородившись пучком травы, и молился, чтобы ни один листок не вывалился.

Ещё трудно было не упасть самому. Руки и ноги неме-ли, голова кружилась. Но впереди шерился в улыбке безгубый зубастый рот и злобно горели бесцветные глаза.

Опанас несколько раз покачнулся. Один раз едва удержался от мучительного искушения взвиться на ноги и бежать: это произошло, когда старик, не сводя с него глаз, цапнул из огня обгорелую руку и вгрызся в неё с громким чавканьем. Удержало одно: повернуться к колдуну спиной оказалось ещё страшнее, чем смотреть на его пиршество. Старик мусолил Осипову руку, вертя её то так, то эдак, и продолжал глазеть на Опанаса.

Спасла летняя пора — время коротких ночей. На небо Опанас не смотрел, но почувствовал, когда оно стало светлеть. Старик перед ним вскинулся, злобно зыркнув по сторонам. А потом вдруг пружинисто скакнул куда-то прочь и скрылся из виду.

Лишь тогда Опанас с тихим воем повалился на землю, а потом, всё ещё стискивая в кулаке вялый пучок мяты, вскочил и, спотыкаясь на бегу, кинулся к лошадям.

VI

Петро, Стешин батька, вопреки тревогам Опанаса, даже браниться не стал. Сидел на лавке у хаты, ероша пятернёй седые волосы, и думал. Девка-то у него неказистая, когда на неё ещё кто позарится. Хлопец, правда, чумной, ей под стать: влетел в село спозаранку, всполошил всех воем, а сам до Стеши добежал, ткнулся ей в подол да так и сидит, часа два почитай. Ну что с них теперь взять-то, а? Придётся беляка в оборот брать, чтобы от венца отвертеться не думал. А про банду пускай забудет: семейному мужику такие дела не положены. Петро покачал головой, снова поскрёб в затылке, поднялся и пошёл к соседу.

— Ну а схрон-то что? — спросил тот, выслушав всю историю.

Петро пожал плечами, перегнал травинку из одного угла рта в другой и безразлично сказал:

— Там всё. Может, сыщёт Лисовец того, кто ему всё обратно выкопает. Да только кто туда теперь сунется?

ЯВЛЕНИЕ ТЁТИ СТЕФАНИ

I

Родители сочли Берни недостаточно большим, чтобы ехать на похороны тёти Стефани, но вполне взрослым, чтобы остаться дома одному. Накануне мама долго висела на телефоне, узнавала, будет ли гроб закрытым, и ещё почему-то спрашивала про какой-то паровой каток. Берни ничего не понял, но выяснять не стал: он был слишком занят перспективой завтра спокойно разложить железную дорогу посреди гостинной, проведя рельсы вокруг ножек стола. Из-за тёти Стефани он не очень переживал, потому что видел её всего три или четыре раза, и она с ним почти не разговаривала. Главным образом он помнил большую синюю шляпу, на которой сбоку красовалась огромная матерчатая пуговица. Берни ещё долго раздумывал, для чего она нужна.

В этой самой шляпе тётя Стефани и явилась через час после того, как родители уехали. Она сама открыла калитку, и Берни, отпирая входную дверь, думал, как бы ей объяснить, зачем уехали родители и что сейчас её здесь быть не должно. Конечно, он помнил передачу, которую показывали по телевизору зимой: в горах нашёлся альпинист, которого уже перестали искать. Но того альпиниста никто не ездил хоронить. Словом, случилось что-то непонятное.

— Родители уехали? — не здороваясь, спросила тётя Стефани так, словно заранее знала ответ.

— Уехали, — ответил Берни. Держать гостью на пороге было невежливо, и он посторонился, пропуская её в дом. — Заходите, пожалуйста.

Тётя Стефани шагнула в коридор, при этом животом толкнув мальчика.

— Папа с мамой поехали что-то там узнавать про паровой каток, — продолжил Берни, хотя его больше ни о чём не спрашивали. Но он подумал, что тётя может понять намёк и тогда она что-нибудь объяснит.

— Глупости какие! — презрительно фыркнула тётя.

Она стояла, молча глядя на него сверху вниз, будто чего-то ждала. Только тогда он спохватился, вспомнив, что делали мама с папой, когда заходил страховой агент или кто-нибудь из соседей.

— Хотите чаю? — спросил он.

Ему вдруг стало неуютно от мысли, что тётя может не захотеть чаю. Тогда она дальше примется смотреть на него с высоты своего роста и молчать, а он не будет знать, что делать. И, не дожидаясь ответа, он прошмыгнул на кухню.

У плиты Берни остановился. Где лежат спички, он знал. Но с родителями был чёткий уговор: они не прячут спички, а он не берёт коробок без спроса. Если он спросит тётю Стефани, это будет в счёт? Теряясь в раздумьях, он вытащил из шкафа вазочку с печеньем. По крайней мере, это уж точно можно сделать. Предложит печенье, а сам тем временем подумает, как быть с плитой.

Берни повернулся к двери. Тётя Стефани стояла на пороге, загораживая ему выход из кухни и молча глядя на него из-под полей синей шляпы.

Берни замер, прижимая к себе вазочку.

— Не надо чаю, — сказала тётя.

Что ж, хотя бы о плите можно было не думать. Берни бочком протиснулся мимо гостьи в коридор и быстро направился в гостиную. За его спиной слышались шаги. Тётя Стефани вошла в комнату за мальчиком и грузно опустилась на стул.

Берни поставил вазочку с печеньем посреди стола. Повернулся, чтобы сказать обычное: «Угощайтесь, пожалуйста», но слова застряли у него в горле.

Железная дорога. Его железная дорога, разложенная посреди комнаты. Пара витков рельсов огибала ножки стола. Родители обычно ворчали, когда он так делал: они всё время опасались наступить на паровоз. Тёте Стефани это тоже не могло понравиться. Ей вообще не должна была нравиться игрушечная железная дорога. На весеннем пикнике она и на бадминтонные ракетки-то смотрела, поджав губы.

Гостья сидела, поставив ноги в синих матерчатых туфлях в паре дюймов от рельсов, и не сводила глаз с Берни. Тот, совсем смешавшись под её взглядом, уставился на паровоз.

Тень от паровоза падала на её туфлю. От самой тёти тени не было.

Берни не разрешали смотреть ужастики. Не то чтобы запрещали, а просто говорили, что ему это пока ни к чему. Но иногда их смотрела его кузина Дейва, в гости к которой он часто ходил по выходным. И кое-что Берни знал.

— Тогда я принесу знаете что... — сказал он, мучительно вспоминая, что ещё может понадобиться из того, что есть на кухне. Что угодно, из-за чего можно было бы выйти из

гостиной! Идея пришла в голову совершенно внезапно. — Папино вино.

II

Он выскочил из гостиной. Идея с вином была не просто спасительна, она была гениальна! За вином надо было выйти не на кухню, а во двор.

Берни на цыпочках подбежал к двери, протянул руку и замер: ключа не было.

Он посмотрел на пол, на крючок, где папа держал запасной ключ от гаража, на тумбочку для газет. Ключа нигде не было.

Без особой надежды Берни схватился за ручку и толкнул её. Дверь оказалась запертой. Должно быть, тётя Стефани повернула ключ и вынула его, пока он бегал на кухню.

«Может, конечно, она сделала это машинально, — подумал Берни, пытаясь не паниковать. — Но всё же, почему от неё не было тени?..»

Он повернулся и, прыжком проскочив мимо открытой двери в гостиную, побежал в свою комнату.

— На надо вина, — успела крикнуть вслед ему тётя, но Берни сделал вид, что не расслышал.

Он быстро снял с подоконника коробку с солдатиками и цветочный горшок, взобрался на стул и, поднявшись на носочки, дотянулся до щеколды на раме.

В соседней комнате скрипнул стул и что-то лязгнуло. Наверное, это тётя Стефани, вставая, задела железную дорогу.

Берни торопливо задёргал тугую щеколду, при этом ногой зацепил коробку с солдатиками, переставленную на стол. С грохотом ружейного залпа маленькие пехотинцы и кавалеристы грянулись об пол и разлетелись по комнате. На мгновение Берни оцепенел, ошеломлённый их предательством, а потом рванул щеколду что было сил. Она подскочила, больно придавив ему палец, и створка качнулась вперёд. В коридоре послышались шаги.

Берни, отчаянно спеша, перелез через подоконник, ноги его повисли в пустоте. На несколько мгновений он замер. Шаги стихли на пороге комнаты, и Берни, зажмурившись, разжал пальцы.

До земли, оказывается, было всего чуть-чуть, и он не ушибся, хотя и шлёпнулся, потеряв равновесие. Но в следующую секунду он уже летел к погребу, не слыша ничего вокруг и понимая, что ни за что на свете не решится обернуться.

Погреб обычно запирался только снаружи, и то не всегда, чаще он был просто прикрыт. Но именно там Берни сумел спрятаться так, что Дейв с другими ребятами не могли найти его целых полчаса, пока не закричали, что сдаются.

Мальчик скатился вниз по ступеням и спрятался за старой металлической бочкой. Если сжаться в комочек, то она загораживает целиком.

Он уселся на каменный пол, обхватив руками колени. Это погреб. Такие, как тётя Стефани, не ходят по погребам. Они считают, что в таких местах живут крысы, мокрицы или ещё какие-нибудь лягушки.

Наверху заскрипела дверь, и Берни зажмурился. Пол был холодным, но надо было терпеть и не шевелиться. Вообще не двигаться, даже дышать совсем тихо. И тут тётя Стефани догадалась сделать то, до чего не додумались ни Дейв, ни остальные мальчишки. Она щёлкнула выключателем.

— Я тебя вижу, — сказала она.

Берни осторожно приоткрыл глаза и уставился на освещённую стену. Прятавшегося мальчика выдала его тень, и она сидела совсем рядом, возле тени от бочки.

По ступеням зашлёпали шаги. Берни сжался в комочек, не сводя глаз с собственной тени. Он знал, что тётиной тени возле неё не окажется. Она появится без предупреждения.

И когда шаги шлёпали по камню уже совсем рядом, Берни выпрямился, как пружина, и, со всей силы толкнув пустую бочку туда, где должна была находиться тётя Стефани, кинулся к лестнице.

Сзади загрохотало, и тётя резко что-то выкрикнула — наверное, выругалась. Берни не оборачивался. Он бежал, чувствуя, как сзади что-то падает и гремит, а потом, когда он уже добрался почти до самого верха, споткнулся, зацепившись за что-то пряжкой от сандалии. Отчаянно рванувшись, он высвободился и выскочил на свежий воздух.

III

Осеннее солнце показалось ослепительным после искусственного света в каменной яме. Берни захлопнул за собой дверь погреба, краем глаза успев увидеть, как по садовой дорожке кто-то бежит к нему со всех ног.

Дверь изнутри толкнули, и Берни навалился на неё плечом, цепляясь непослушными пальцами за массивный засов.

— Дай-ка я, малыш!

Сайлас Кроули, живший через два дома, подхватил засов и ловко продел его в пазы за секунду до того, как по двери изнутри яростно застучали кулаками. Берни сполз на землю. А мистер Кроули похлопал морщинистой рукой по крыше погреба, нашёл замок со вставленным ключом, о котором Берни уже и не помнил, и привесил его на задвижку. Всё это происходило под непрекращающиеся толчки и удары в дверь. Но теперь тётя Стефани могла колотиться об неё хоть до посинения. Или до возвращения родителей. Если гроб всё-таки будет открытым, они же увидят, что её там нет? А если гроб окажется закрытым, то они только подождут, пока его закопают, и поедут обратно. Да они, может, уже возвращаются.

Берни уселся на край каменной площадки рядом с мистером Кроули. Тот, видно, всё-таки поволновался и теперь сидел, покачивая седой головой, и сокрушённо вздыхал:

— Вот же ведьма!

Берни не ответил, осматривая свою сандалию. Она удержалась на ноге, и это казалось ему очень важным. Он ни за что не хотел бы, чтобы в распоряжении тётки Стефани оказалось хоть что-то, связанное с ним.

— Чистая ведьма! — повторил мистер Кроули, попробовал усмехнуться, но вместо этого зашёлся долгим сухим кашлем, похожим на треск ореховой скорлупы.

Берни замер, глядя на его башмаки, тоже не отбрасывающие тени, а перед глазами вставал осенний день год назад. Они как раз выезжали на улицу, чтобы отправиться на утренник, а на обочине, через два дома от них, стоял фургон похоронной конторы. Мама на секунду выпустила руль, чтобы похлопать сына по руке: «Что поделаешь, Берни. Мистер Кроули очень тяжело болел».

ДЯДЯ ДЖОРДЖ

I

— Современные кресла — это совсем не то, — изрёк дядя Джордж, удобно вытягивая ноги. — Сейчас больше думают о том, чтобы мебель выглядела оригинально. Комфорт в классическом понимании никого не волнует. А ведь в кресле должно быть спокойно, как в гнезде.

Сэнди с трудом сдержал улыбку. Дядя Джордж меньше всего походил на птицу в гнёздышке. Скорее он напоминал вальяжного белого медведя.

А насчёт кресла Сэнди был с ним полностью согласен. Вообще-то оно досталось ему случайно. Для кабинета дяди Патрика купили новую мебель, и мягкое серое кресло с высокой спинкой хотели отдать Кори. Но тот заявил, что ему это неандертальское убожество ни к чему. Дядя Патрик и тётя Лиз колебались, стоит ли выносить на свалку добротную вещь, и тут им на глаза попался Сэнди...

— Кстати, о комфорте, — встрепенулся дядя Джордж и кивнул на кровать. Через спинку был переброшен чёрный плащ с пластиковой застёжкой в виде тыквы. — Очень удобная вещь, почему ты его не надел?

Он с беспокойством поглядел на окно.

— Все ребята уже обходят соседей. Ты не из-за меня задержался?

Сэнди покачал головой. Он не хотел ничего говорить, но дядя Джордж сразу заметил, как у него потухли глаза.

— А почему тогда?

Сэнди вздохнул.

— Видишь ли... Есть одна проблема.

II

Четверть часа тому назад проблема сунула Сэнди под нос кулак и пообещала вышибить все зубы, если он нажалуется тёте Лиз. Проблема приходилась Сэнди кузенном и зва-

лась Кори. Предупреждение насчёт жалоб было излишним: разговаривать на такие темы с тётей Лиз не имело смысла. В ответ неизменно раздавалось одно: «Учись сам решать свои проблемы». Это жизненное кредо бесследно исчезало, когда на что-то жаловался сам Кори. Тут тётушка воинственноправляла тугой пучок волос и шла разбираться хоть в школу, хоть на стадион.

Нет, дело было не в том, что о сыне тётя Лиз заботилась, а о племяннике нет. Просто она не допускала мысли, что её чадо может быть изрядной скотиной.

Раньше, когда их семьи встречались только по праздникам, Кори держался довольно мирно, хотя не упускал случая похвастаться новым планшетом или ещё чем-нибудь в этом роде.

Всё стало гораздо хуже, когда родители Сэнди уехали в Африку, оставив сына у тёти Лиз. Вот тогда Кори ясно обозначил, кто тут хозяин. Его место у телевизора не займи, роликовые коньки на любимую полку не поставь... Но на всё это Сэнди бы плюнул, если бы братец не вздумал насмехаться над работой его родителей.

— Это прошлый век, — втолковывал он кузену, выждав момент, когда рядом окажется побольше одноклассников. — Сейчас этим никого не удивишь.

Сэнди в голову не приходило кого-нибудь удивлять.

Он просто восхищался родителями, отправившимися наблюдать жирафов в заповедник, и не сомневался: однажды они возьмут его с собой, а потом он и сам начнёт ездить в экспедиции.

— И где ты видел зоологов в таблоидах? — со снисходительной жалостью спрашивал Кори. — Либо ты хочешь добиться популярности, либо занимаешься всякой хренью.

III

Сэнди считал дни, оставшиеся до приезда родителей. Те собирались вернуться ближе к Рождеству, и оставшиеся полтора месяца заранее казались ему тёмными и муторными. Радовало одно: далеко не у всех, кто слышал разглагольствования Кори, на лицах появлялось одобрение. Многие поглядывали

вали на Сэнди с любопытством и тихонько расспрашивали его, не собирается ли и он отправиться в какое-нибудь путешествие.

Но Кори старался водить дружбу только с теми, кто смотрел ему в рот. Чаще всего он торчал с Чарли Бруком. Они мечтали разработать собственную игру-стрелялку и зашибить на ней кучу бабок. Чарли перерос на голову всех одноклассников и крепко раздался в плечах. Кори полагал, что по статусу ему подходит такой телохранитель. Чарли ничего не имел против: деловитый приятель казался ему настоящим авторитетом. И появление Сэнди он воспринял как вызов.

В Хэллоуин всё пошло наперекосяк именно из-за Чарли.

Сэнди заранее приготовил костюм, в котором собирался обходить дома в поисках угощений. Это был красивый чёрный плащ и шлем в виде тыквы. Угораздило же его опрометчиво оставить шлем внизу, в гостиной. Чарли зашёл за приятелем, увидел тыкву с тесёмками и, узнав, кому она принадлежит, скривился, будто надкусил лимон:

— Что-о, этот лох с нами потащится?

Кори мигом решил проблему: слетал наверх в комнату Сэнди и доходчиво растолковал, что ходить с ними не надо. А чтобы кузен не попробовал настоять на своём, свистнул его ключ и запер дверь комнаты снаружи.

IV

Дядя Джордж так негодуяюще взмахнул рукой, что чуть не слетел с кресла.

— Негодай! — возмутился он.

Это было самое резкое слово из его репертуара. Иногда он ещё говорил «говнюк», но только одними губами. Сэнди всегда угадывал, что имелось в виду, и хохотал. Дядя Джордж использовал нехорошее словцо, чтобы рассмешить племянника. Но раз сейчас оно не прозвучало, значит, дядя разозлился и расстроился всерьёз.

— И они забрали мой шлем-тыкву, — грустно подытожил Сэнди.

В его ушах до сих пор стоял насмешливый голос Кори, донёсшийся из гостиной: «Возьму-ка я эту штуку, пожалуй!

Зачем ей пропадать!» Потом в прихожей что-то говорила тётя Лиз, а Кори громко ей ответил: «А он не хочет!» — и громко захлопнул за собой дверь.

— Если бы они оставили тебя со мной, а не с Лиз, всё было бы по-другому, — с горечью сказал дядя Джордж.

Сэнди тяжело вздохнул: он и сам не раз об этом думал. Дядя Джордж был старше отца на шестнадцать лет, но Сэнди всегда воспринимал его как своего собственного старшего брата.

— Увы. Случилось то, что случилось, — мрачно сказал дядя Джордж и вытащил из кармана пиджака трубку.

В первый миг Сэнди вздрогнул: не ровён час тётя Лиз учует дым. Доказывай потом, что это не он курил. Но тут же вспомнил, что дыма можно не опасаться.

Дядя Джордж просто держал трубку во рту и успокаивался на глазах.

— Видишь? — спросил он. — Вот как важна сила привычки.

— А как ты её достал? — полюбопытствовал Сэнди.

Дядя Джордж пожал плечами:

— Сам удивляюсь. Ты не клал её мне в гроб?

Сэнди покачал головой.

— Возможно, она лежала в кармане пиджака, в котором меня похоронили, — сказал дядя Джордж. — Неважно. Главное, что она по-прежнему приводит в порядок нервы.

И тут его глаза блеснули, как бывало, когда они с Сэнди сговаривались тайком от родителей сходить на футбол.

— И проясняет мысли... — произнёс дядя Джордж, вставая. — Подожди-ка меня...

Он шагнул к двери, но сразу остановился.

— Опять привычка! — посетовал он. — Ведь теперь всё гораздо проще.

Он подошёл к той стене, в которой было окно, и исчез в обоях.

V

Дядя Джордж вернулся минут через двадцать.

— Не сразу их нашёл, — пожаловался он, снова забираясь в кресло. — На улицах полно детворы.

— Дядя Джордж, — осторожно произнёс Сэнди. — А что ты сделал?

— Видишь ли, — туманно проговорил дядя Джордж. — Хэллоуин — очень важный праздник. Люди, которые находятся здесь, даже не представляют насколько. Нельзя мешать его праздновать. Это очень дурной проступок. Духи Хэллоуина к этому относятся очень серьёзно. Словом, я... принял меры.

Сэнди открыл было рот, но спросить ничего не успел. Снизу раздался утробный рёв, в котором только человек с богатым воображением узнал бы голос Кори. Потом пронзи-

тельно заверещала тётя Лиз, послышался срывающийся, виноватый басок Чарли.

— Патрик! Сэнди! — визжала тётя Лиз. — Врача! Кто-нибудь вызовите врача!

Сэнди испуганно оглянулся на дядю Джорджа: тот улыбался. Ободрённый этим, Сэнди подошёл к двери и потряхнул её.

— Я заперт! — прокричал он. — Откройте!

Лишь через пару минут дверь распахнул дядя Патрик, всклокоченный и бледный.

— Ты зачем заперся? — пробормотал он и, не дожидаясь ответа, побежал вниз по лестнице.

Сэнди оглянулся на дядю Джорджа. Тот кивнул и подмигнул ему. Сэнди выскочил из комнаты и тоже поскакал вниз по ступенькам.

VI

Кори сидел на диване посреди гостиной. Шлем по-прежнему был у него на голове, но прорези для глаз и рта как-то странно дёргались.

— Мы с парнями пытались снять, но никак... — ныл Чарли, топтавшийся рядом.

— Не трогай! — взвизгнула, пролетая через гостиную, тётя Лиз.

Она подбежала к телефону и схватила трубку:

— Доктор Уайт!..

— Я уже вызвал! — проревел дядя Патрик, выскакивая из кухни.

Тётя Лиз бросила трубку и метнулась к Кори.

— Сыночек... Да как же это случилось?!

— Это его тыква! — завопил вдруг Кори, тыча пальцем в Сэнди.

— Ты сам её захотел! — пожал плечами тот. — «Чтобы зря не пропадало». А что, голова застряла?

Вместо ответа Кори снова завыл. Прорезанный рот тыквы при этом странно изогнулся, и до Сэнди наконец дошло, что его шлем вдруг обзавёлся собственной мимикой. А ещё у него таинственным образом пропали завязки. Он сидел на плечах у Кори так, как будто прирос к ним.

— Я пойду, — неожиданно тонким голоском пискнул Чарли и бочком двинулся в сторону выхода.

Словно в ответ на его мысли дверь распахнулась, и на крыльце появился доктор Уайт. За спиной у него виднелись какие-то люди. Уличную темноту прорезала фотовспышка.

VII

Бригада спасателей отбыла, так и не сумев ничего сделать. Никакого шлема на нём не оказалось. Ни у кого не вернулся язык сказать, что он врос Кори в голову. Поэтому постановили, будто это его собственная голова раздулась и деформировалась так, что превратилась в подобие тыквы. Доктор Уайт сказал, что это редчайший вид аллергии. И теперь Кори увозили в больницу.

Дядя Патрик и тётя Лиз метались по дому в поисках бумажного пакета, достаточно большого, чтобы нахлобучить Кори на тыкву. Дети, на глазах у которых шлем прирос к их приятелю, успели раззвонить новость по всему городку, и теперь на газоне у дома паслась кучка журналистов.

Кори сидел на диване и тоскливо поскуливал. Сэнди устроился на пуфе напротив и внимательно смотрел на него. Доктор Уайт вколол кузену что-то антиаллергенное, и тыква на нём слегка побледнела. Когда Сэнди поделился с братом этим наблюдением, тот, вместо того чтобы обрадоваться, снова разревелся.

На языке у Сэнди вертелось: «Учись сам решать проблемы», но он удержался, ведь его собственную проблему помог решить дядя Джордж. Поэтому он постарался утешить кузена как мог.

— Не переживай, — подбодрил он Кори. — Наверное, это твой лучший шанс стать знаменитым.

БАРОНСКИЙ ЗАМОК

— Черви козыри! — объявил барон Густав фон Адельгейм и обвёл взглядом маленькую компанию, собравшуюся за столом. — У кого шестёрка?

— Как будто никто не видит, что у меня, — хмыкнул Ральф, сын барона, молодой человек с вечно разлохмаченной рыжеватой шевелюрой.

— Зачем ты так, — укорила чадо баронесса, не утратившая к своим сорока годам ни свежего цвета лица, ни юношеской веры в то, что все её проделки сходят незамеченными. — Все играют честно.

— Ой, ладно вам, матушка! — отмахнулся Ральф и обернулся к четвёртому игроку, худощавому господину с блестящими живыми глазами и аккуратно подстриженными бачками. — Это только в вашу, Вольдемар Аркадьич, честь родители по правилам играют, а обычно жульничают напропалую.

— Так уж и «обычно», — беззлобно обиделся фон Адельгейм. — Ну, бывает, заметишь одним глазком карту-другую. Но ведь только ненароком. А ты сразу — «жульничают»!

— Не слушайте вы его, Вольдемар, — попросила баронесса. Гость из далёкой России приходился ей дальним родственником по материнской линии, и она, не чинясь, называла его по имени. — Ральф просто от скуки изображает из себя злюку.

Ральф ухмыльнулся и уставился в карты.

— Да вам, дорогие мои, здесь и скучать-то, поди, негде, — отозвался Вольдемар Аркадьич. — Это в Расее-матушке, пока до ближайших соседей доберёшься, десять раз соскучишься. А у вас всё близко, всё рядышком. До ближайшего замка рукой подать.

— Лучше бы этот замок находился подальше, — вздохнул барон, шлёпая десятку поверх положенной Ральфом восьмёрки.

Вольдемар Аркадьич вопросительно поднял бровь.

— Конкуренция, — объяснил Ральф. — У них каждый день по шесть-семь групп проходит, а мы порой целыми днями постимся. Ворота уже полгода починить не на что.

— Вон, слышите? — подхватила баронесса. — Первая группа, а ведь уже далеко за полдень.

До комнаты и в самом деле доносился отдалённый шум шагов и громкий, пронзительный голос экскурсоводши.

— Если позволите моё мнение высказать, — изрёк Вольдемар Аркадьич, — так это не соседи ваши виноваты. Видели, какая у них экскурсоводша?

— Тёмненькая такая? — оживился Ральф.

— Она самая. Весёлая, приветливая, благожелательная... Не то что ваша, простите меня, астролбия.

— Работы мало, плата невеликая, — вздохнул барон. — Тут не попривередничаешь. Которая согласилась, ту и взяли.

— Замкнутый круг, — подытожил Ральф.

Шум шагов приближался.

— А сейчас переходим в следующую комнату! — провозгласил визгливый женский голос.

Компания за карточным столом уставилась на ввалившуюся толпу туристов. Группу из дюжины человек возглавляла экскурсоводша Сусанна. Нескладная, с бесформенным бледным лицом и с глазами навывкате, она смахивала на рыбину, вывалянную в муке. Экскурсанты, таскавшиеся за ней по двум этажам замка, выглядели изрядно утомлёнными; мальчик в джинсах и пиратской бандане явно тосковал и раздумывал, куда бы прилепить жвачку.

— В этой комнате владельцы зала принимали гостей. Не путать с бальной залой! — рывкнула она так, словно туристы потребовали у неё оркестр. — Здесь собирались небольшие компании для душевных бесед. Вы видите перед собой столик. Это для игры в карты. Вот это колода.

— Надо же, а мы как раз гадали, что это, — вполголоса пробормотал один из туристов, стоявший ближе к двери.

Сусанна сверкнула на него очками и продолжила всё тем же надрывным голосом:

— Миниатюрные портреты хозяев на стенах подчёркивают интимность обстановки. Вот перед вами владелец зам-

ка... — Сусанна повернулась к портрету барона и кокетливо взмахнула бесцветными ресницами. — Густав Фридрих фон Адельгейм!

Портрет был написан, когда барону едва стукнуло тридцать. На картине Густав фон Адельгейм ещё не обзавёлся животиком и не утратил изрядной части волос. Увы, Ганс Штайн, художник, создавший этот замечательный образ, вскоре запил настолько сильно, что не мог ровно провести кистью по холсту. За неимением более поздних работ семейного живописца, Адельгеймы вывесили на стенке то, что есть.

— Это семья барона: его сын Ральф и супруга Мария. — Сусанна скривилась, разглядывая портрет баронессы. — Как видите, дама ничем не примечательная, есть основания полагать, что брак был мезальянсом.

Баронесса вытаращила глаза.

— Ну, знаете! — возмутился её супруг.

— Как есть астролбия, — вздохнул Вольдемар Аркадьич. — Менять её надо.

— Ханна! — крикнул Ральф, поворачиваясь к двери. — Заходи, раз всё равно подслушиваешь! Думаешь, тебя за дверью не видно?

Ханна, дородная служанка Адельгеймов, оторвалась от замочной скважины, выпрямилась и шагнула в комнату.

Пару сотен лет назад кузен барона Густава, обуянный желанием заполучить в своё распоряжение фамильный замок Адельгейм, подмешал отраву к жаркому, готовящемуся для всего семейства. В тот же вечер сей суетный мир покинули не только Густав, Мария и Ральф, но и Ханна, придержавшая порцию для себя. Надо отметить, что воспользоваться незаконно обрётённым добром злокозненный кузен не успел. Сразу после похорон Адельгеймов и их служанки он явился в замок, чтобы осмотреть унаследованные владения, и услышал странный шум, доносящийся с кухни. Кузен зашёл туда и увидел, что всё преставившееся семейство шарит по полкам буфета и заглядывает в котлы, пытаясь найти причину своей внезапной кончины, а Ханна стоит рядом, вытирая глаза передником, и твердит, что все продукты были свежими. Кузен помер прямо на пороге, а Адельгеймы больше никому на гла-

за не показывались. Другие встретившиеся им привидения объяснили, что первое время явиться людям легко, но дальше, чтобы стать видимыми, нужна серьёзная причина, вроде сильного волнения.

— Астролябия, она самая, — пробасила Ханна, упирая руки в бока и окидывая экскурсоводшу неприязненным взглядом. — А вчера она хозяйкину шаль примеривала, ту, с цветочками, что в будуаре хранится.

— Примеривала мою шаль? — переспросила потрясённая Мария. — А теперь ещё и говорит подобные вещи о моём происхождении? Густав! — Она повернулась к мужу. — Поставь, наконец, нахалку на место! Явись ей, напомни, кто здесь хозяин.

— Да что ты, дорогая! — Густав замахал руками. — Как же я ей явлюсь, когда меня при одном её виде в дрожь бросает! Возмущённая Мария отвернулась.

— Переходим в следующую комнату! — рявкнула Сусанна.

Туристов в тот день больше не было, и это избавило семейство от повторного созерцания Сусанны. К вечеру Густав и Ральф увлекли Вольдемара Аркадьича на прогулку по окрестностям. Мария, сославшись на меланхолию, осталась дома. Она сидела у себя в будуаре, раскладывая пасьянс.

Замок пустел. Билетёр запер дверь кассы и укатил на велосипеде; Мария слышала, как прогрохотали колёса по обитому железом мосту. Она полагала, что в доме не осталось ни одной живой души, кроме смотрителя, как вдруг дверь отворилась и на пороге возникла Сусанна.

Она прошествовала мимо нахмурившейся Марии, сгребла шкатулку на столике, и вытащила оттуда высокий гребень с резными цветами.

— Положи на место, выдра, — процедила Мария. — Это подарок тётушки Клары.

Сусанна подошла к зеркалу и воткнула гребень в свои патлы. Мария невольно фыркнула, увидев результат. Экскурсоводша, впрочем, осталась вполне довольна.

— Ну что, барон? — пропела она, поворачиваясь к портрету молодого Густава, стоящему на каминной полке. — Я-то получше буду, чем эта белёсая!

Она покосилась на портрет Марии, стоявший рядом, и высунула язык. Это было уже слишком.

— А ну отдай, ты, рыбина снулая! — закричала Мария, возникая перед ней.

Она выхватила гребень из волос Сусанны, попутно смахнув с той очки.

Экскурсоводша и без очков разглядела разъярённую баронессу, стоящую перед ней с занесённым гребнем. Мария выглядела несколько старше своего изображения на портрете, но не узнать её было нельзя. Сусанна застыла на несколько мгновений, а потом издала пронзительный вопль, согнавший голубей с карниза, и, закатив глаза, рухнула на пол.

— Совсем другое дело, — заметил Вольдемар Аркадьич, одобрительно глядя на улыбчивую девушку с тёмными кудряшками, шедшую по двору замка во главе группы туристов — третьей за сегодняшнее утро. Ральф болтался возле экскурсантов.

— Вот что значит немного рекламы! — усмехнулся барон. — Мария, дорогая, так как же, всё-таки, тебе это удалось?

Мария с загадочной улыбкой пожала плечами.

В замок, где экскурсоводше явилось привидение, туристы повалили толпами, и его уже взяли на заметку фирмы, работающие с иностранцами. Управляющий подумывал о расширении штата: Луиза, взятая экскурсоводом вместо срочно уволившейся Сусанны, просто сбивалась с ног.

«Надеюсь, новые экскурсоводши удостоят своего внимания Ральфа, а не моего мужа» — подумала она, глядя, как её сын безуспешно пытается придержать дверь перед Луизой.

Однако она тут же помрачнела, вспомнив, что на последнем портрете, написанном спивающимся Штайном, её отпрыску всего лишь три года.

МАКС

Метель завывала и бросала пригоршни колкого снега в заледеневшее окно. Представляете, как кружат снежные вихри, заносящие дорожку к дому? Санта-Клаус, корпевший над письмами, представлял себе это очень хорошо. Именно так сейчас кружилась его собственная голова.

Санта-Клаус тяжело вздохнул, снял очки и принялся протирать их, сокрушённо цокая языком. Надо же было до такого дойти: чтобы в разгар зимы, в домике за Полярным кругом, очки запотели! И ничего удивительного. Санта неодобрительно покосился на гору писем, завалившую массивный дубовый стол.

— Раньше мне казалось, что это я превращаюсь в ворчливого старого брюзгу, — поделился он со своим помощником — эльфом, сидевшим по другую сторону стола. — В одного из тех, что вечно сетуют на нынешнюю молодёжь и утверждают, что они, мол, были не такими. Но если год за годом приходят сначала десятки, а потом и сотни писем с очень странными просьбами, то, наверное, считать, что изменился я один, было бы несколько самонадеянно?

— Что за просьбы? — деловито спросил эльф, вскрывая очередное письмо.

— Вот. — Санта-Клаус поднял торжественного вида лист гербовой бумаги. По листу разбегались печатные буквы, нескладные, как паучки с разным количеством лапок. — Это от сына кандидата в сенаторы П.: «Дорогой Санта, подари мне, ПАЖАЛУСТА, победу папы на выборах в следующем году. Макс».

Эльф фыркнул.

— Тебе смешно, — пожаловался Санта. — А у меня, между прочим, никакого Макса в списках не значится. У этого П. только дочка Анна, и она уже попросила домик для кукол.

— Действительно, странно, — призадумался эльф.

— Или вот. — Санта-Клаус взял ещё одно письмо. — Между прочим, с той же улицы, где живёт этот П. «Милый Санта, подари мне, пожалуйста, велосипед, лучший, чем у мальчишки в доме напротив». Одному ребёнку подавай победу на выборах, другому — не просто хороший велосипед, а непременно чтобы лучше, чем у кого-то другого... А ведь скольким детям-сиротам хотелось бы иметь какого угодно папу, вовсе не обязательно сенатора! Нет, положительно, людей начинают радовать какие-то странные вещи.

— Да, пожалуй, — пробормотал эльф, вчитываясь в новое письмо. Внезапно его уши встали торчком. — Погодите-ка! А на какой улице живёт мальчик, которому нужен велосипед?

— На улице Солнечного Пригорка, дом три.

— Ну, вот, а у меня письмо с той же улицы, только из дома четыре: «Санта, пожалуйста, я очень хочу велосипед, лучший, чем у мальчишки в доме напротив».

— Чудесно! — Санта-Клаус поставил локти на стол и подпер голову ладонями. — И как же нам выполнить эти просьбы?

— Санта... — осторожно проговорил эльф, вертя письмо в руках. — А может, в этом году стоит нанять дополнительных помощников?

— Я и сам об этом думал, — оживился Санта-Клаус. — А у тебя есть кто-нибудь на примете?

— Н-ну... — неуверенно начал эльф.

— Отлично! — перебил его просиявший Санта. — Тогда поручаю тебе улицу Солнечного Пригорка.

Эльф вздохнул. Пора, наконец, усвоить, что даже не службе у доброго рождественского духа инициатива бывает наказуема.

В полупустом баре гремела музыка. Искусственные снежинки из фольги, покачивавшиеся под потолком, походили на настоящий снег не больше, чем топчущаяся на сцене девица с фальшивой косой и в короткой шубке смахивала на Снегурочку. Гоблин, сидевший у стенки на вертящемся табу-

рете, целомудренно потягивал лимонад через соломинку. Когда на соседний табурет вскарабкался эльф — тоже с бокалом лимонада, — гоблин только повёл в его сторону глазами изпод жёсткой непослушной чёлки.

— Привет, — сказал эльф, неловко озираясь по сторонам и пытаясь придать голосу грубоватую хрипотцу. — Ты это... подкузьмить хочешь?

— Что? — изумился гоблин, выпустив из зубов соломинку.

— То есть, это... подсуропить.

— Подкалымить, — подсказал гоблин, сообразив, в чём дело. — Говори нормально, всё равно никто, кроме меня, не слышит.

— Ты мне не поможешь? — Эльф отбросил попытки изобразить крутого авторитета. — Понимаешь, у Санты в этом году дел невпроворот. Мы не справляемся. И мне нужен помощник на новогоднюю ночь.

— Ну, ты даёшь, — хмыкнул гоблин. — И ты обратился за помощью к нечистой силе?

— А что делать? — жалобно сказал эльф. — Светлые-то все в эту ночь заняты, а рук всё равно не хватает. А с тобой мы, вроде, приятели...

Раздался оглушительный хлопок. Гоблин и эльф подпрыгнули и обернулись. Фальшивая Снегурочка на сцене ухитрилась задеть воздушный шарик пряжкой на сапожке, и теперь пыталась, не прерывая песни, стряхнуть с ноги поникший резиновый лоскуток. Впрочем, поскольку пела она под фонограмму, особо можно было и не стараться.

— Так и быть, — сказал гоблин, снова разворачиваясь к приятелю. — По старой дружбе. Если уж на то пошло, мне самому неохота сидеть без дела в новогоднюю ночь. Так хоть скучно не будет.

— Это я тебе обещаю, — заверил его эльф.

На улице Солнечного Пригорка царила тишина, лишь время от времени нарушаемая отдалённым грохотом фейерверков. Было далеко за полночь, и дома погрузились в сон. В

окнах мерцали только разноцветные ёлочные гирлянды, придававшие заснеженной улице таинственное мягкое освещение.

По мостовой неспешно топали две фигуры в шапочках, отороченных мехом. Из-под обеих шапочек торчали острые уши и выбивались непослушные вихры, из-под одной — чёрные, из-под другой — серебристые. Ночные гости тащили большой мешок и два велосипеда.

— Нечистая сила — грубая рабочая сила, — выдохнул гоблин, останавливаясь перед домом с цифрой «3» на фасаде и ставя велосипед на землю. — Сказал бы сразу, что тебе просто нести это всё тяжело.

— Дело не в тяжести, — покачал головой эльф. — Велосипеды — это как раз самое простое. Одному мальчику нравится красный цвет, другому — синий. Подарить им одинаковые велосипеды, но разного цвета — и каждый будет считать, что лучший велосипед достался именно ему.

— Тогда в чём проблема?

— В следующем заказе. Сейчас всё объясню, давай только разберёмся с мальчишками.

Приятеля подхватили по велосипеду и потащили их в дома. Спустя несколько минут они снова встретились посреди улицы.

— Теперь вот это. — Эльф ткнул пальцем в особняк кандидата в сенаторы. — Это и есть самое сложное.

— Почему? — любопытствовал гоблин. — Вроде бы, девчонка попросила самый обычный кукольный дом, вот он, в мешке.

— С ней-то всё ясно, — отмахнулся эльф. — Вот в чём заковыка.

И он протянул товарищу письмо таинственного Макса. Гоблин прочитал и расхохотался.

— Ты что, знаешь этого Макса? — удивился эльф.

— Нет. Но я знаю политиков. — Гоблин ткнул письмо ему в руки. — Что, сам не понял? Нет никакого Макса. Этот кандидат в сенаторы всегда мечтал иметь сына, а у него родилась дочь. И ещё ему очень хочется победить на выборах. Вот он и позволил себе помечтать в новогоднюю ночь и о по-

беде, и о заботливом сынишке. Видишь, даже имя ему выдумал.

— Хорошие дела! — Эльф в сердцах топнул ногой. — Мы же не можем оставить заявку невыполненной! А как её исполнишь, если этого Макса на свете никогда не было?

— Вот что. — Гоблин положил руку ему на плечо. — Ты очень мудро поступил, что ко мне обратился. Так что, тащи девчонке её кукольный домик, а уж об этой заявке я сам позабочусь.

— Никогда! — стонал эльф, обхватив голову руками. — Никогда больше не буду обращаться за помощью к гоблину!

— Да ладно тебе! — отмахнулся гоблин. — Заявка-то выполнена.

— Но это же не велосипед! И не кукольный домик!

— Ему тоже нужен домик, — заметил гоблин. — И гораздо больше, чем кукле.

Эльф умолк и в отчаянии уставился на дом кандидата в сенаторы, хорошо видный с башни, на которой они сидели.

Служанка сенатора, услышав в предрассветную пору дверной колокольчик, вышла на крыльцо и обнаружила у порога люльку с мирно посапывающим младенцем. К одеялу была приколота записка с одним-единственным словом: «Макс».

Суматоха понемногу улеглась, точнее, переместилась в дом, куда хозяйка, кутавшаяся в тёплую шаль, унесла младенца. Кандидат в сенаторы, завёрнутый в халат, ещё немного потоптался на крыльце, растерянно озираясь по сторонам, а потом тоже скрылся за дверью. Эльф нервно комкал в руках пушистую шапочку. Гоблин ухмылялся.

— Угадай, кстати, за кого проголосует большинство, если станет известно, что этот П. усыновил подкинутого в новогоднюю ночь малютку!

ЧЕСНОЧНЫЙ ДОМ

I

Дед Илие слыл выжившим из ума. Отказался уезжать из родной деревни, даже когда остался там совсем один. Только его дом обошла стороной неведомая хворь.

— Не мор это никакой, — твердил дед. — Упырь лютовал. Если бы не чеснок, он и до меня бы добрался.

Чесноком зарос весь сад. Им было заправлено любое мало-мальски пригодное блюдо. Кажется, только чай избежал этой участи. Чтобы пройти от калитки к крыльцу, несколько раз приходилось перешагивать через барьер из тонких зелёных побегов. Понятно, что болезнь, выкосившая деревню, обломала зубы об Илие, пропитанного фитонцидами.

Чесноком дедово хозяйство и ограничивалось. За едой старый Илие катался к посёлку у железнодорожной станции. Вытаскивал из сарая шаткий велосипед, набрасывал на спину выцветший рюкзак и уезжал спозаранку, чтобы вернуться дотемна.

Василе привёз деду продукты из города. Но главной целью его визита было не это: семья предпринимала очередную, уже практически безнадежную попытку уговорить старика бросить полуразвалившуюся лачугу.

Как и прежде, Илие решительно замотал головой:

— Сказано было: не уеду.

— Да откуда не уедешь-то? — не выдержал Василе. — Всё вот-вот развалится!

— Главное — чеснок держится, — заявил дед, и Василе мысленно схватился за голову.

— Дед, — устало сказал он. — В городе чеснок не нужен. Поехали, а?

— Не могу. Кто указатель стеречь будет?

Это было что-то новое. Василе насторожился.

— Какой ещё указатель?

— Дорожный, — ответил дед. — Ты от станции сюда как попал?

— Автобусом до развилки, а оттуда пешком.

— На развилке указатель не видел?

Василе пожал плечами.

— Там стрелка, — сказал дед. — Она на город указывает, до него ещё с час добираться. А когда стрелку поворачивают, она сюда ведёт. Люди в лес и въезжают. Если с утра, то ещё могут проскочить. А если затемно, то всё, конец. Упырь сожрёт.

Василе тяжело вздохнул. Конечно, упырь. Следовало догадаться.

II

Наутро Василе разбудила возня. Дед шуровал в сених. Когда Василе босиком пришлёпал из комнаты, оказалось, что Илие собирается в дорогу.

— Указатель надо проверить, — пояснил он.

— Дед, подожди меня, а? — сказал Василе. — Я сейчас соберусь, вместе сходим.

Досада пересилила в нём желание снова завалиться спать. Гораздо больше хотелось прийти вместе с дедом к целому и невредимому указателю и растолковать старому упрямцу всю нелепость его фантазий.

На дороге было безлюдно. В кронах деревьев пели птицы, согретые солнцем. Дед бодро вышагивал по растрескавшейся глине — брать велосипед он не стал. Василе оставалось только дивиться его прыти. Сам же он невольно поддался очарованию погожего утра, и раздражение полностью развеялось к тому времени, как они добрались до цели.

Указатель Василе вспомнил. Конечно же, вот тут он и стоял, возле автобусной остановки, старый, поблёкший, с облезшей краской. Только стрелка была направлена не на асфальтированную дорогу, ведущую к городу, а на глинистую тропу, по которой они шли.

Василе задумчиво скрёб в затылке, а дед подскочил к столбу и, крикнув, привычным движением развернул указатель в сторону города.

— Всё, — сказал он, отряхивая руки. — Вовремя успели. Видел — на дороге следов машины нет. Никто, значит, не успел попасться. Теперь до завтра тревожиться не о чём.

Он зашагал обратно так же бодро, как шёл к развилке.

Василе мысленно попрощался с мечтой привезти деда в город. Всё, что он мог сделать, — это худо-бедно подлатать хижину, чтобы та не разваливалась на глазах.

III

В сарае сыскались почти не тронутые ржавчиной гвозди и молоток. Василе почти весь день поправлял покосившийся карниз и латал просевшее крыльцо. Солнце уже уползало за деревья, когда он, взяв кувшин с сидром, устроился за садовым столиком. Дед примостился на лавочке напротив.

— Ты себя особо не изводи, — посоветовал он. — Главное, чтобы чеснок не переводился. Не то прорвётся. Тогда конец.

— Кто прорвётся? — машинально спросил Василе.

— Упырь, — сказал дед. — Изголодал он, и на меня зуб за то имеет. Видишь, как зыркает.

Он мотнул головой в сторону забора, и Василе невольно глянул в ту же сторону. За оградой стоял человек в заношенном тёмном пиджаке, сидевшем как-то неловко, будто доставшемся с чужого плеча. Незнакомец был очень бледный. Это была бледность растения, вечно спрятанного от солнечного света, бледность ущербная, холодная, сырая. На белесоватой коже почти отсутствовали морщины, по крайней мере мимические. Казалось, это существо никогда не щурило глаза, не растягивало губы в улыбке.

И ещё оно не моргало. Странная белесоватая тварь стояла возле калитки и смотрела на Илие и Василе так, как смотрит уставший после работы покупатель на полки с продуктами в магазине.

Неподвижность гостя была неестественной. Василе отделяло от ограды несколько метров, но он готов был побиться об заклад на что угодно: это существо не дышало.

— Видишь, — послышался спокойный голос деда Илие. — Голодный: даже полной темноты не дождался. Если бы не чеснок, добрался бы он до нас с тобой.

Василе судорожно сглотнул и повернулся к деду.

— Да это просто бродяга какой-нибудь, — пробормотал он. Илие хмыкнул.

— Бродяга. Лет десять здесь шляется.

Василе снова обернулся. Тварь водила рукой возле калитки, но не прикасалась к ней: на деревянных перекладинах висела гирлянда чеснока.

Василе неловко поднялся, едва не смахнув кувшин.

— Дед, пошли в дом, — сипло произнёс он.

IV

Он не представлял, как окажется трудно повернуться к твари спиной и сделать несколько шагов от столика до крыльца. Когда захлопнулась дверь дома и лязгнул засов, стало легче.

— Может, это сумасшедший какой-то? — Разум упорно продолжал искать объяснение увиденному.

— Ему хитрости не занимать, — покачал головой Илие. — Он и тварюг своих подсылал, меня из дома выжать пытался. Не вышло.

— Каких тварюг?!

— А нетопырей, — сказал Илие и направился на кухню. — Целая стая тут вилась. Только и они через чеснок не перелетели. Видно, тоже мёртвой крови перепились.

— Постой, дед. — У Василе вырвался нервный смешок. — Они же, я читал, заражают этим... вампиризмом. Как же у вас вся деревня в упырей не обратилась?

Илие выглянул из кухни.

— Так обращались, а ты как думал? Только новые упыри — они не такие живучие, а я в ту пору ещё в силе был. По-тыкал их кольями осиновыми, и дело с концом. А этого не ухватить: он матёрый. И новую добычу, оголодав, видно, стал подчистую сжирать, потому другие упыри и не заводятся.

— Что же он не уберётся отсюда, раз ему жратвы не хватает?!

— Могила у него тут где-то, — сказал дед. — Он от неё далеко уйти не может. И зарыт, видно, в лесу, а то и вовсе в болоте утоплен. Пойти искать — так дотемна точно пробродишь, а ему того и надо.

Василе осел на пол и обхватил голову руками. Дед вернулся на кухню и загромыхал там кастрюлями.

V

Ночью Василе проснулся от странного чувства — будто что-то холодное толкнуло его в бок. Открыв глаза, он приподнялся на локте и посмотрел в окно.

Тварь стояла в поле, за дорогой. Белёсое лицо было видно так отчётливо, будто оно отражало лунный свет. Васи-

ле понимал, что снаружи, да ещё с такого расстояния, невозможно разглядеть ничего в тёмной комнате. И всё же он явно ощущал, что незнакомец его видит. Василе передвинулся на кровати. Упырь повернул голову и снова уставился на него.

Несколько часов Василе трясся, вцепившись в старое шерстяное одеяло и не смея поднять головы от подушки. Попытки заснуть увенчались вялым успехом, только когда на подоконник легли первые отблески утреннего света. Сон был тревожный, зыбкий, и всё же уход деда Василе пропустил. Когда он вылез, протирая глаза кулаком, в коридор, оказалось, что Илие уже вернулся из своего ежедневного похода.

— Не тронул он указатель, — сообщил он. — Небось, здесь пасся, молодую кровь учуял.

— Дед! — Василе едва не сорвался на крик. — Дед, мы сегодня же в город уедем. Сегодня, понял?

— Нельзя, — мотнул головой Илие. — Указатель стечечь надо.

Василе схватился за голову и ушёл обратно в комнату.

Было совершенно непонятно, что делать. Обратиться в какие-нибудь службы, чтобы те вместо допотопного столба поставили нормальный указатель, который чёрта с два развернёшь? Но сколько времени на это уйдёт?

В полицию сообщить? Пожаловаться, что тип в старом пиджаке болтается у калитки, завешенной чесноком? Нетрудно представить, что ему там ответят. А если всё-таки приедут? Найдут останки дедовых односельчан с осиновыми кольями между рёбер.

VI

Весь день Василе метался, не зная, как быть. Хватался то за молоток, то за напильник, но работа не спорилась. Дед исподтишка наблюдал за ним и наконец сказал, махнув рукой:

— Езжай-ка домой. Пока от тебя тут толку нету, я один справлюсь.

Василе сказал самому себе, что это единственное верное решение. Если он уедет, чудище потеряет интерес к дому и снова займётся указателем.

— И правда, — проговорил он. — Пожалуй, поеду. Автобус когда?

Илие взглянул на солнце, ползущее к тёмному гребню леса.

— В 20:15. Уже с полчасика как ушёл.

Василе выдернул из кармана мобильник и взглянул на дисплей: 20:47.

— А следующий когда? — вырвалось у него, хотя он прекрасно понимал, что в сумерках к остановке не сунется.

— Завтра, — отозвался Илие, пожимая плечами. — В 11:00.

«Просто не выйду в сад до утра, — сказал себе Василе. — Запрусь в доме, занавески задёрну. Не увижу этого уродца — уже легче будет».

Он бросил молоток в ящик с инструментами, стоявший на пороге сарая, и направился к дому. И вдруг полосу закатного света, лежавшую на стене дома, будто смахнуло набегавшей тенью. Василе обернулся и увидел тёмную тучу, несущуюся со стороны леса и заслонившую, казалось, половину неба. Это длилось всего несколько мгновений, но их хватило, чтобы дед, насупив седые брови, метнулся в дом и снова появился на пороге с заострённым колом в руках. Второй такой же кол он протянул внуку. Облако стремительно перелетело через забор и осело на землю, закрыв зелёные побеги чеснока. А в следующее мгновение раздался хруст: это работали, перемалывая добычу, челюсти саранчи.

СТОРОЖ

I

У Ивана были свои планы на отпуск. Но отец всю зиму напролёт мечтал, как поедет к матери в деревню и починит забор, и был вне себя от огорчения, когда весенняя сырость въелась ему в кости лютым ревматизмом. О заборе больше нечего было и думать. Отец подолгу сидел на кухне, вертел в руках лекарства и сокрушённо качал головой. Можно было, конечно, нанять рабочих. Но за дорогу в такую тмутаракань они сдерут денег больше, чем за починку. Местных, деревенских просить — стыдно. Забор-то они поправят, слова не скажут, а что подумают? Сын и внук есть, а ограду чужие чинят.

Наконец Иван не выдержал:

— Ладно, батя, я съезжу.

С забором он управился быстрее, чем сам ожидал, а с разгону поправил крыльцо и покосившуюся дверь сарая. По-хорошему на этом можно было бы с деревней проститься и присоединиться к друзьям, коротавшим отпуск с удочками в руках где-то за Дубной. Но рыба водилась и в местном озерце. А главное, здесь царил удивительный тихий покой, и расставаться с ним не хотелось.

Деревенька забила в самую глушь, точно притаившийся зверь. От железнодорожной станции и шоссе её отделил лес, огибать который приходилось по сплошным ухабам. Зато тишина здесь стояла птичья, непуганая, особенно с вечерних сумерек до рассвета.

Одно огорчало: лес грибами не баловал. Иван спросил у бабушки, не растут ли там хоть сыроежки, но старушка замала руками: что ты, мол, внучек, мы даже корзинок не держим — незачем.

Лес и правда вызывал мало интереса у местных. К опушке вела узкая тропинка, но Иван ни разу не видел, чтобы кто-нибудь по ней ходил.

II

Безмятежность, которой наслаждался Иван, прервала эсэмэска. С работы долетел слёзный плач Толяныча: посеяли подлинники документов, подшитые, похоже, не в ту папку, в которую следовало. Иван повздыхал, поскрипел зубами и полез за расписанием электричек.

До краёв, где он находился, доходили только самые живучие из пригородных поездов. И случалось это редко. Расклад получался такой: если он хотел успеть и в город, и обратно, то сниматься с места следовало прямо сейчас. И не петлять в обход, а топать через лес напрямик.

Сборы Ивана всполошили бабушку. И больше всего её взволновало то, что внук собрался идти через лес.

— Погоди! — причитала она. — Автобус же!.. Там, у поворота...

— Да до того поворота сорок минут ходу! — втолковывал ей Иван. — И автобус у вас тут только по постным дням ходит. Пока его дождусь, на электричку не успею. Я спокойно лесом дойду! Там же тропинка.

— Откуда ты знаешь? — испугалась бабушка. — Ты что, в лес ходил?

— Да никуда я не ходил, но дорогу-то видел. Не потеряюсь.

Он чмокнул бабушку в щёку и выбежал на крыльцо. Бабушка, охая, спешила за ним следом.

— Подожди, внучек, — бормотала она, спускаясь по ступенькам. — Сейчас попрошу кого, чтобы проводил...

— Да не надо меня провожать! — Иван почти рассердился. — Всё! Вечером приеду!

— Захар! — кричала бабушка у него за спиной. — Захар! Витя! Кто-нибудь...

Иван ускорил шаг. Вот позорище-то! Бугая метр восемьдесят пять ростом должны за ручку водить!

III

Раздражение пропало, стоило Ивану углубиться в лес. Здесь стоял полумрак, солнечные лучи едва пробивались

сквозь полог. Деревья с обеих сторон надвигались на тропу, и порой приходилось пригибаться, чтобы не задевать ветки. Ивану стало не по себе.

За спиной послышались быстрые шаги: за ним спешил один из местных парней. Иван пару раз видел его на улице. Кажется, именно его звали Захаром.

— День добрый... — пробормотал Иван, слегка оторопев.

Захар коротко кивнул, подходя к нему.

— К станции?

— Да.

— Пошли, — распорядился Захар.

Ушедшее было раздражение накатило с удвоенной силой.

— Слушай, если дальше никаких развилок нет, я без проблем сам дойду!

Захар кольнул его быстрым коротким взглядом. И у Ивана возникло подозрение, что его мнение тут мало кого интересует.

В стороне, где-то слева, хрустнула ветка. Захар подскочил, одновременно разворачиваясь.

— Эй, мужики! — послышался сипловатый голос.

Теперь обернулся и Иван. Из-за широкого ствола дерева выступил человек средних лет или чуть постарше. На плечах болтался тёмно-серый шерстяной пиджак. Нижнюю часть лица покрывала щетина.

— Мужики, — повторил он. — У меня велосипед застрял, не поможете?

Иван хотел было подойти посмотреть, что случилось, но его насторожила странная реакция Захара. Тот застыл на месте, не сводя глаз с незнакомца.

Тот немного помолчал и снова повторил:

— Велосипед у меня застрял.

Странное дело: он вроде бы стоял совсем близко, а голос доносился словно издалека.

«Какой, на хрен, велосипед? — пронеслось в голове у Ивана. — Тут такая чаща, что пешком не везде пройдёшь».

Захар медленно повернул голову и уставился на него.

— Иди, — тихим голосом скомандовал он и кивком указал на тропу.

На этот раз Ивану в голову не пришло упираться.

IV

Они не ушли и на десяток метров, как снова слышались хруст веток и шелест листвы. На этот раз справа. Иван невольно замедлил ход, заметив, что за ветками деревьев темнеет чья-то фигура.

— Иди, — выдохнули у него за спиной.

Тёмный силуэт впереди пошевелился. Кто бы там ни стоял, он явно не собирался прятаться. Но и вперёд почему-то не выходил. Будто ждал в засаде и не сомневался, что добыче деваться некуда.

Оставалось надеяться, что там просто какой-то тупой шутник. И верно: на помятом, заросшем седой щетиной лице мужика, стоявшего у обочины, блуждала бессмысленная ухмылка. Да только острые, крупные, желтоватые зубы, торчавшие над нижней губой, мигом придали этой лыбе серьёзность.

Иван невольно отпрянул. В тот же миг сильные пальцы сдавили его локоть и дёрнули обратно.

— С тропы не сходи! — рявкнул Захар, крепко держа его за руку.

Иван машинально посмотрел себе под ноги. Шарахнувшись от жёлтозубого, он чуть не сошёл с протоптанной узкой дорожки на траву. А там, в какой-нибудь паре шагов, стоял «велосипедист» и тоже улыбался. И зубы у него были такие же длинные и будто заточенные.

— Что за... — вырвалось у Ивана. — Вы...

— Не говори с ними! — резко бросил Захар.

А «велосипедист» в тот же миг придвинулся чуть ближе.

— Ну что, — улыбаясь, произнёс он всё тем же странным, издали звучащим голосом. — Не поможешь?

Теперь шевельнулся и тот, который стоял у дерева. Захар повернулся в его сторону. Губы у него странно задрожали, словно он порывался что-то сказать, но не мог. А потом его рот как-то странно растянулся.

Нос сморщился, как у разозлённого волка. Челюсть выдвинулась вперёд. И зубы оказались куда длиннее и острее, чем у мужиков на обочине. Если уж называть вещи своими именами, это были клыки...

V

Иван не помнил, как бросился бежать. Перед глазами то и дело появлялись ухмыляющиеся щетинистые рожи. Они каждый раз держались сбоку, иногда забегали вперёд и особенно широко скалились на поворотах. Но сзади гулко стучали шаги, и время от времени до Ивана долетал хриплый голос:

— Тропа! Не сворачивай!

Он плохо помнил, как вылетел к станции. Как билет брал, тоже не помнил. В себя он пришёл, лишь когда народу в вагоне прибавилось.

Папку с документами Иван нашёл почти сразу. Бухнул её Толянычу на стол и поспешил обратно. Стоя на перроне, он крыл себя последними словами. Не в ту сторону он рванул! Назад, в деревню надо было бежать. Забирать оттуда бабушку, вызывать такси и гнать в город. Толяныч подождал бы до завтра, не развалился бы. Как же он старушку одну там оставил, как не подумал? Ну ничего. Сейчас он приедет и заберёт её из этой дикой дыры...

— Бабуль, — закричал он, врываясь в дом. — Ба, ты где?

— Тута я, Ванечка! Вот славно, дотемна успел!

— Ба! Собирайся, едем отсюда.

— Ты что это, внучек? Куда я отсюда уеду?

— Нельзя тут оставаться! — с отчаянием втолковывал ей Иван. — Поехали! Здесь...

Он закусил губу, не зная, как всё объяснить старушке так, чтобы она не перепугалась и не сочла внука психом.

— Ванечка, ты что? — настойчиво спрашивала бабушка. — Захарушка сказывал, ты нормально до станции дошёл.

— Захарушка?! — воскликнул Иван. — Да он... Бабушка... — В конце концов он решился. — Да не человек он.

— Так ведь, Ванечка, знаю, что не человек, — тихо промолвила бабушка. — Это же охрана наша.

VI

Они сидели рядом на крыльце. Доски ещё хранили дневное тепло, хотя солнце уже почти исчезло за верхушками деревьев.

— Это с тех пор, как к северу отсюда леса повырубали, — тихонько говорила бабушка. — Нечисть оттуда прибилась. Кабы не сторожа, заели бы они нас. Сколько уж люду тут сгинуло...

Она понурила голову и краешком платка промокнула глаза.

— Батька знает? — глухо спросил Иван.

— Петенька-то? Нет. Он в город раньше перебрался. Сторожа-то у нас издавна водились, только о том одни родные их знали. А теперь все знают.

Она вздохнула.

— Со сторожами-то спокойно. Надо — они и в темени проводят, и по дороге, и через лес. И в деревню твари при них не лезут, носа из лесу не кажут. А тропу тоже сторожа проложили. Чтобы в случае чего через лес до станции быстрее добраться.

— Ясно, — Иван вздохнул, встал со ступенек и помог бабушке подняться. — Ладно, бабуль, ты в дом иди. А я к Захару загляну.

Улица уже обезлюдела. Наступала та самая благословенная тишина, ради которой жители этого уголка оставались здесь из года в год, отгородившись лесом от грохота железных дорог и рёва моторов.

Захар был во дворе, возился у клумбы.

— Я спасибо сказать, — сообщил Иван через забор.

Захар хмыкнул, подошёл к нему и облокотился о штакетину.

— Извини, — произнёс он. — Я думал, тебе Наталья Филипповна сказала.

— Чего извини? Если б не ты...

Иван не договорил. Захар махнул рукой.

— Брось. У нас тут дело обычное. Ты вот что... — Он, прищурившись, посмотрел вдаль. — Если Наталье Филипповне чем помочь по хозяйству надо, так нам тут не в тягость.

— А я на что? — буркнул Иван, тут же набычившись.

Захар внимательно посмотрел на него.

— Да? Ну тебе видней. Будешь?

Он пошарил в кармане брюк, вытащил мятую пачку сигарет и протянул Ивану. В сумерках огоньки сигарет издали походили на глаза неведомого зверя, залёгшего на обочине дороги, на охране своих владений.

ДОМ В ПАРКЕ

I

Про призраков в капюшонах рассказал Костик. Дело было в забегаловке, где парни культурно расслаблялись после лекций. Шла уже не первая кружка, и байку о загадочных фигурах в плащах, шаставших по вечернему парку, приняли на ура. Костик сам же всё и испортил. Не дав друзьям как следует подумать, что бы это значило, добавил:

— Я оглядываться начал: что за дела? И тут вижу: какой-то свет слишком яркий, от фонарей такого не бывает. Глядь, а это юпитеры. Кино снимают.

Лёха ощутил укол разочарования. В призраков он не верил, но пощекотать себе нервы под вечерок в хорошей компании было приятно. Поторопился Костя со своим объяснением, ох и поторопился.

— Ты названия не спросил? — любопытствовал Сашка Назаров.

— Ты чего, Назарыч? Я же говорю: там как раз съёмки шли. Люди работают, а тут я такой: «А как называется?»

— Тут в Петровском парке часто историческое кино снимают, — сказал Назарыч. — Особенно у дворца. Его же ещё при Екатерине построили.

Лёха вздохнул. Назарыч покосился на него и едва заметно ухмыльнулся.

— Хотя тут не только кино бывает. Мне рассказывали, по парку и правда призрак монаха бродит.

Костя и Лёха встрепенулись и уставились на своего приятеля.

Они оба приезжали в институт издалека, но Назарыч был местный, стало быть, знал, о чём говорит.

— Это раньше были монастырские земли, — продолжал Назарыч, с серьёзным видом глядя в свою кружку. — Вот монах до сих пор и бродит. Иногда идут люди вечером через парк, а он рядом с ними среди деревьев крадётся. И в руках у него коса.

— Коса-то зачем? — вырвалось у Лёхи.

— Никто не знает зачем, — изрёк Назарыч. — Все, кто его видели, дёру давали. Никто не дожидался, пока он подойдёт.

— И часто его там видели?

Назарыч пожал плечами:

— Когда как. Иногда его несколько месяцев не видно или даже пару лет, а то вдруг несколько ночей подряд шастает.

Лёшка со стуком поставил кружку на стол.

— Пошли проверим, — потребовал он.

После недолгих препирательств приятели постановили наведаться в парк завтра. Хотелось, конечно, прямо сейчас, но количество выпитого пива помешало бы чистоте эксперимента.

II

На следующий день, когда на улице зажглись фонари, они вышли на проспект и побрели к Путевому дворцу Екатерины.

Был вечер пятницы, и автомобили лавиной двигались в сторону области: москвичи рвались за город, несмотря на осенние холода. Проспект ярко освещали фары, фонари и огни рекламы. Путевой дворец казался крепостью, отделявшей бурную городскую суматоху от тёмной тишины Петровского парка.

Приятели остановились у аллеи, дугой огибавшей дворец и нырявшей в парк.

— Разделимся? — предложил Назарыч. — Вы можете идти по аллеям, а я тут лучше ориентируюсь — попробую на тропинки свернуть.

— И мы можем по тропинке пройти, — немедленно упёрся Костик.

Назарыч только плечами пожал.

— Дело хозяйское.

Местом встречи назначили вход в метро и отвели на всю операцию полчаса плюс-минус выкуренная сигарета. На том и разошлись.

Несмотря на вечернее время, парк нельзя было назвать безлюдным. От метро к дальним, ярко освещённым аллеям спешил народ, срезая дорогу к дому.

Впереди появились очертания какого-то здания.

«Встретишь тут привидение, как же», — полунасмешливо, полуобиженно подумал Лёха. Шансы пощекотать себе нервы таяли на глазах. Не то чтобы он в них особо верил, конечно.

Лёха снова шёл в сторону дворца. Здесь хоть народу было поменьше. Точнее, кроме него, вообще никого. И он даже вздрогнул, когда послышался приглушённый, постарчески слабый голос:

— Помогите поднять...

Лёха обернулся. Голос доносился со стороны дома, мимо которого он только что прошёл. На стене, обращённой ко дворцу, виднелся балкон, а на нём съёжилась тощая фигура, замотанная во что-то длинное вроде халата. Фигура нагибалась через перила и водила из стороны в сторону рукой, будто пыталась нащарить что-то прямо в воздухе.

— Уронили что-то? — крикнул Лёха.

— Помогите... — повторил голос ещё слабее, — поднять...

Даже нельзя было разобрать, старик на балконе или старуха. Только и видна была рука, беспомощно шарившая в воздухе.

Лёха вздохнул и, сойдя с асфальтовой дорожки, направился к дому. Под ногами зашуршали сухие листья. Что хоть искать-то придётся? Хорошо, если что-нибудь заметное — вдруг бабку-дедку угораздило табурет с балкона уронить. А если мелочь вроде напёрстка? Где он тогда её отыщет в целом ковре из опавшей листвы? Фонарей поблизости не было, даже из окон не падал свет.

— Помогите... — послышался голос над головой.

— Помочь-то постараюсь, — буркнул Лёха. — Только скажите, что искать надо?

Он огляделся. Увы, ничего масштаба табурета вокруг не валялось.

— Поднять... Поднять... — твердил надтреснутый голос. Пальцы впустую сжимались и разжимались.

III

Лёха вздохнул, вытащил телефон и включил фонарь. Луч света заметался по сморщенным сырым листьям. Не то

что ничего ценного — даже фантика или окурка нигде не валялось.

Он поднял голову.

— Да что ищем-то?!

Бабка-дедка свесился с балкона так, будто пытался рукой дотянуться до своей пропажи.

«Ещё свалится, чего доброго», — подумал Лёха.

Он снова устался себе под ноги, поворошил листья носком ботинка.

— Вы точно что-то роняли? Ничего тут...

Он посмотрел вверх, и слова застряли у него в горле. Рука с жадно сжимающимися пальцами висела прямо над ним.

Лёха отскочил назад, пытаясь найти происходящему такое объяснение, какое бы всё в мире вернуло на свои места. Но странное существо так и стояло, кутаясь в свой балахон, на балконе, а неимоверно длинная тощая рука, напоминавшая цветом бледную поганку, упорно тянулась к Лёхе. Белесоватые пальцы сжимались и разжимались, готовясь закогтить добычу.

Лёха не помнил, орал он или нет. Он метнулся в сторону, и нога тотчас поехала на прелых листьях. Он пропахал локтем по земле, снова увидел белёсую руку совсем рядом и едва не на четвереньках кинулся обратно к дороге.

Он почти ничего не видел вокруг, и, кажется, это было вовсе не от темноты, просто весь мир сузился до полосы асфальта, которая тянулась так близко, но бежать до неё было так долго. Казалось, что там, на тротуаре, с ним ничего не сможет сделать эта непонятная тварь, не принадлежащая к роду человеческому. Он даже не помнил, в какой момент сумел подняться на ноги. Всё время казалось, что вот-вот к его затылку прикоснутся белёсые и наверняка мертвенно-холодные пальцы, и тогда наступит конец.

Выскочив на тротуар, он побежал, спотыкаясь, туда, где возле метро поднималась махина стадиона, и перешёл на шаг только тогда, когда парковая аллея осталась позади.

IV

Прохожие, наверное, принимали Лёху за пьяного, но ему не было до этого никакого дела. Шатаясь, он добрался до

метро и остановился у входа. Его всего трясло — не только из-за того, что с ним произошло, но и из-за неотвязной мысли: «Где Назарыч, где Костик?»

«С ними ничего не могло случиться», — твердил себе Лёха. Вряд ли в небольшом парке много таких закутков с сюрпризами. Это его угораздило нарваться, а ребята наверняка другими дорогами пройдут. И всё-таки он напряжённо вглядывался в лица прохожих, шедших к метро, и выдохнул только тогда, когда почти одновременно с разных сторон появились Костик и Назарыч.

Костик сразу принялся ворчать:

— Парни, честно, лучше б мы какой другой фигнёй страдали. Здесь и бродить-то особо негде: парк просматривается, как растопыренная пятерня.

И тотчас изменился в лице.

— Э, Лёх, ты чего это?

При упоминании о растопыренной пятерне Лёху заколотила крупная дрожь.

— Лёх, ты что? — встревожился Назарыч. — Я же выдумал про монаха! Думал, побродим в темноте для адреналина, девчонок потом пугать будем... Тебе что, померещилось что-то?

Лёха замотал головой:

— Не померещилось. Это не монах. Это... это дом.

Немного взяв себя в руки, он рассказал о случившемся. Реакция оказалась предсказуемой.

Версию, что Лёха прикалывается, Костя отмёл сразу: при розыгрышах рожи белыми не становятся. Но он долго допытывался, где друган успел хлопнуть такую рюмашку.

— Да не пил я! — взревел Лёха и в подтверждение дыхнул на Костяна.

— А может, ты «Антиполицей» принял!

— Не принимал я!

— Лёх, — вмешался Назарыч. — Да нет там никакого дома!

— Как нет? Он совсем рядом!

Лёха обернулся к парку. В темноте ничего нельзя было разглядеть.

— Он дальше вон по той дороге, — беспомощно проговорил Лёха. — Не доходя до дворца.

— А! — осенило Назарыча. — Так это же не дом! Это тяговая подстанция метро. Откуда там балкон?

— Был балкон. Каменный!

— Ша! — басовито объявил Костик. — Завтра при свете дня придём и посмотрим.

— Завтра суббота! — уцепился Лёха за спасительный довод и потерпел фиаско.

— Вот и хорошо, — решил Костик. — Пойдём с утра.

V

Эскалатор на «Динамо» был одним из самых длинных, по которым приходилось ездить Лёхе в Москве. Но в этот раз он ехал до отвратительного быстро.

Погода стояла солнечная, но Лёха был не в настроении любоваться ни чистым небом, ни звонким золотом древесных крон.

По аллее они шли молча, плечом к плечу. Замедлили ход, поравнявшись с приземистым серым зданием. И остановились, дойдя до угла.

Они стояли, молча разглядывая серый каменный балкон. Балкон, за которым находилась сплошная стена. Дверной проём был заделан массивными блоками бетона, и заделан явно давно.

Назарыч первым нарушил молчание.

— Офонареть, — сипло произнёс он. — Как я его раньше не замечал?

Костик посопел и шагнул с асфальта на траву.

— Стой! — ухватил его за руку Лёха.

Костик выдернул руку и зашагал дальше. Он остановился, не дойдя до дома нескольких шагов. А когда оглянулся, лицо его было таким же белым, как накануне у Лёхи.

— Гляньте, — позвал он тихо, как будто даже просительно.

Лёха с Назарычем подошли к нему и уставились на пять длинных борозд, глубоко взрывших землю...

— Мать твою, — пробормотал Назарыч. — Что за хрень тут из подземки вылезла?

Повернувшись, все трое молча зашагали к дороге.

— Назарыч! — подал голос Лёха. — Это подстанция метро, говоришь?

— Ага.

— А как мне отсюда до Курского наземным транспортом добраться?

СКАЛОЛАЗ

I

— Как дела в школе? Не так что-нибудь?

Лёшка бросил на отца хмурым взгляд и уставился в тарелку. Таня в мужской разговор лезть не стала, но тоже не поднимала глаза. Игорю сделалось неловко.

— Подрался, что ли? — понизив голос, спросил он.

Лёшка повёл плечами, неумело маскируя кивок. У Игоря отлегло от сердца. Не то чтобы проблема была пустяковой — она была понятной.

— И как?

Снова тот же жест.

— Галинадревна ругалась, — признался наконец Лёшка.
— Сказала, в классе нельзя драться. Там учатся.

— Ну правильно сказала, — охотно откликнулся Игорь, вспомнив, как в его школьные годы тренер решительно пресекал разборки в спортзале.

— Она не совсем так сказала, — подала голос Таня.

Вот те на! Оказывается, жена была в курсе.

— Она сказала, что надо учиться по-другому решать проблемы.

Лёшка засопел и снова покосился на отца. На этот раз в поисках поддержки. Дескать, что женщины понимают. Игорь окончательно почувствовал себя слоном в посудной лавке и свернул разговор, попросив передать ему солонку.

После ужина он заглянул на кухню, когда жена мыла посуду.

— Из-за чего драка-то вышла? — спросил он.

Таня пожала плечами, не переставая орудовать губкой.

— Дети. Один скажет — другой обидится.

— То есть ничего серьёзного?

— Думаю, нет.

— А кто ему что-то сказал?

— Серёжа Васильев.

Игорь задумался. Видел он Васильевых на одном из многих родительских собраний, на которых ему довелось быть. Франтоватый мужик с женой ему под стать. Украдкой всё время косились на Игоря как на сбежавший экспонат из музея. Кажется, он понял, какого сорта была обида.

Таня отложила губку и взяла щётку. Тут только Игорь заметил, что всё это время она мыла его чашку...

— Тань... — осторожно произнёс он. — А может, я за столом в резиновых перчатках сидеть буду?

Таня обернулась: спокойная, с обычной своей мягкой улыбкой на лице.

— В таких? — Она подняла руку в бесцветной перчатке. — Ещё не хватало. Это моё дело — в перчатках с посудой возиться.

Игорь молчал. Просто смотрел на неё и вспоминал, как в первые дни после его возвращения из зоны боевых действий она спала с включённым ночником. Клала рядом раскрытую книжку — будто бы её просто сон сморил за чтением.

А Пашкина Зинка ушла. Сказала, не может рядом с холодным мужиком лежать, будто с покойником. И от многих ещё уйдут, когда окончательно поймут, что прежних тёплых объятий уже не будет и температура тела, неуловимая для инфракрасных излучателей, — это навсегда.

Он подошёл к жене и неуклюже ткнулся лицом в её волосы. Обнять боялся и только судорожно вздохнул, когда увидел, что она стягивает перчатки, чтобы самой обхватить его за плечи.

II

Пока обходилось не только без драк, но и без дразнилок. Нагоняй от Галиндревны Васильева напугал, а его два-три закадычных дружка без подначек вожака помалкивали. Васильев же пока держал язык за зубами...

Прозвенел звонок, возвестивший окончание последнего урока, и тут Алька закричал, что нашёл дыру в заборе у заброшенной многоэтажки. Народ в классе сразу оживился. Правда, многие тут же вспомнили, что у них дела. В итоге к развалинам отправились только сам Алька, Лёшка, Потапыч и Вика Лукьянова...

III

Народу в Центре было немного. Строго говоря, многолюдно тут бывало только в торжественные дни — праздники, годовщины. Но всё равно сюда заходили, чтобы просто побыть среди себе подобных. На стенде у входа в Центр висела яркая реклама: льготные путёвки в санаторий. Цены действительно радовали, но при виде снимков с шезлонгами у моря Игоря передёрнуло. Спасибо, конечно, но как организаторы представляли таких людей, как он, на пляже?

Рядом с рекламой санатория, в углу стенда, пристроилось объявление: «Требуются специалисты для электромонтажных работ». Понятно было, почему оно здесь оказалось: требовались высотники.

Пенсии Игоря хватало, чтобы безбедно содержать семью. Но мало кто из его сослуживцев, вернувшихся без инвалидности, этим удовлетворялся. Их приглашали в разные места. Кто-то по доброте душевной даже звал работать малярами. И только работу, где нужно было бы всё, что они умели, на гражданке им никто никогда не предлагал. Скалолазы, люди-ящеры, ушли в прошлое вместе с войной, оставив сброшенную кожу, а в ней — неприкаянных, сбитых с толку парней.

Из Центра Игорь уходил, так и не встретив никого из знакомых. На улицах было мало народу: все разбредались по дачам и зонам отдыха. Лезть в транспорт Игорь не любил, да и напрямик идти домой не хотелось. Пройтись неспешным шагом по почти пустым улицам сейчас казалось самым толковым делом.

Он сделал крюк, свернув на окраину. Здесь тянулась ничейная земля между городом и ещё не перекопанными, хотя и основательно загаженными лугами. Несколько высоток, заложенных ещё до мобилизации Игоря, так и остались недостроенными: выявились какие-то нарушения. А сносом домов-недоделок никто и не озаботился. Так и стояли щербатые костяки зданий, обнесённые оградой.

Игорь собирался обойти недостройки стороной. Неровные ряды кирпичной кладки, зияющие провалы окон и торчащие балки слишком напоминали о местах, где он не так

давно побывал. Рождающиеся и умирающие дома бывают удивительно похожи.

IV

Он перешёл на другую сторону улицы и хотел углубиться в лабиринт ржавых гаражей, когда до него донёлся отчаянный детский голос:

— Дяденька! Дяденька!

К нему спешила маленькая девчушка в синих брючках, перепачканных песком.

— Дяденька! Там ребята слезть не могут! — Покрытая пылью и песком ладошка махнула в сторону недостроя.

Посмотрев туда, Игорь сразу приметил сваленную секцию ограждения.

— Вы что, на стройке играли? — сурово сдвинув брови, спросил Игорь.

Мелкая замотала головой:

— Там большие ребята.

— Большим тоже нельзя, — проворчал Игорь. — Здесь же не просто так огорожено, верно?

Девочка кивнула. Игорь перешагнул через поваленное ограждение и вошёл на территорию заброшенной стройки. Песчаные барханы, битый кирпич, осколки пивных бутылок. Детская площадка — супер. Он с таких лет до тринадцати не вылезал.

— Стой у ограды, — велел он девчушке. — Где они?

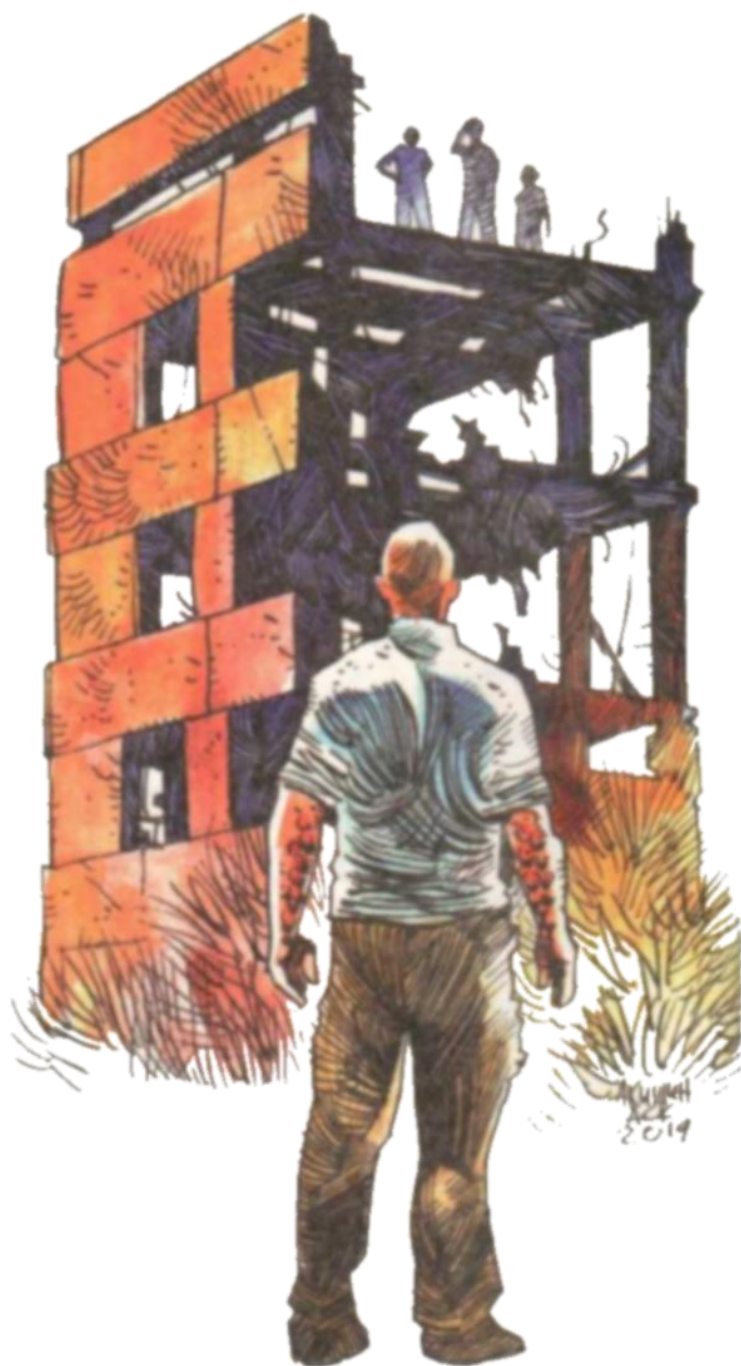
Та указала на само здание.

— Па-а! — одновременно послышалось сверху.

Игорь вскинул голову, не веря своим ушам. Верь не верь, но вот он, Лёшка, смотрит на него с бетонной плиты, которой когда-то предстояло стать полом квартиры. Рядом виднелись ещё две-три такие же перепуганные физиономии. «Большие ребята» сбились кучкой на высоте четвёртого этажа. Орлы.

— Ты как туда залез? — гаркнул Игорь.

— По лестнице, пап, — поведал Лёшка. — Но она осыпалась.

Вопрос, какого лешего сын не позвонил по мобильному, оказался излишним: у стены, аккуратно сложенные рядом, лежали четыре портфеля.

Лёшкин, с гоночным автомобилем, коричневый с футбольным мячом, со Спайдерменом и розовый с феечкой. Там ещё и девчонка. Просто отлично.

Одного взгляда хватило, чтобы понять: к лестнице лучше не приближаться. Это дети как-то сумели пробраться по уцелевшим ступеням, а человеку его веса туда соваться явно не стоило.

Слух уловил слабый шорох: будто падали очень мелкие камни. Лестница не просто осыпалась: она продолжала рушиться дальше. Игорь подошёл к стене, прижался к ней всем телом и закрыл глаза. Конечно, это была не гора. Но руда сохраняет свой язык, даже будучи приручённой и взнузданной людьми. Игорь вслушивался в голоса металла и камней, звучащие в глубине заброшенного дома, и почти видел, как внутри набухает трещина. Перед ним был не дом, а песочные часы, срок которых истекал через минуты, если не секунды...

V

Он закатал рукава, чего ему давно не доводилось делать на людях. Присоски набухли, повинаясь внутреннему импульсу, и пульсировали, стремясь дотянуться до гладкой поверхности. Игорь приложил кисти рук к кирпичам и, едва присоски схватились, пополз по стене.

На детей, стоявших наверху, он не смотрел. Сейчас всё внимание было сосредоточено на разговоре с домом. Через каждый дециметр Игорь вслушивался в малейшие колебания, происходившие в недрах недостроенной громады, и спрашивал позволения двигаться дальше.

Трещина расплзалась, но медленно. Она находилась далеко, с другой стороны дома, и жила своей жизнью. Вес человека-ящера, распластанного по одной из стен, ей не мешал. По крайней мере, пока.

Тяжесть нажима перетекала от одной присоски к другой. Мускулы переливались, как змеиные кольца. Игорь от-

крыл глаза. Четыре чумазые физиономии, перепуганные и ошеломлённые, были совсем рядом.

Игорь обвёл их взглядом. Лёшка был единственный, кто смотрел не столько со страхом, сколько с восторгом. Чужая поганец, что от отца, в свою пору совавшегося и не в такое пекло, сильно не нагорит. По-хорошему сейчас следовало бы взять именно его, чтобы уменьшить страх у остальных и подать им пример. Только хорош он будет, если первым снимет с поплывшей постройки собственного сына.

Он облизнул губы.

— Чей портфель со Спайдерменом? — спросил он.

Мальчик со светлым хохолком неуверенно, как на уроке, поднял руку. Игорь ободряюще улыбнулся.

— Отлично. У тебя сейчас получится не хуже. Иди сюда.

Но Алька, а это был он, замер в нерешительности. Коренастый крепыш — Потапыч — по-командирски мотнул головой. Тогда Алька шумно вздохнул и сделал шаг вперёд.

— Держись за мою шею, — велел Игорь. — И всю дорогу считай вот такие балки.

Он кивком указал на перекладины, выпиравшие из угловой части дома. Они ему были не нужнее голубей, ворковавших на ограде. Но говорить такому салажонку: «Не смотри вниз» — последнее дело. Мальчик стиснул зубы, кивнул и, серьёзно сдвинув брови, уставился на ближайшую балку. Игорь на мгновение прикрыл глаза, прислушался и, придерживая «Спайдермена» локтем, медленно заскользил вниз...

VI

— Я не расслышал, — заверещал Серёга Васильев, едва за Галиндревной затворилась дверь. — Как там на переключке Яковлева называли? Ящеров?

Лёшка не повернул головы. Класс молчал. На Васильева никто не смотрел, и даже самые преданные его дружки уткнулись в учебники.

Только Потапыч приподнялся за своей партой, но, поймав, снова сел.

— Не в классе, Васильев, — пробасил он. — На перемене потолкуем.

ПУБЛИКАЦИИ

Составитель — А. А. Лапудев

РАССКАЗЫ

Аста и Аннализа — ж. «Ступени Оракула», 2019, № 10, с. 30-31, илл. А. Акишина.

Баронский замок — ж. «Ступени Оракула», 2012.

Белые костяные бусы — ж. «Все загадки мира», 2019, № 8, с. 32-33, илл. А. Акишина.

В краю омел — ж. «Все загадки мира», 2018, № 24, с. 33-34, илл. А. Акишина.

Весёлый Йорик — сетевая публикация, 2017.

Врата открываются — ж. «Ступени Оракула», 2006, № 23, с. 18-19, илл. А. Акишина.

Гретель — сетевая публикация, 2011.

Дом в парке — ж. «Все загадки мира», 2020, № 7, с. 34-35, илл. А. Акишина.

Дядя Джордж — ж. «Все загадки мира», 2020, № 18, с. 34-35, илл. А. Акишина.

Жужекрылки и дед-полемышь — ж. «Ступени Оракула», 2011.

Заговорённое железо — сетевая публикация, 2011.

Караул (цикл «Зыково») — сетевая публикация, 2014.

Книжный герой — сетевая публикация, 2017.

Ланселот — сетевая публикация, 2016.

Лихо одноглазое — ж. «Все загадки мира», 2018, № 16, с. 32-34, илл. А. Акишина.

Макс — ж. «Ступени Оракула», 2012.

Мельница у Кривой реки — ж. «Все загадки мира», 2019, № 10, с. 32-33, илл. А. Акишина.

Нехристь казённая — сетевая публикация, 2014.

Орлиные когти — сетевая публикация, 2017.

Парижгород, что на реке Луаре — ж. «Ступени Оракула», 2012.

Проклятие Антонии (цикл «Сенгийоль») — ж. «Ступени Оракула», 2008, № 15, с. 15, илл. А. Акишина.

Птифу (цикл «Зыково») — сетевая публикация, 2014

Родственные души (цикл «Сенгийоль») — ж. «Ступени Оракула», 2007, № 7, с. 18-19, илл. А. Акишина.

Серый извозчик (Извозчик) — ж. «Ступени Оракула», 2018, № 6 с. 38-39, илл. А. Акишина.

Скалолаз — ж. «Ступени Оракула», 2019, № 6, с. 30-31, илл. А. Акишина.

Сорокопут — ж. «Все загадки мира», 2020, № 16, с. 34-35, илл. А. Акишина.

Сторож — ж. «Ступени Оракула», 2020, № 5, с. 30-31, илл. А. Акишина.

Страх и Ужас Олимпа — сетевая публикация, 2011.

Тень гиены — ж. «Все загадки мира», 2019, № 1, с. 32-32, илл. А. Акишина.

Фонащик — сетевая публикация, 2013.

Чертополох и мята — ж. «Ступени Оракула», 2019, № 12, с. 30-31, илл. А. Акишина.

Чесночный дом — ж. «Ступени Оракула», 2018, № 10, с. 36-37, илл. А. Акишина.

Явление тёти Стефани — ж. «Ступени Оракула», 2015, № 25, с. 30-31, илл. А. Акишина.

СТАТЬИ

В янтарном плену — ж. «Все загадки мира», 2020, № 2, с. 30-31.

Жертва дурной репутации — ж. «Все загадки мира», 2019, № 19, с. 30-31.

Камни, которые дышат — ж. «Все загадки мира», 2019, № 20, с. 30-31.

Красный барон — ж. «Все загадки мира», 2017, № 19, с. 14-15.

Наследство пирата-дракона — ж. «Ступени Оракула», 2008, № 8, с. 7.

Похождения Кривой короны — ж. «Ступени Оракула», 2008, № 1, с. 7.

Рождённый в рубашке — ж. «Все загадки мира», 2020, № 1, с. 4-5.

ПЕРЕВОДЫ

Лаймен Фрэнк Баум. Волшебник страны Оз, сказка [The Wonderful Wizard of Oz] — М.: Эксмо (Книги — мои друзья), 2011 г., 10.000 экз., ISBN: 978-5-699-52684-0, т/о, 72 с.

Лаймен Фрэнк Баум. Санта Клаус и его приключения, сказка [The Life and Adventures of Santa Claus] — М.: Эксмо, 2015 г., 5.000 экз., ISBN: 978-5-699-82706-0, т/о, 56 с.

Тони Беркли. Грозовая ведьма, рассказ — ж. «Ступени Оракула», 2008, № 4, с. 16, илл. А. Акишина.

Роберт Блох. Живой мертвец, рассказ — ж. «Ступени Оракула», 2008, № 10, с. 15, илл. А. Акишина.

Лоис Макмастер Буджолд. Мой первый роман, статья [My first novel] — Л. М. Буджолд. «Комарра. Вселенная Майлза», М.: АСТ (Золотая библиотека фантастики), 2001 г., 15.000 экз., ISBN: 5-17-004123-3, т/о, с. 498-503.

Лорд Дансени. Бедный старина Билл, рассказ [Poor Old Bill] — ж. «Ступени Оракула», 2004, № 9, с. 21, илл. А. Акишина.

У. У. Джейкобс. Сновидец, рассказ [The Dreamer] — ж. «Ступени Оракула», 2007, № 21, с. 18, илл. А. Акишина.

М. Р. Джеймс. В полночь на лунных лугах, рассказ [After Dark in the Playing Fields] — ж. «Ступени Оракула», 2004, № 17, с. 20-21, илл. А. Акишина.

Артур Квиллер-Кауч. Мой дедушка Хендри Уоттл, рассказ [My Grandfather, Hendry Watty] — ж. «Ступени Оракула», 2005, № 10, с. 20, илл. А. Акишина.

Карло Коллоди. Приключения Пиноккио, повесть [Le avventure di Pinocchio. Storia d'un burattino]

М.: Эксмо (Книга в подарок), 2008, 19.000 экз., ISBN: 978-5-699-25647-1, т/о, 192 с.

М.: Эксмо, 2010 г., 3.000 экз., ISBN: 978-5-699-39420-3, т/о + с/о, 56 с.

М.: Эксмо (Книги — мои друзья), 2011 г., 10.000 экз., ISBN: 978-5-699-52827-1, т/о, 80 с.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране Чудес, роман [Alice's Adventures in Wonderland]

М.: Эксмо, 2010 г., 7.000 экз., ISBN: 978-5-699-40948-8, т/о + с/о, 64 с.

М.: Эксмо, 2011 г., 5.000 экз., ISBN: 978-5-699-42332-3, т/о + с/о, 64 с.

Сорч Ник Лаудхас. Богл с волынкой, рассказ — ж. «Ступени Оракула», 2005, № 6, с. 20-21, илл. А. Акишина.

Сорч Ник Лаудхас. Бродячий придорожный камень, рассказ — ж. «Ступени Оракула», 2004, № 19, с. 21, илл. А. Акишина.

Сорч Ник Лаудхас. Привидение, рассказ — ж. «Ступени Оракула», 2008, № 1, с. 16, илл. А. Акишина.

Сорч Ник Лаудхас. Старый лорд и его псы: Старинное шотландское предание, рассказ — ж. «Ступени Оракула», 2007, № 11, с. 18, илл. П. Синецкого.

Сорч Ник Лаудхас. Человек клана, рассказ — ж. «Ступени Оракула», 2005, № 2, с. 20, илл. А. Акишина.

Дж. Уокер Макспадден. Робин Гуд, повесть [The Adventures of Robin Hood]

М.: Эксмо (Лучшие сказки от лучших художников), 2010 г., 3.000 экз., ISBN: 978-5-699-39258-2, т/о + с/о, 64 с.

М.: Эксмо, (Книги — мои друзья), 2011 г. 15.000 экз., ISBN: 978-5-699-52830-1, т/о, 80 с.

Хантер Мэй. Патруль, рассказ — ж. «Ступени Оракула», 2005, № 15, с. 20-21, илл. А. Акишина.

Джей Рид. День проползновенья, рассказ — ж. «Ступени Оракула», 2007, № 15, с. 18, илл. А. Акишина.

Джей Рид. Индюшка к празднику, рассказ — ж. «Ступени Оракула», 2008, № 24, с. 18, илл. А. Акишина.

Теодор Старджон. Талант, рассказ [Talent] — ж. «Ступени Оракула», 2003, № 18, с. 20, илл. А. Акишина.

Пол Стюарт. А ну-ка, вспоминай!, сказка [What Do You Remember?] — М.: Эксмо (Про Ёжика и Кролика), 2011 г., 5.000 экз., ISBN: 978-5-699-49727-0, т/о, 28 с.

Пол Стюарт. Кусочек зимы, сказка [A Little Bit of Winter] — М.: Эксмо (Про Ёжика и Кролика), 2011 г., 5.000 экз., ISBN: 978-5-699-49725-6, т/о, 28 с.

Пол Стюарт. Мечты сбываются, сказка [Rabbit's Wish] — М.: Эксмо (Про Ёжика и Кролика), 2011 г., 5.000 экз., ISBN: 978-5-699-49729-4, т/о, 28 с.

Пол Стюарт. Подарки в День Рождения, сказка [The Birthday Presents] — М.: Эксмо (Про Ёжика и Кролика), 2011 г., 5.000 экз., ISBN: 978-5-699-31940-4, т/о, 28 с.

Пол Стюарт. Сказки о Ёжике и Кролике — М.: Эксмо, 2013 г., 11.000 экз., ISBN: 978-5-699-68582-0, т/о, 112 с.

А ну-ка, вспоминай!, сказка [What Do You Remember?]

Кусочек зимы, сказка [A Little Bit of Winter]

Мечты сбываются, сказка [Rabbit's Wish]

Подарки в День Рождения, сказка [The Birthday Presents]

Джозель Харрис. Братец Кролик и братец Лис — М.: Эксмо, 2011 г., ISBN: 978-5-699-42717-8, т/о + с/о, 56 с.

Братец Кролик и Братец Медведь, сказка [Mr. Rabbit and Mr. Bear], с. 4-12

Братец Кролик-рыболов, сказка [Old Mr. Rabbit, he's a Good Fisherman], с. 13-17

Неудача Братца Волка, сказка [Mr. Wolf Makes a Failure], с. 18-24

Как Братец Черепаха победил Братца Кролика, сказка [Mr. Rabbit Finds His Match at Last], с. 25-33

Почему Братец Опоссум не любит ссориться, сказка [Why Mr. Possum Loves Peace], с. 34-35

Как Братец Лис охотился, а добыча досталась Братицу Кролику, сказка [*Mr. Fox Goes a-Hunting, but Mr. Rabbit Bags the Game*], с. 36-41

Смоляное чучелко, сказка [*The Wonderful Tar-Baby Story*], с. 42-54

Харлан Эллисон. Шаги, рассказ [Footsteps]

сб. «Кровь? Горячая!», М.: АСТ (Тёмный город) , 2001 г., 8.000 экз., ISBN: 5-17-005195-6, с. 162-177.

Кн. «Миры Харлана Эллисона. Том 4. Мефистофель в онисе», Рига: Полярис-IV, Харьков: Небьюла-пресс, 2015 г., 30 экз., т/о, с. 204-217.

Содержание

Страх и Ужас Олимпа	3
Тень гиены.....	5
Заговорённое железо	11
Ланселот	22
Врата открываются.....	27
Книжный герой.....	39
Фонащик.....	47
Проклятие Антонии.....	50
Родственные души.....	59
Гретель.....	71
Аста и Аннализа	75
Весёлый Йорик	82
Жужекрылки и дед-полемышь.....	103
Лихо одноглазое	108
Караул.....	116
Птифу.....	119
Парижгород, что на реке Луаре.....	122
Нехристь казённая	127
Белые костяные бусы	129
Сорокопут.....	136
В краю омел	145
Мельница у Кривой реки	152
Орлиные когти	159
Серый извозчик.....	177
Чертополох и мята.....	185
Явление тёти Стефани.....	192
Дядя Джордж	198
Баронский замок	205
Макс	210
Чесночный дом	215
Сторож.....	222
Дом в парке	229
Скалолаз	248
Публикации.....	255